

Уильям Шекспир
Король Лир

William Shakespeare King Lear

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лир , король Британии.

Король Французский.

Герцог Бургундский.

Герцог Корнуэльский.

Герцог Альбанский.

Граф Кент.

Граф Глостер.

Эдгар , сын Глостера.

Эдмонд , побочный сын Глостера.

Куран , придворный.

Старик , арендатор у Глостера.

Врач .

Шут

Освальд , дворецкий Гонерильи.

Офицер на службе у Эдмонда.

Придворный из свиты Корделии.

Герольд.

Слуги герцога Корнуэльского.

Гонерилья, Регана , *Корделия* — дочери Лира.

Рыцари из свиты Лира, офицеры, гонцы, солдаты и придворные.

Место действия — Британия.

Время действия — легендарно относимое к IX веку до н. э.

АКТ I

СЦЕНА 1

Тронный зал во дворце короля Лира.

Входят Кент , Глостер и Эдмонд .

Кент

Я думал, что герцог Альбанский нравится королю больше герцога Корнуэльского.

Глостер

Так нам всегда казалось. Но теперь, перед разделом королевства, стало неясно, кого он любит больше. Части так выравнены, что при самом внимательном разборе нельзя сказать,

какая лучше.

Кент

Это ваш сын, милорд?

Глостер

Я причастен, сэр, к его рождению. Я так часто краснел, признаваясь в этом, что постепенно перестал смущаться.

Кент

Я не понимаю вас.

Глостер

Зато мать этого молодца поняла меня с первого взгляда и получила сына в люльку раньше, чем мужа в дом. Вы меня осуждаете?

Кент

Нет, если в итоге получился такой бравый мальчик.

Глостер

У меня есть законный сын, сэр, на год с чем-то старше этого, который тем не менее ничуть мне не дороже. Хотя этот сорванец явился на свет без приглашения, мать его была красавица. Его рождению предшествовало много радостей, и я вынужден признать себя его отцом. — Знаешь ты, кто этот благородный господин, Эдмонд?

Эдмонд

Нет, милорд.

Глостер

Это Кент. Помни и уважай графа. Это достойнейший друг мой.

Эдмонд

Рад буду служить вашей светлости.

Кент

Обещаю вам свою любовь, когда узнаю покороче.

Эдмонд

Постараюсь заслужить ее, сэр.

Глостер

Он девять лет был в отъезде и скоро опять уедет... Сюда идет король.

Трубы за сценой.

Входят Лир , герцог Корнуэльский , герцог Альбанский , Гонерилья , Регана , Корделия и свита .

Лир

Сходи за королем Французским, Глостер,
И герцогом Бургундским.

Глостер

Хорошо,
Мой государь.

Глостер и Эдмонд уходят.

Лир

А мы вас посвятим
В заветные решенья наши глубже.
Подайте карту мне. Узнайте все:
Мы разделили край наш на три части.
Ярмо забот мы с наших дряхлых плеч
Хотим переложить на молодые
И доплестись до гроба налегке.
Сын Корнуэл наш, и ты, любимый столь же
Сын Альбани, сейчас мы огласим,
Что мы даем за дочерьми, чтоб ныне
Предупредить об этом всякий спор.
Король Французский и Бургундский герцог,

Два знатных соискателя руки
Меньшой из дочек, тоже ждут ответа.
И так как мы с себя слагаем власть,
Права на землю и правленье краем,
Скажите, дочери, мне, кто из вас
Нас любит больше, чтобы при разделе
Могли мы нашу щедрость проявить
В прямом согласи с вашею заслугой.
Ты, Гонерилья, первой говори.

Гонерилья

Моей любви не выразить словами.
Вы мне милей, чем воздух, свет очей,
Ценней богатств и всех сокровищ мира,
Здоровья, жизни, чести, красоты,
Я вас люблю, как не любили дети
Доныне никогда своих отцов.
Язык немеет от такого чувства,
И от него захватывает дух.

Корделия

(в сторону)
А что Корделии сказать? Ни слова.
Любить безгласно.

Лир

Отдаем тебе
Весь этот край от той черты до этой,
С лесною тенью, полноводьем рек,
Полями и лугами. Им отныне
Владей навек с супругом и детьми.
Что скажет нам вторая дочь — Регана;
Жена Корнуэла? Говори, дитя.

Регана

Отец, сестра и я одной породы,
И нам одна цена. Ее ответ
Содержит все, что я б сама сказала,
С той небольшою разницей, что я
Не знаю радостей других, помимо
Моей большой любви к вам, государь.

Корделия

(в сторону)

О, как бедна я! Нет, я не бедна —
Любовью я богаче, чем словами.

Лир

Даем тебе с потомством эту треть
В прекрасном нашем королевстве. Ширью,
Красой и плодородьем эта часть
Ничуть не хуже, чем у Гонерильи.
Что скажет нам меньшая дочь, ничуть
Любимая не меньше, радость наша,
По милости которой молоко
Бургундии с лозой французской в споре?
Что скажешь ты, чтоб заручиться долей
Обширнее, чем сестрины? Скажи.

Корделия

Ничего, милорд.

Лир

Ничего?

Корделия

Ничего.

Лир

Из ничего не выйдет ничего.
Так объяснись.

Корделия

К несчастью, не умею
Высказываться вслух. Я вас люблю,
Как долг велит, — не больше и не меньше.

Лир

Корделия, опомнись и исправь
Ответ, чтоб после не жалеть об этом.

Корделия

Вы дали жизнь мне, добрый государь,
Растили и любили. В благодарность
Я тем же вам плачу: люблю вас, чту
И слушаюсь. На что супруги сестрам,
Когда они вас любят одного?
Наверное, когда я выйду замуж,
Часть нежности, заботы и любви
Я мужу передам. Я в брак не стану
Вступать, как сестры, чтоб любить отца.

Лир

Ты говоришь от сердца?

Корделия

Да, милорд.

Лир

Так молода — и так черства душой?

Корделия

Так молода, милорд, и прямодушна.

Лир

Вот и бери ты эту прямоту
В приданое. Священным светом солнца,
И тайнами Гекаты, тьмой ночной,
И звездами, благодаря которым
Родимся мы и жить перестаем,
Клянусь, что всенародно отрекаюсь
От близости, отеческих забот
И кровного родства с тобой. Отныне
Ты мне навек чужая. Грубый скиф

Или дикарь, который пожирает
Свое потомство, 1будет мне милей,
Чем ты, бывшая дочь.

Кент

Мой государь!

Лир

Ни слова, Кент! Не суйся меж драконом
И яростью его. 2— Я больше всех
Любил ее и думал дней остаток
Провести у ней. — Ступай! Прочь с глаз моих!
Клянусь покоем будущим в могиле,
Я разрываю связь с ней навсегда.
Я посылал за королем Французским.
Вы слышите? Бургундский герцог где?
Что вы стоите? Не слыхали, что ли? —
Корнуэл и Альбани, к своим частям
Прибавьте эту треть. Пускай гордыня,
В которой чудится ей прямота,
Сама ей ищет мужа. Облекаю
Обоих вас всей полнотою прав,
Присущих высшей власти. Жить я буду
По месяцу у каждого из вас
Поочередно и зачислю в свиту
Сто рыцарей себе. Мне с этих пор
Останется лишь королевский титул,
А пользование выгодами, власть,
Доход с земель и воинскую силу
Предоставляю вам, в залог чего
Даю вам разделить мою корону. 3
(Отдает им корону.)

Кент

Великий Лир, в ком чтил я короля,
Любил отца и слушал господина,
Кому я поклонялся...

Лир

Берегись!
Ты видишь, лук натянут. Прочь с дороги!

Кент

Стреляй, не бойся прострелить мне грудь.
Кент будет груб, покамест Лир безумен.
А ты как думал, взбалмошный старик?
Что рядом с лестью смолкнет откровенность?
Нет, честность более еще нужна,
Когда монарх впадает в безрассудство.
Не отдавай престола. Подави
Свою горячность. Я ручаюсь жизнью —
Любовь Корделии не меньше их.
Совсем не знак бездушья молчаливость.
Гремит лишь то, что пусто изнутри.

Лир

Ты шутишь жизнью, Кент.

Кент

Своею жизнью
Играл не раз я на войне с врагом
И снова для тебя играю ею.

Лир

Прочь с глаз моих!

Кент

Открой их шире, Лир!
И приглядиись внимательнее к другу.

Лир

Свидетель Аполлон...

Кент

Да, Аполлон —
Свидетель, что напрасно ты клянешься.

Лир

Подлец! Изменник!
(*Хватается за меч.*)

Герцог Альбанский и герцог Корнуэльский

Полно, государь!

Кент

Убей врача, а плату за лечение
Отдай болезни. Отмени приказ,
А то, пока дышу, твердить я буду:
Недоброе задумал.

Лир

Низкий раб!
Твоей присягой заклинаю, слушай!
Ты убеждал нас слову изменить,
Чего за нами раньше не водилось.
Ты волю нашу с мыслью разлучал,
Что не мирится с нашею природой.
Так вот тебе за это. Мы даем
Пять дней тебе на то, чтоб ты запасся
Всем, что потребует далекий путь,
И на шестой покинул королевство.
Знай: если на десятый день найдут
Тебя у нас, ты будешь предан смерти.
Ступай. Решенья я не отменю,
Клянусь Юпитером.

Кент

Прощай, король.
Раз дома нет узды твоей гордыне,
То ссылка — здесь, а воля — на чужбине.
(*Корделии.*)
Дитя, я за тебя богов молю.
Ты честно отвечала королю.
(*Регане и Гонерилье.*)
Пускай слова вас к действиям обяжут
И вашу преданность дела докажут.
(*Всем остальным.*)
Уходит Кент куда глаза глядят,
На новом месте жить на старый лад.
(*Уходит.*)

Трубы.

Возвращаются Глостер с королем Французским , герцогом Бургундским и свитой .

Глостер

Король и герцог здесь, мой государь.

Лир

Мой герцог, с вас начнем переговоры.
Вы сватаетесь с этим королем
За нашу дочь. Каким предельно малым
Приданным мог бы вам я угодить,
Чтоб вы от сватовства не отказались?

Герцог Бургундский

Предложенным, и только, государь,
А меньше вы и сами не дадите.

Лир

Мы, герцог, раньше дорожили ею.
Не то теперь. Ее цена упала.
Она пред вами. Если что-нибудь
Вам в маленькой притворщице по вкусу,
Тогда берите всю ее, как есть,
С немилостию нашею в придачу.

Герцог Бургундский

Что мне сказать?

Лир

Готовы ли вы взять
Ее без средств, предмет опалы нашей,
С проклятьем за душою, без друзей,
Иль вынуждены будете оставить?

Герцог Бургундский

Простите, благородный государь,

Мне путь отрезан при таком условии.

Лир

Оставьте же ее. Поверьте мне,
Я перечислил все ее богатства.
(Французскому королю.)
За вас я сам, возлюбленный король,
Не выдам той, кого я ненавижу.
Найдите спутницу себе взамен
Ничтожной этой твари, от которой
Природа отшатнулась со стыдом.

Король Французский

Как странно! Дочь, которая недавно
Была кумиром, верхом совершенств,
Любимицей отца, свершила что-то
Такое небывалое, что вмиг
Лишилась вашей ласки. Вероятно,
Ее вина чудовищно тяжка
Иль вы ее любили слишком мало.
Все против этой мысли восстает,
И нужно чудо, чтобы я поверил.

Корделия

Но, государь мой, если мой позор
Лишь в том, что я не льщу из лицемерья,
Что на ветер я не бросаю слов
И делаю добро без обещаний,
Прошу вас, сами объясните всем,
Что не убийство, не пятно порока,
Не нравственная грязь, не подлый шаг
Меня так уронили в вашем мнении,
Но то как раз, что я в себе ценю:
Отсутствие умильности во взоре
И льстивости в устах: что мне в вину
Вменяется не промах, а заслуга.

Лир

Ты лучше не являлась бы на свет,
Чем раздражать меня!

Король Французский

Так вот в чем горе!
В пугливой целомудренности чувств,
Стыдящихся огласки? Как вы, герцог?
Что скажете? Лишь та любовь — любовь,
Которая чуждается расчета.
Вы женитесь на ней? Она сама
Дороже всех приданных.

Герцог Бургундский

Лир, отдайте
Корделии обещанную часть,
И я ее сейчас же объявлю
Бургундской герцогиней.

Лир

Я сказал,
Что не отдам. Я клятв не изменяю.

Герцог Бургундский

Жаль, но тогда с отцом вы жениха
Утратили.

Корделия

Ну что ж, бог с вами, герцог:
Не я вас привлекала, а корысть.

Король Французский

Корделия, лишённая наследства,
Твое богатство — в бедности твоей.
Отверженная, я завладеваю
Тобой, мечта и драгоценный клад,
Как подбирают брошенные вещи.
О боги, боги, в этом униженье
Я лишь люблю ее неизреченней.
Приданого лишённая пристрастно,
Будь королевой Франции прекрасной.
Я этот перл бургундским господам
За многоводный край их не отдам.

Корделия, простись с двором суровым.
Ты лучший мир найдешь под новым кровом.

Лир

Она твоя, король. Иди с ней прочь,
Нам с ней не жить. Она не наша дочь.
Ступай от нас без ласкового слова
И без благословения отцова.
Пойдемте, герцог.

Лир , герцоги Бургундский, Корнуэльский, Альбанский , Глостер и свита уходят.

Король Французский

С сестрами простись.

Корделия

Отцовские сокровища, в слезах
Иду от вас. Я ваши свойства знаю,
Но, вас щадя, не буду называть.
Смотрите за отцом. Его с тревогой
Вверяю вашей показной любви.
Не эта бы нежданная опала,
Отцу приют я б лучший подыскала.
Прощайте, сестры.

Регана

Просим не учить.

Гонерилья

Учись сама, как угождать супругу,
Который взял из милости тебя.
За спор с отцом судьба тебя с годами
В замужестве накажет неладами.

Корделия

Как люди ни хитры, пора приходит —
И все на воду свежую выводит,
Прощайте.

Король Французский

Милая Корделия, идем.

Король Французский и Корделия уходят.

Гонерилья

Сестра, нам надо поговорить. У нас много общих дел, касающихся нас обеих. Кажется, отец решил выехать сегодня же.

Регана

Да. И, кажется, к тебе. А на следующий месяц — ко мне.

Гонерилья

Видишь, как он взбалмошен! Как тебе нравится то, что произошло? Невольно призадуматься. И это с сестрой, которую он всегда любил больше нас!

Регана

Это у него от возраста. Хотя он и раньше плохо владел собой.

Гонерилья

Он был сумасбродом в лучшие свои годы. Теперь к его привычному своеволию прибавятся вспышки старческой раздражительности.

Регана

Когда-нибудь и нам попадет, как этому Кенту. Вдруг взять и изгнать его!

Гонерилья

Или вроде его прощания с Французским королем. Давай держаться сообща. Если власть отца останется в силе, его сегодняшнее отречение при таком характере ничего не даст, кроме неприятностей.

Регана

Надо хорошенько подумать.

Гонерилья

И что-нибудь предпринять. Не откладывая.

Уходят.

СЦЕНА 2

*Зал в замке графа Глостера.
Входит Эдмонд с письмом в руке.*

Эдмонд

Природа, ты моя богиня! В жизни
Я лишь тебе послушен. Я отверг
Проклятье предрассудков и правами
Не поступлюсь, пусть младше я, чем брат.
Побочный сын! Что значит сын побочный?
Не крепче ль я и краше сыновей
Иных почтенных матерей семейства?
За что же нам колоть глаза стыдом?
И в чем тут стыд? В том, что свежей и ярче
Передают наследственность тайком,
Чем на прискучившем законном ложе,
Основывая целый род глупцов
Меж сном и бдением? Да, Эдгар законный,
Твоей землей хочу я завладеть.
Любовь отца к внебрачному Эдмонду
Не меньше, чем к тебе, законный брат,
Какое слово странное: «законный»!
Ну ладно, мой законный. Вот письмо,
И если мой подлог сойдет успешно,
Эдмонд незнатный знатного столкнет.
Я в цвете сил. Я подымаюсь в гору.
Храните, боги, незаконных впредь!

Входит Глостер .

Глостер

Отправил в ссылку Кента! С королем
Французским не простился и повздорил!
Покинул двор! Отрекся от венца
Внезапно, под влиянием минуты! —

Ну что, какие новости, мой Эдмонд?

Эдмонд

Никаких, милорд.
(Прячет письмо.)

Глостер

Отчего ты так торопливо спрятал это письмо?

Эдмонд

Я не слышал никаких новостей, милорд.

Глостер

Что это за бумагу читал ты сейчас?

Эдмонд

Я ничего не читал, милорд.

Глостер

Ничего не читал? Что же в таком случае ты спрятал так торопливо в карман? Дай мне листок. Если в нем нет ничего, я это и без очков увижу.

Эдмонд

Сэр, простите меня. Это письмо от моего брата. Я еще не дочитал его до конца. Но, судя по тому, что я успел разобрать, вам лучше не читать его.

Глостер

Дай мне письмо.

Эдмонд

Покажу ли я вам его или нет, я поступлю одинаково дурно. Судя по его содержанию, это письмо нехорошее.

Глостер

Посмотрим, посмотрим...

Эдмонд

К чести брата, хочу верить, что он написал мне в таком духе, только чтобы испытать меня.

Глостер

(читает)

«Это почитание старости отравляет нам лучшие годы нашей жизни и отдает деньги в наши руки слишком поздно, когда по дряхлости мы уже не можем воспользоваться ими в свое удовольствие. Я склоняюсь к убеждению, что тиранство стариков — бесполезный предрассудок, властвующий над нами только потому, что мы его терпим. Встретимся и поговорим поподробнее. Если бы отец мог уснуть и не просыпаться, пока я не разбужу его, тебе досталась бы половина его доходов и постоянная любовь твоего брата Эдгара». Что это? Заговор? «...уснуть и не просыпаться... тебе досталась бы половина его доходов». И это мой сын Эдгар! И у него рука поднялась вывести эти буквы! Сердце его ютило такие мысли!.. Когда ты получил это? Кто принес это письмо?

Эдмонд

В том-то и дело, милорд, что никто. Его бросили мне в окно.

Глостер

Это почерк твоего брата?

Эдмонд

Если бы письмо было хорошее, у меня на этот счет не было бы никаких сомнений. Но в таком письме его почерк кажется мне сомнительным.

Глостер

Это его почерк.

Эдмонд

Это писано его рукою, но его сердце в этом не участвовало.

Глостер

Раньше он никогда не высказывал тебе подобных соображений?

Эдмонд

Никогда. Но он часто выражал мнение, что совершеннолетние сыновья должны были бы опекать стареющих отцов и управлять их имуществом.

Глостер

Вот негодяй, вот негодяй! Те же самые мысли, что в письме! Отвратительный негодяй! Подлое, бесчувственное животное. Хуже, чем животное!.. Ступай, голубчик, разыщи его. Я засажу его под замок. Чудовищный негодяй! Где он?

Эдмонд

Не знаю, милорд. Но вот что я вам скажу: сдержите ваше негодование, пока у вас не будет более веских доказательств. Это будет правильно. Если же вы начнете действовать силой, не будучи правы, это запятнает вашу честь и окончательно подорвет его привязанность к вам. Я готов ручаться жизнью, что все это он написал, только чтобы проверить, насколько я люблю вас, и ни для чего другого, уверяю вас.

Глостер

Ты так думаешь?

Эдмонд

Я помогу вам в этом удостовериться. Если хотите, я вас поставлю в таком месте, где вы сможете подслушать наши разговоры. Это можно сделать не дальше как сегодня вечером.

Глостер

Он не может быть таким извергом.

Эдмонд

Конечно, нет.

Глостер

По отношению к отцу, который любит его с такою нежностью и силой! Земля и небо! — Эдмонд, вкрадись в его доверие, выведи его на чистую воду. Сделай это ради меня. Я все готов отдать, чтобы узнать правду.

Эдмонд

Я пойду сейчас искать его, наведу на разговор о письме и обо всем дам вам знать.

Глостер

Вот они, эти недавние затмения, солнечное и лунное! Они не предвещают ничего хорошего. Что бы ни говорили об этом ученые, природа чувствует на себе их последствия. Любовь остывает, слабеет дружба, везде братоубийственная рознь. В городах мятежи, в деревнях раздоры, во дворцах измены, и рушится семейная связь между родителями и детьми. Либо это случай, как со мною, когда сын восстает на отца. Либо как с королем. Это другой пример. Тут отец идет против родного детища. Наше лучшее время миновало. Ожесточение, предательство, гибельные беспорядки будут сопровождать нас до могилы. Изобличи этого мерзавца, Эдмонд. Ты об этом не пожалеешь. Постарайся, пожалуйста. — Или вот еще пример. Благородный Кент изгнан. За что? Только за то, что он честен. Удивительно! (*Уходит.*)

Эдмонд

Вот так всегда. Как это глупо! Когда мы сами портим и коверкаем себе жизнь, обожравшись благополучием, мы приписываем наши несчастья солнцу, луне и звездам. Можно, правда, подумать, будто мы дураки по произволению небес, мошенники, воры и предатели — вследствие атмосферического воздействия, пьяницы, лгуны и развратники — под непреодолимым давлением планет. В оправдание всего плохого у нас имеются сверхъестественные объяснения. Великолепная увертка человеческой распущенности — всякую вину свою сваливать на звезды! Отец проказничал с матерью под созвездием Дракона. Я родился на свет под знаком Большой Медведицы. Отсюда следует, что я должен быть груб и развратен. Какой вздор! Я то, что я есть, и был бы тем же самым, если бы самая целомудренная звезда мерцала над моей колыбелью... Вот идет Эдгар. Он является как нельзя более вовремя, подобно развязке в старинной комедии. Напушу на себя грусть вроде полоумного Тома из Бедлама.⁴

Входит Эдгар.

О, эти затмения — предвестия будущих раздоров! Фа, соль, ля, ми...

Эдгар

Ну как, брат Эдмонд? Ты занят серьезными размышлениями?

Эдмонд

Я задумался, брат, над событиями, которые, как я читал, должны произойти вслед за недавними затмениями.

Эдгар

Вот ты чем занимаешься!

Эдмонд

Уверяю тебя, предсказания, о которых я прочел, к несчастью, сбываются. Извращаются отношения между детьми и родителями, наступает мор, дороговизна, всеобщая вражда. Государство раздирают междоусобицы, народ угрожает королю и знати, возникает подозрительность, друзья отправляются в изгнание, армия разваливается, супруги изменяют друг другу, и прочая и прочая.

Эдгар

С каких пор записался ты в астрономы?

Эдмонд

Оставим это. Лучше скажи мне, когда ты виделся с отцом в последний раз?

Эдгар

Вчера вечером.

Эдмонд

Ты говорил с ним?

Эдгар

Да, два часа подряд.

Эдмонд

Вы расстались по-хорошему? Ты не заметил в нем какого-нибудь недовольствия, когда он говорил и смотрел на тебя?

Эдгар

Ни малейшего.

Эдмонд

Припомни хорошенько, чем ты мог задеть его, и, ради всего святого, не попадайся ему на глаза некоторое время, пока он не успокоится. Сейчас он клянет тебя на чем свет стоит и готов разорвать тебя на части от гнева.

Эдгар

Какой-нибудь мерзавец оклеветал меня.

Эдмонд

Я тоже боюсь этого. Прошу тебя, соблюдай осторожность, пока его ярость не уляжется. И знаешь что: я дам тебе убежище в своей комнате, откуда ты сможешь удобно подслушать, что скажет отец. Ступай туда. Вот тебе ключ. Если вздумаешь отлучиться на улицу, бери оружие.

Эдгар

Оружие?

Эдмонд

Слушай, брат, это для твоей пользы. Честное слово, у него недоброе на уме против тебя. То, что я рассказал тебе, — ничто по сравнению с действительностью. Прошу тебя, уходи, пожалуйста.

Эдгар

Но ты скоро дашь мне знать о себе?

Эдмонд

Я посвящу всего себя этому делу.

Эдгар уходит.

Отец поверил, и поверил брат.

Так честен он, что выше подозрений.
Их простодушием легко играть.
Я вижу ясно, как их обморочить.
Не взял рождением, так свое возьму
Благодаря врожденному уму.
(Уходит.)

СЦЕНА 3

Комната во дворце герцога Альбанского.
Входят Гонерилья и Освальд .

Гонерилья

Правда ли, что отец прибил моего придворного за то, что тот выругал его шута?

Освальд

Да, миледи.

Гонерилья

Все время огорченья! Что ни час —
Другая новость. В доме нет покоя.
Я больше не могу. Его двору
Позволено буяннить как угодно,
А нам за мелочь всякую упрек.
Когда они воротятся с охоты,
Я не хочу с ним говорить. Скажи:
Я нездорова. Да не расстилайся
Так перед ним. Последствия беру
Все на себя.

Звуки рога за сценой.

Освальд

Вы слышите, он едет.

Гонерилья

Поменьше церемоний. Передай
Всем в доме это. Я хочу, чтоб дело
Дошло до взрыва. Плохо у меня —

Пускай к сестре переезжает. Знаю,
Что у нее на это сходный взгляд.
Она не даст командовать упрямцу.
Сам отдал власть, а хочет управлять
По-прежнему! Нет, старики — как дети,
И требуется строгости урок,
Когда добро и ласка им не впрок.
Запомни это.

Освальд

Слушаюсь, миледи.

Гонерилья

И попрохладнее с его людьми.
Без всякого стеснения. Подчиненным
Скажи, что я хочу найти предлог
Для объяснений. Это надоело.
Сейчас я напишу письмо сестре,
Чтоб нам быть заодно. Готовь обедать.
(Уходит.)

СЦЕНА 4

Зал там же.
Входит Кент , переодетый.

Кент

Я должен перенять чужую речь
И буду до конца неузнаваем.
Так надо для намерений моих,
Из-за которых изменил я внешность.
Ну, Кент, слугой к хозяину наймись,
Прогнавшему тебя под страхом смерти,
И этим господину докажи,
Как велика твоя неутомимость.

Звуки рога за сценой. Входят Лир , рыцари , слуги .

Лир

Не заставляйте меня ждать ни минуты. Подавайте обедать.

Один из служителей уходит.

Что тебе? Ты кто такой?

Кент

Человек.

Лир

Чем ты занимаешься? Что тебе от нас надо?

Кент

Вот мой род занятий: быть самим собой. Верно служить тому, кто мне доверится. Любить того, кто честен. Знаться с тем, кто рассудителен и мало говорит. Считаться с общим мнением. Драться, когда нет другого выхода, и не есть рыбы.

Лир

А сам ты кто?

Кент

Подлинно честный малый, бедный, как король.

Лир

Если ты так же беден в ряду подданных, как он среди королей, то ты действительно беден. Чего же ты хочешь?

Кент

Служить.

Лир

Кому ты хочешь служить?

Кент

Вам.

Лир

Разве ты меня знаешь, приятель?

Кент

Нет, сэр. Но в лице у вас есть что-то такое, что покоряет.

Лир

Что же это такое?

Кент

Властность.

Лир

А к какому делу ты годен?

Кент

Я умею хорошо хранить тайны, ездить верхом, бегать, рассказывать с грехом пополам затейливые истории и точно исполняю поручения, когда они несложны. Все это может сделать всякий. Но усердие мое беспримерно.

Лир

Сколько тебе лет?

Кент

Я не так молод, чтобы полюбить женщину за ее пение, и не так стар, чтобы сходить по ней с ума без всякой причины. Сорок восемь лет жизни за спиной у меня.

Лир

Хорошо. Прислуживай мне. Если ты не разонравишься мне после обеда, я не расстанусь с тобой. — Обедать, обедать! Где мой шут? — Эй, ты, послушай, сходи за моим дураком.

Один из служителей уходит. Входит Освальд .

Эй, ты, малый, где моя дочь?

Освальд

С вашего разрешения...
(Уходит.)

Лир

Что он сказал? Кликни этого негодяя обратно.

Один из рыцарей уходит.

Ну так где же мой шут? А? Похоже, будто все заснули.

Рыцарь возвращается.

Ну как? Где это животное?

Рыцарь

Он говорит, милорд, что вашей дочери нездоровится.

Лир

А почему этот невежа не вернулся, когда я его звал?

Рыцарь

Сэр, он мне заявил напрямик, что не желает возвращаться.

Лир

Он не желает?

Рыцарь

Милорд, я не знаю, отчего это, но, насколько я понимаю, с вашим величеством стали здесь обращаться без должной почтительности. Эта небрежность заметна у герцога, у вашей дочери и даже у прислуги.

Лир

Ага! Вот как ты думаешь?

Рыцарь

Простите, государь, если я ошибаюсь, но я не смею молчать при мысли, что с вами не церемонятся.

Лир

Нет, нет, ты назвал то, что мне самому бросалось в глаза. С некоторого времени я тоже наблюдаю признаки легкой невнимательности, но приписал это скорее своей мнительности, чем их желанию оскорбить меня. Присмотрюсь к этому получше. Однако где же мой дурак? Я второй день не вижу его.

Рыцарь

С отъезда молодой госпожи во Францию королевский шут все время хандрит.

Лир

Ни слова больше! Я сам это заметил... Эй ты, ступай-ка скажи моей дочери, что я желаю с ней поговорить.

Один из служителей уходит.

Позовите сюда моего шута.

*Другой служитель уходит.
Возвращается Освальд .*

А, это вы, сударь? Подите-ка, сударь, сюда. Кто я, сударь, по-вашему?

Освальд

Вы — отец герцогини.

Лир

«Отец герцогини»? Вот как, подлец герцога? Ах, сукин сын! Ах, мерзавец!

Освальд

Неправда! Я ни то, ни другое, милорд. Прощу прощения.

Лир

Не смей смотреть на меня так дерзко! Нахал! *(Бьет его.)*

Освальд

Я не позволю бить себя, милорд!

Кент

А подбить тебя ногой, как мяч, можно? *(Сбивает его с ног.)*

Лир

Спасибо, дружище! Мне нравится твоя служба. Я буду жаловать тебя.

Кент

Эй, ты, вставай и пошел вон! Вперед будешь поучтивее. Пошел, пошел! Если ты хочешь еще раз вымерять пол собою — пожалуйста. А не то убирайся. Ну ступай, ступай! Понял? *(Выталкивает Освальда.)*

Лир

Ну, мой работничек, благодарю тебя. Вот тебе за труды. *(Дает Кенту денег.)*

Входит шут .

Шут

Я тоже найму его. Вот тебе моя шапка, носи ее. *(Протягивает Кенту свой дурацкий колтак.)*

Лир

А, здравствуй, мой хороший! Как поживаешь?

Шут

Взял бы ты лучше мой колпак, приятель.

Кент

Зачем он мне?

Шут

Затем, что ты валяешь дурака, если заступаешься за опального. Нет, правда, держи, брат, нос по ветру, а то простудишься. Бери мой колпак. Видишь, этот чудака прогнал двух своих дочерей, а третью благословил против своей воли. Служить ему можно только в дурацком колпаке. — Ну как, дяденька? Жаль, нет у меня двух колпаков и двух дочерей!

Лир

Для чего, дружок?

Шут

Состояние я отдал бы дочерям, а колпаки оставил бы себе. Вот один у меня, а другой выпроси себе у дочек.

Лир

Берегись, каналья! Видишь плетку?

Шут

Правду всегда гонят из дому, как сторожевую собаку, а лесть лежит в комнате и воняет, как левретка.

Лир

Камень в мой огород.

Шут

Хочешь, куманек, выучить изречение?

Лир

Ладно.

Шут

Слушай, дяденька:
Наживайся тайком,
Не мели языком,
Меньше бегай пешком,
Больше ездь верхом,
Не нуждайся ни в ком,
Не водись с игроком,
Не гуляй, не кути,
А сиди взаперти:
Двадцать на двадцати
Сможешь приобрести.

Лир

Это вздор, дурак!

Шут

Бесполезный, как слова адвоката, не получившего за свою речь платы. А скажи, дяденька, можно из ничего извлечь какую-нибудь пользу?

Лир

Нет, голубчик, из ничего ничего и не получается.

Шут

(Кенту)

Пожалуйста, скажи ему, что столько же получит он со своих владений. Если я ему это скажу, он мне ответит: «дурак».

Лир

Злой дурак!

Шут

А ты знаешь, куманек, какая разница между злым дураком и добрым дураком?

Лир

Нет, братец. Научи меня.

Шут

Кто дал тебе совет
Отдать свой край другим,
Тот от меня, сосед,
Умом неотличим.
Я злой дурак — и в знак
Того ношу колпак,
А глупость добряка
Видна без колпака.

Лир

Ты зовешь меня дураком, голубчик?

Шут

Остальные титулы ты роздал. А это — природный.

Кент

Это совсем не так глупо, милорд.

Шут

Нет, быть совсем глупым мне не позволили бы из зависти. Если бы я взял монополию на глупость, флорды и вельможи пожелали бы вступить в пай со мной, да и знатные дамы тоже захотели бы урвать кусочек. — Дай мне яйцо, дяденька, а я дам тебе за то два венчика.

Лир

Какие это такие два венчика?

Шут

А вот какие. Яйцо я разрежу пополам, содержимое съем, а из половинок скорлупы выйдут два венчика. Когда ты расколол свой венец надвое и отдал обе половинки, ты

Король Лир
Уильям Шекспир

взвалил осла себе на спину, чтобы перенести его через грязь. Видно, мало мозгу было под твоим золотым венцом, что ты его отдал. Если я рассуждаю, как дурак, надо высечь того, кто это скажет.

(Поет.)

Приходит дуракам капут,
Не спрос на них сегодня.
Разумные себя ведут
Безумных сумасбродней.

Лир

Давно ли это ты, брат, так распелся?

Шут

С тех пор, как ты из своих дочерей сделал матерей для себя, дал им в руки розги и стал спускать с себя штаны.

(Поет.)

Они от радости завыли,
А я — от срамоты,
Что государь мой — простофиля
И поступил в шуты. Найми мне, дяденька, учителя. Я хочу научиться врать.

Лир

Если ты будешь врать, я тебя выпорю.

Шут

Как странно, что между тобой и дочерьми нет ничего общего. Они грозятся отхлестать меня за правду, ты — за ложь, а иногда меня бьют за то, что я отмалчиваюсь. Лучше быть чем угодно, только не шутком. И, однако, я бы не хотел быть тобою, дяденька. Ты обкорнал свой ум с обеих сторон и ничего не оставил в середине. Вот один из обрезков.

Входит Гонерилья .

Лир

А, доченька! К чему эта хмурость? Последние дни ты все время дуешься.

Шут

Ты был довольно славным малым во время оно, когда тебя не занимало, хмурится она или нет. А теперь ты нуль без цифры. Я и то сейчас больше тебя. Я хоть шут, на худой конец,

Король Лир
Уильям Шекспир

а ты совершенное ничто. *(Гонерилье.)* Молчу, молчу! Вижу, взглядом повелеваете вы мне молчать, хотя и не сказали ни слова. *(Указывая на Лиру.)*

Прожил жизнь, а глуп как пень:
Корки нет про черный день.
Вот вылущенный гороховый стручок!

Гонерилья

Не только этот ваш развязный шут,
Вся ваша невоспитанная дворня
Бранит и осуждает все кругом
И ежечасно предается буйству.
Я думала, услышав мой упрек,
Вы прекратите это, но узнала,
Что сами вы на деле и словах
Потворствуете этим безобразьям.
Не гневайтесь, но если это так,
Мне, видимо, теперь самой придется
Принять крутые меры. Я прошу
Не обижаться. Если б не забота
О благе государства, верьте мне,
Я б постыдилась вмешиваться в это.

Шут

А ты как думал, дяденька?
Кукушка воробью пробила темя
За то, что он кормил ее все время.
Потухла свечка, вот мы и в потемках.

Лир

Моя ль ты дочь?

Гонерилья

Прислушайтесь, отец,
К моим предупрежденьям, призовите
Весь ум, когда-то отличавший вас,
И бросьте ваши новые замашки,
Которые совсем вам не к лицу.

Шут

Надо быть ослом, чтобы не понять, что тут все шиворот-навыворот: яйца курицу учат.

Просто загляденье!

Лир

Скажите, кто я? Видно, я не Лир?
Не тот у Лира взгляд, не та походка.
Он, видно, погружен в глубокий сон?
Он грезит? Наяву так не бывает.
Скажите, кто я? Кто мне объяснит?

Шут

Тень Лира.

Лир

Я действительно хочу знать, кто я. Потому что мое королевское достоинство и некоторые другие признаки наводят меня на ложную мысль, будто у меня есть дочери...

Шут

...которые хотят сделать из тебя послушного отца.

Лир

Как ваше имя, госпожа моя?

Гонерилья

В вопросе вашем столько же притворства,
Как в прочих ваших выходках. Прошу
Понять меня как следует. Вы стары,
Почтенны. Вы должны быть образцом.
Тут с вами сотня рыцарей и сквайров,
Бедовый и отчаянный народ,
Благодаря которым этот замок
Похож на балаган или кабак.
Распорядитесь прекратить бесчинства,
Как должен стыд самим вам подсказать.
Вас просит та, кому не подобает
Просить и было б легче приказать.
Извольте распустить часть вашей свиты.
Оставьте малое число людей,
Которые не будут забываться

И буйствовать.

Лир

Провал возьми вас всех!
Седлать коней! Собрать в дорогу свиту!
Бездушный выродок! Я впредь тебе
Не буду докучать своей особой!
Еще есть дочь у нас!

Гонерилья

Вы бьете слуг моих. Ваш пьяный сброд
Кричит на старших, как на подчиненных.

Входит герцог Альбанский .

Лир

Плох тот, кто поздно кается.
(*Герцогу Альбанскому.*)
Вы, сэр,
С ней тоже заодно? — Коней седлайте! —
Неблагодарность с сердцем из кремня,
Когда вселишься ты в дитя родное,
Морских чудовищ ты тогда страшней!

Герцог Альбанский

Сэр, не волнуйтесь.

Лир

(*Гонерилье*)
Ненасытный коршун,
Ты лжешь! Телохранители мои —
Испытанный народ высоких качеств.
Они прекрасно знают, в чем их долг,
И сами дорожат своею честью.
Корделии оплошность! Отчего
Я так преувеличил этот промах,
Что вырвал из души своей любовь
И грудь взамен наполнил ядом желчи?
Как был я слеп! О Лир, теперь стучись
В ту дверь, откуда выпустил ты разум

И глупость залучил.
(*Бьет себя по голове.*)
В путь, господа!

Герцог Альбанский

Милорд, в чем суть? Я ничего не знаю
И неповинен.

Лир

Верю вам, милорд. —
Услышь меня, услышь меня, природа,
И если создавала эту тварь
Для чадородья, отмени решение!
Срази ее бесплодием! Искуши
В ней навсегда способность к материнству!
Пускай ее испорченная плоть
Не принесет на радость ей ребенка.
А если ей судьба иметь дитя,
Пусть будет этот плод ей вечной мукой,
Избороздит морщинами ей лоб
И щеки в юности разъест слезами.
В ничто и в безнадежность обрати
Все, что на детище она потратит, —
Ее тревоги, страхи и труды,
Чтобы она могла понять, насколько
Больней, чем быть укушенной змеей,
Иметь неблагодарного ребенка!
Прочь, прочь отсюда!
(*Уходит.*)

Герцог Альбанский

Ради всех богов,
На что он в гневе?

Гонерилья

Толковать не стоит.
Впадает в детство. Пусть себе шумит.

Лир возвращается.

Лир

Куда девалась половина свиты?
Их было сто, а стало пятьдесят.

Герцог Альбанский

На что вы сердитесь?

Лир

Сейчас отвечу.
(*Гонерилье.*)
О жизнь и смерть! Стыжусь, что я забыл
Из-за тебя о том, что я мужчина,
Что эти слезы вызваны тобой,
Нисколько их не стоящей. — Исчახни
И сгинь от порчи! Пропади от язв
Отцовского проклятья. — О, не плачьте
Вы, старческие глупые глаза,
А то я вырву вас и брошу наземь
Вослед слезам, текущим в три ручья.
Вот до чего дошло! Ну, будь что будет.
Еще другая дочь есть у меня.
Она добра. Я на нее надеюсь.
Я расскажу ей про тебя. Она
Ногтями исцарапает, волчица,
Лицо тебе! Не думай, я верну
Себе всю мощь, которой я лишился,
Как ты вообразила. Я верну!

Лир, Кент и свита уходят.

Гонерилья

Ты это слышал?

Герцог Альбанский

Слышал, Гонерилья.
Но быть пристрастным из любви к тебе...

Гонерилья

Довольно! Позовите мне Освальда. —
А ты — скорее плут, чем шут, — живей
Ступай за господином.

Шут

Дядюшка Лир, дядюшка Лир, погоди, захвати шута с собою!
С лисой из капкана
И дочкой поганой
Кончай, не смущаясь.
Да, жаль, не достану
Петли и аркана
И сам убираюсь.
(Уходит.)

Гонерилья

Придумал ловко, нечего сказать:
Сто рыцарей! Сто рыцарей, готовых
Фантазии любые старика
В любое время поддержать оружием!
А нам все эти буйства, шум и гам
Всегда терпеть с опасностью для жизни
Но где Освальд?

Герцог Альбанский

Мне кажется, твой страх
Преувеличен.

Гонерилья

Лучше опасаться
Без меры, чем без меры доверять.
От бед спасает только осторожность.
Я знаю слишком хорошо отца
И о его словах пишу Регане.
А если после моего письма
Она ему оставит эту сотню
Вразрез со мной...

Возвращается Освальд .

Ах, Освальд, это ты?
Готово ли письмо к сестре?

Освальд

Готово.

Гонерилья

Возьми с собой немедленно людей —
И на коней. К письму прибавишь устно
Про наши страхи. Присовокупи
И личные свои соображенья
Спеш и возвращайся поскорей.

Освальд уходит.

А ваша бесхарактерная кротость —
Будь сказано вам, герцог, не во гнев —
Скорее непростительная глупость,
Чем признак настоящей доброты.

Герцог Альбанский

Зато вы бьете в цель неумолимо.
Смотрите лишь, не попадите мимо.

Гонерилья

Однако...

Герцог Альбанский

Будущее нам покажет.

СЦЕНА 5

*Двор в замке герцога Альбанского.
Входят Лир, Кент и шут.*

Лир

Отправляйся в Глостер с этим письмом. Не прибавляй дочери ничего от себя, а только отвечай на вопросы, которые она задаст тебе, прочтя письмо. Если ты не поторопишься, я приеду туда раньше тебя.

Кент

Я глаз не сомкну, милорд, пока не передам вашего письма. *(Уходит.)*

Шут

Если бы мозги у человека были в пятках, не грозили бы его уму мозоли?

Лир

Грозили бы.

Шут

В таком случае поздравляю тебя. Твоим мозгам никогда не придется ходить в туфлях.

Лир

Ха-ха-ха!

Шут

Увидишь, как милостиво примет тебя другая дочь. Хотя одна похожа на другую, как лесное яблоко на садовое, позволь мне знать то, что я знаю.

Лир

Что же ты знаешь, дружок?

Шут

Что на вкус они обе окажутся такими же кислыми, как два лесных яблока. Можешь ли ты сказать, почему нос на лице у человека посередине?

Лир

Нет.

Шут

Чтобы иметь по обе стороны от себя по глазу. Чего не разнохает нос, то глаза досмотрят.

Лир

Я был так несправедлив к ней...

Шут

А можешь ли ты сказать, как устрица делает свою раковину?

Лир

Нет.

Шут

Я тоже не могу. А зачем улитке домик, я знаю.

Лир

Зачем?

Шут

Чтобы было куда всовывать голову, а не подставлять ее под удары дочерям вместе с незащищенными рожками.

Лир

Надо переделать свою природу. — Такого доброго отца! — Готовы лошади?

Шут

Твои ослы пошли за ними. Любопытная причина, по которой в семизвездье семь звезд, а не больше.

Лир

Потому что их не восемь?

Шут

Совершенно верно. Из тебя вышел бы хороший шут.

Лир

Вернуть все силою! — Неблагодарное чудовище!

Шут

Если бы ты был моим шутком, дяденька, я бы всегда колотил тебя за то, что ты состарился раньше времени.

Лир

Как это?

Шут

Тебе нельзя было стариться, пока не поумнеешь.

Лир

Не дайте мне сойти с ума, о боги!
Пошлите сил, чтоб не сойти с ума!

Входит придворный .

Готовы лошади?

Придворный

Милорд, готовы.
Идемте.

Шут

В том мало смеху,бчто уходит шут.
Вас тоже в жизни перемены ждут.

Уходят.

АКТ II

СЦЕНА 1

Двор в замке графа Глостера.

Входят с разных сторон Эдмонд и Куран .

Эдмонд

Здравствуй, Куран.

Куран

Здравствуйте, сэр. Только что я был у вашего отца с извещением, что герцог Корнуэльский и герцогиня Регана предполагают пожаловать к нему сегодня вечером.

Эдмонд

С какой целью?

Куран

Не знаю, право. Слышали новости? То, о чем шепчутся кругом. Потому что вслух этого еще не произносят.

Эдмонд

Нет, не слышал. Расскажи, пожалуйста.

Куран

Говорят, что, по-видимому, будет война между герцогами Корнуэльским и Альбанским. Неужели не слышали?

Эдмонд

Ни слова.

Куран

Со временем услышите. Прощайте, сэр. *(Уходит.)*

Эдмонд

Здесь будет герцог? Хорошо. Тем лучше.
Мне это очень на руку. Отец
Велел найти и взять под стражу брата.

Еще одно мне дело предстоит:
Потребуется скорость и решимость...
Брат, на два слова! Слышишь, брат! Спустись.

Входит Эдгар .

Брат, за тобой отец следит. Спасайся.
Он выведал, где прячу я тебя.
Беги, воспользовавшись мраком ночи.
Скажи, ты ничего не говорил
Плохого о Корнуэле? Он к нам едет
С Реганой на ночь глядя, второпях.
Ты не проговорился ли о ссоре
Еще с Альбанским герцогом? Припомни.

Эдгар

Нет, никогда. Я помню хорошо.

Эдмонд

Сюда отец идет. Прости. Притворно
Я меч свой обнажу против тебя.
Вынь свой для вида. — «Отбивай! Сдавайся!» —
Теперь, покамест нет отца, беги. —
«Огня сюда!» — Спасайся, брат, спасайся! —
«Эй, люди с факелами!» — Так. Прощай.

Эдгар уходит.

Немного крови, чтоб отец подумал,
Что бой был жаркий.
(*Ранит себя в руку.*)
Люди во хмелю
Сильней себя кромсают смеха ради. —
Отец! Отец! На помощь!.. Ни души.

Входят Глостер и слуги с факелами.

Глостер

Где этот изверг?

Эдмонд

Здесь, сейчас, в потемках,

Шепча заклятья, он стоял с мечом
И призывал луну помочь злодейству.

Глостер

Но где он?

Эдмонд

Посмотрите, я в крови.

Глостер

Но где он, этот негодяй?

Эдмонд

Он скрылся,
Едва лишь убедился, что не мог...

Глостер

Постой. — Поймать его! Скорей в погоню!

Несколько слуг уходят.

Не мог чего?

Эдмонд

Не мог меня склонить
К тому, чтоб я убил вас. Безуспешно
Я говорил, как небеса казнят
Отцеубийц, напоминал о связи
Между родителями и детьми.
Увидев мой испуг и отвращенье,
Он вынул меч, нанес сплеча удар
И ранил в руку. Тут же спохватился,
Что я готов за правду постоять
И буду драться, испугался криков,
Которые я поднял, и бежал.

Глостер

Пускай бежит, поимки не избегнет.
А схватят — и конец. Мой господин
И покровитель, благородный герцог,
Нас посетит сегодня. Он издаст
Приказ о быстром розыске злодея
С наградой тем, кто выдаст нам его,
И наказаньем смертью за укрытье.

Эдмонд

Увидев, что его не отвратить
От преступления, я его задумал
Пугнуть разоблачением, но в ответ
Он возразил: "Бесправный сын побочный,
Ты спорить собираешься со мной?
Да кто тебе поверит? Чем докажешь
Ты правду слов своих и правоту,
Когда я буду отрицать улики
И почерк свой подделкой объявлю?
Кто будет слушать эти обвиненья,
Раз смерть моя так выгодна тебе,
Что надо быть тупицей, чтоб не видеть,
Как сильно должен ты желать ее!"

Глостер

О подлый лжец! Он собственную подпись
Решится отрицать? Он мне не сын!

Трубы за сценой.

Приехал герцог с неизвестной целью.
Я упрошу его закрыть пути
И гавани. Не улизнет преступник.
Мы для его поимки разошлем
По всей стране его изображение.⁷
Тебе же, мальчик мой,⁸я передам
Права наследовать мои владенья.

Входят герцог Корнуэльский , Регана и свита .

Герцог Корнуэльский

Ну как, мой друг? Едва сюда я прибыл,
Я новости ужасные узнал.

Регана

Все казни мягки, если это правда.
Как чувствуете вы себя, милорд?

Глостер

Разбито сердце старое, разбито!

Регана

Неужто крестник моего отца,⁹
Эдгар, на вашу жизнь мог покушаться?

Глостер

О леди, леди, совестно признать!

Регана

А не водил он дружбы с бунтарями
В отцовской свите?

Глостер

Право, я не знаю.
Все это слишком, слишком тяжело!

Эдмонд

Да, герцогиня, он из этой шайки.

Регана

Чему ж дивиться? Видно, этот сброд
И подстрекал его, чтобы с убийцей
Потом наследство ваше пропивать.
От общества их предостерегает
Сестра в письме, и я покину дом,
Когда они к нам на постой приедут.

Герцог Корнуэльский

И я, Регана. — Я слышал, мой Эдмонд,
Что вы себя при этом показали
Достойным сыном?

Эдмонд

Это был мой долг.

Глостер

Он умысел раскрыл и при попытке
Схватить злодея ранен был в борьбе.

Герцог Корнуэльский

За ним в погоню послано?

Глостер

Конечно.

Герцог Корнуэльский

Когда поймают, больше никому
Не будет он опасен. Как хотите
Управьтесь с ним от моего лица.
А вас, Эдмонд, чья преданность и доблесть
Так явно говорят здесь за себя,
Хотел бы я зачислить к нам на службу.
Я доверяю людям вроде вас.
Беру вас первым.

Эдмонд

Оправдаю выбор.

Глостер

Благодарю вас, герцог, за него.

Герцог Корнуэльский

Вы знаете, зачем мы к вам явились?

Регана

Причем — не вовремя, ночной порой!
Тому причиной важные события,
Насчет которых нужен ваш совет.
Отец с сестрою пишут нам о ссоре.
Их спор я предпочла бы разобрать
На чьей-нибудь чужой, не нашей почве
И дать оттуда на письмо ответ.
Гонцы здесь дожидаются. Заставьте
Себя отвлечься от своих невзгод
Для наших, не терпящих отлагательств.

Глостер

Рад вам служить, миледи, и за честь
Почту гостями видеть вас обоих.

Уходят.

СЦЕНА 2

*Перед замком Глостера.
Входят с разных сторон Кент и Освальд .*

Освальд

С наступающим утром, приятель. Ты здешний?

Кент

Да.

Освальд

Где бы нам лошадей поставить?

Кент

В любую лужу.

Освальд

Не шутя, скажи, будь другом.

Кент

Я совсем не друг тебе.

Освальд

А мне дела нет до твоей дружбы.

Кент

Если б ты попался мне в Липсберийском загоне, было б у тебя до меня дело.

Освальд

Что ты привязался ко мне? Я тебя не знаю.

Кент

Зато я, брат, знаю тебя.

Освальд

Кто ж я, по-твоему?

Кент

Подлец, мерзавец, блюдолиз. Низкий, надутый дурак и прощельга, вот ты кто. Холоп и хозяйкин угодник в шерстяных чулках, с душонкой доносчика, с помадой и зеркальцем в сундучке, твоим единственным богатством. Гнусный льстец, который готов на любую пакость, чтобы отличиться, но всю жизнь остается обыкновенной гадиной чистой воды. Подхалим, которого я избыю до бесчувствия, если он осмелится отречься хотя бы от одного из этих определений.

Освальд

Вот несуразный! И все это — человеку, которого он видит в первый раз и который сам

знать его не знает!

Кент

Ах ты бесстыжая рожа! Что ты притворяешься, будто не знаешь меня? Двух дней не будет, как я сшиб тебя с ног и отдул на глазах у короля. Берись за меч, каналья! Хотя еще ночь, но светит месяц. Я приготовлю из тебя рубленое мясо под лунной подливкой! Берись за меч, папильотка из парикмахерской, берись! *(Обнажает свой меч.)*

Освальд

Отстань! Я не желаю связываться с тобой.

Кент

Вынимай меч, мошенник! При тебе письма против короля. Ты пособник этой спесивой куклы, строящей козни против своего царственного отца. Защищайся, каналья, а то я искрошу и поджарю тебя. Держись, бездельник, отражай мои удары!

Освальд

Караул! Режут! Караул!

Кент

Рубись, ничтожество! Отбивайся! Действуй! *(Бьет его.)*

Освальд

Караул! Режут! Режут!

Входит Эдмонд .

Эдмонд

Что тут такое? Это что за свалка?

Кент

Сюда, сюда, милейший! Вам тоже захотелось? Пожалуйста, пожалуйста, молодой человек, попробуйте крови.

Входит Глостер .

Глостер

Мечи? Оружие? Что здесь происходит?

Входят герцог Корнуэльский , Регана и слуги .

Герцог Корнуэльский

Под страхом смерти — тише, не шуметь!
Поднявший меч — умрет. — Кто эти люди?

Регана

Гонцы от короля и от сестры.

Герцог Корнуэльский

Из-за чего затеяли вы драку?

Освальд

Едва дышу, милорд.

Кент

Не мудрено. Какого ты набрался страху! Эх ты, трус несчастный, природа отрекается от тебя. Не она, а какой-нибудь портной смастерил тебя.11

Герцог Корнуэльский

Что за чудак! Почему портной? Разве портной может скроить человека?

Кент

Конечно, портной. А то кто же? Каменотес или живописец в час или два работы изготовили бы что-нибудь позанятнее.

Герцог Корнуэльский

Все-таки отчего вы подрались?

Освальд

Этот старый грубиян, которого я пощадил только ради его седой бороды...

Кент

Ах ты, ижица, лишняя буква в азбуке!¹²— Милорд, позвольте я сотру его в порошок и выкрашу им стены нужника. «Пощадил только ради его бороды...». Ах ты, трясогузка!

Герцог Корнуэльский

Молчать, бездельник! Видно, ты забыл,
В чем ты присутствии?

Кент

Нет, сударь, помню.
Но и у гнева есть свои права.

Герцог Корнуэльский

Чем ты разгневан?

Кент

Что дано оружие
Свинье, которой чести не дано.
О, эти лживые льстецы! Как крысы,
Они перегрызают пополам
Святые узы крови, угождают
Страстям господ, льют масло в их огонь
И леденят их каменные души.
Что «да» сказать, что «нет» — им все равно,
Лишь угодить бы тем, за кем без смысла
Они послушно бегают, как псы. —
У, чтоб тебя! Над чем ты скалишь зубы?
Какой тут смех? Шут, что ли, я тебе?
Попался б ты мне, гусь,¹³ в Саремском поле,
Летел бы до Камлота гогоча.

Герцог Корнуэльский

Ты не рехнулся?

Глостер

Что за спор меж вами?

Кент

На свете неприязни нет сильней,
Чем между мной и этим негодяем.

Герцог Корнуэльский

Чем негодяй он? В чем его вина?

Кент

Не нравится его лицо мне.

Герцог Корнуэльский

Вот как?
Быть может, и мое, его, ее?

Кент

Сэр, ремесло мое — быть откровенным.
Мне попадались лица лучше тех,
Которые я вижу пред собою.

Герцог Корнуэльский

Ах, вот он что за птица! Кто-нибудь
Однажды похвалил его за резкость.
Он с выгодой и стал играть на ней.
Он угождать не любит. Клюнет — ладно,
Не выгорит — ну что ж, на то он прост.
Мне этот сорт обманщиков известен.
За ложной прямоюй их больше зла,
Чем в раболепии двадцати придворных.

Кент

По совести и чести, пред лицом
Особы светозарной вашей, герцог,
Сияющей, как Феб, снопом лучей...

Герцог Корнуэльский

Постой. Что хочешь выразить ты этим?

Кент

Раз вам не нравится моя манера речи, я изменю ее. Действительно, я не льстец. Однако тот, кто обманул вас ноткою простодушия, был простым мерзавцем, — разряд простоты, к которому я не могу себя причислить.

Герцог Корнуэльский

Чем ты его обидел?

Освальд

Я — ничем.
А вот король недавно по ошибке
Прибил меня, а этот подоспел,
Ко мне подкрался сзади, дал подножку
И над лежащим без стыда трунил.
Король хвалил его за этот подвиг.
Припомнив эти славные дела,
Здесь на меня набросился он снова.

Кент

Послушать краснобая, так Аякс —
Щенок пред ним.

Герцог Корнуэльский

Подать сюда колодки!
Ты посидишь в них, неуч и хвастун!
Я проучу тебя!

Кент

Я стар учиться.
А от колодок лучше отказаться,
Я с порученьем к вам от короля,
Его гонец — двойник его особы.
В колодки посадить его посла —
Почти что личный вызов государю.

Герцог Корнуэльский

Подать колодки! Он в них просидит
До самого обеда!

Регана

До обеда?
До вечера! И ночь всю напролет!

Кент

Сударыня, за что? Да будь я даже
Псом вашего отца, а не послом,
Не нужно бы со мной так обращаться.

Регана

Но вы не пес отца, а негодяй!

Герцог Корнуэльский

Вот про таких людей сестра и пишет. —
Колодки где?

Приносят колодки.

Глостер

Послушайте, милорд,
Оставьте это. Пусть его накажет
В ответ на вашу жалобу король.
К такому наказанью присуждают
Подонки общества, бродяг, воров
И прочий сброд. Король на эту меру
Обидится.

Герцог Корнуэльский

Ответственность на мне.

Регана

Сестре гораздо, может быть, обидней,
Что безнаказанно ее людей
Позорят здесь при исполнении долга. —
Надеть колодки на него!

Кента сажают в колодки.

Идем.

Все, кроме Глостера и Кента, уходят.

Глостер

Мне жаль тебя, но тут хозяин — герцог.
Ему перечить, знаешь сам, нельзя.
Однако я попробую вступиться.

Кент

Не надо, сэ. В дороге я не спал,
И мне все будет нипочем, как высплюсь.
Велико дело — ноги защемить!
Бывает хуже, как защемит сердце.
Прощайте, сэ.

Глостер

Нет, герцог поступил нехорошо!
(Уходит.)

Кент

Да, мой король, час от часу не легче.
Попал ты из дождя да под капель. —
Зажгись скорей, луна, маяк вселенной, —
Я при твоих лучах прочту письмо.
Хоть больше нет чудес, они бывают
Еще с людьми, попавшими в беду.

Не чудо ли: Корделия мне пишет!
Она узнала, где скрываюсь я,
И только ждет удобного мгновенья,
Чтобы помочь. Итак, глаза мои
Усталые, закройте, чтоб не видеть
Позорного приюта. Ну, судьба,
Еще раз улыбнись мне. Доброй ночи.
К удаче поверни мне колесо.
(Засыпает.)

СЦЕНА 3

Лес.
Входит Эдгар .

Эдгар

Я слышал приговор себе заочный
И скрылся от погони здесь в дупле.
Все гавани закрыты. Нет местечка,
Где не расставлено мне западни.
Я буду прятаться, пока удастся.
Приму нарочно самый жалкий вид
Из всех, к каким людей приводит бедность,
Почти что превращая их в зверей.
Лицо измажу грязью, обмотаюсь
Куском холста, взьерошу волоса
И полуголым выйду в непогоду
Навстречу вихрю. Я возьму пример
С бродяг и полоумных из Бедлама,
Они блуждают с воплями кругом,
Себе втыкают в руки иглы, гвозди,
Колючки розмарина и шипы
И, наводя своим обличем ужас,
Собирают подаянье в деревнях,
На мельницах, в усадьбах и овчарнях,
Где плача, где грозясь. Какой-нибудь
«Несчастный Том» еще ведь значит что-то,
А я, Эдгар, не значу ничего.
(Уходит.)

СЦЕНА 4

Перед замком Глостера.
Кент в колодках. Входят Лир , шут и придворный .

Лир

Уехали из замка, а гонца
Ко мне не отослали. Непонятно.

Придворный

Вчера, как слышал я со стороны,
О выезде они не помышляли.

Кент

Будь славен, благородный государь!

Лир

Ты этим срамом коротаешь время?

Кент

Нет, милорд.

Шут

Ха-ха-ха! Жесткие на нем подвязки! Лошадей привязывают за голову, собак и медведей — за шею, обезьян — поперек туловища, а людей — за ноги. Кто больно прыток, тому надевают на ноги деревянные чулки.

Лир

Кто должности твоей не оценил
И посадить посмел тебя в колодки?

Кент

Он и она, ваш зять и ваша дочь.

Лир

Нет!

Кент

Да.

Лир

Нет, говорю я!

Кент

А я говорю, да.

Лир

Нет, нет, они бы не посмели!

Кент

Да вот посмели, как видно.

Лир

Клянусь Юпитером, что нет!

Кент

Клянусь Юноною, что да.

Лир

Не верю.
Они бы не решились, не могли,
Не покусились бы. Ведь это хуже
Убийства! Предумышленно нанести
Такое оскорбление! Что ты сделал,
Ты, мой посол, чтоб на себя навлечь
Такой позор?

Кент

Когда, привезши в замок
От вашего величества письмо,
Его сдавал я, стоя на коленях,
Вбежал в пыли, в поту другой гонец.

Он им привез письмо от Гонерильи,
С которым и протиснулся вперед,
Не давши мне докончить порученье.
Когда они прочли ее письмо,
То заспешили и, собравши свиту,
Вскочили на коней, велевши мне
Поехать вслед и ожидать ответа.
Тут я наткнулся снова на гонца,
Который повредил мне на приеме, —
Того же самого, что говорил
Вам дерзости на днях у Гонерильи.
Вспылив сильней, чем разум позволял,
Я вынул меч, и он трусливым криком
Созвал весь дом. Ваш зять и дочь нашли,
Что поведение мое достойно
Такого наказанья.

Шут

Зима еще не прошла, коли гуси летят в ту сторону.
Отец в лохмотьях на детей
Наводит слепоту.
Богач-отец всегда милей
И на ином счету.
Судьба продажна и низка
И презирает бедняка.
Но это еще что! В будущем тебе предстоит столько огорчений от дочерей, что в год не сочтешь.14

Лир

Меня задушит этот приступ боли!
Тоска моя, не мучь меня, отхлынь!
Не подступай с такою силой к сердцу! —
Где дочь, ты говоришь?

Кент

Она в гостях
У графа в замке.

Лир

(придворному)
Не ходи за мною.
Останься здесь.

(Уходит.)

Придворный

Вы больше ничего
Не сделали? Вы рассказали правду?

Кент

Да, больше ничего. Но с королем
Так мало вас. Где остальная свита?

Шут

Вот если бы ты сидел в колодках за такой допрос, это было бы по заслугам!

Кент

Почему, шут?

Шут

Надо отдать тебя в ученье к муравью.¹⁵ Он тебя научит, что зимою нет заработка. Все люди с нюхом, и притом не слепые, глядят в оба. Из двадцати нет никого, кто бы не почувствовал, когда начинает плохо пахнуть. Отходи в сторону, когда с горы катится большое колесо, чтобы оно не сломало тебе шею, но хватайся за него, когда оно поднимается в гору. Если мудрец даст тебе лучший совет, верни мне мой обратно. Пусть только мерзавцы следуют ему, раз дурак дает его.

Того, кто служит за барыш
И только деньги ценит,
В опасности не сохранишь,
И он в беде изменит.
Но шут твой — преданный простак,
Тебя он не оставит.
Лукавый попадет впросак,
Но глупый не слукавит.

Кент

Где ты, дурак, это выучил?

Шут

Где бы ни выучил, да не в колодках, как ты, дурак.

Возвращаются Лир с Глостером .

Лир

Не могут говорить со мной? Больны?
Утомлены дорогой? Отговорки!
Непослушанья знаки! Пусть они,
Как следует, ответят.

Глостер

Государь мой!
Вы знаете, как герцог сгоряча
Неукротим. Его не переспоришь.

Лир

Смерть! Мщенье! Что за черт! Неукротим?
Мне надо, надо, понимаешь, Глостер,
Мне надо видеть герцога с женой!

Глостер

Мой государь, я говорил им это.

Лир

Ты говорил? А понял ты меня?

Глостер

Да, государь.

Лир

Вот надо как сказать:
Король желает говорить с Корнуэлом,
С родною дочкой — любящий отец,
И ждет ее услуг. Сказал ты это?
Нет! Жизнь и кровь моя! Скажи, скажи
Неукротимому... постой, не надо.
Действительно он болен, может быть,

И многое простительно болезни.
Мы сами не свои, когда душа
Томится всеми немощами тела.
Я погожу. Я слишком был горяч
И не подумал. Было безрассудно
Слова больного принимать всерьез.
Однако погоди.
(Глядя на Кента.)
Какого черта
Сидит в колодках этот человек?
Нет, их отъезд сюда — одна увертка.
Освободить его! Ступай, скажи
Ему и ей, что я хочу их видеть
Немедленно, что я им приказал
Прийти для объяснений, а иначе
Я барабанить в спальне прикажу
Так, чтоб скончались спящие от страха.

Глостер

Ах, если бы все кончилось добром!
(Уходит.)

Лир

Как больно бьется сердце! Тише, тише!

Шут

Прикрикни на него, дяденька, как стряпуха на угрей, которых она живьем запекала в тесто. Она щелкала их палкой по головам и кричала: «Не высовывайтесь, проказники!» А ее брат так любил свою лошадь, что кормил ее сеном с маслом.

Входят герцог Корнуэльский, Регана, Глостер и слуги.

Лир

Привет вам, дети.

Герцог Корнуэльский

Здравствуйте, милорд.

Кента освобождают.

Регана

Я рада вашей светлости.

Лир

Еще бы!
А то б я должен был расторгнуть брак
С могилой матери твоей, хранящей
Обманщицы останки.
(Кенту.)
А, тебя
Освободили? Но об этом после. —
Моя Регана дорогая, знай:
Твоя сестра — большая негодяйка.
Она, как коршун, мне вонзила в грудь
Жестокости своей дочерней когти.
(Хватаясь за сердце.)
Не в силах говорить. Ты угадать
Не можешь, сколько злости в ней, Регана!

Регана

Спокойней, сэр. А я убеждена,
Что вы совсем без всяких оснований
Несправедливы к ней.

Лир

Как мне понять?

Регана

Мне трудно допустить, чтоб Гонерилья
Могла забыть свой долг. А если ей
Пришлось унять бесчинства вашей свиты,
Я одобряю этот трезвый шаг.

Лир

Будь проклята она!

Регана

Отец, вы стары.
Жизнь ваша у предела. Вам нужна
Поддержка и советы тех, кто знает
Природу вашу лучше вас самих.
Поэтому, пожалуйста, вернитесь
К сестре. Чистосердечно перед ней
Сознайтесь в том, что были вы неправы.

Лир

Просить у ней прощенья? А на что
Похоже это будет? Полюбуйся.
(Становится на колени.)
"Родная дочь, никчемен я и стар.
Не откажи, молю я на коленях,
Дать мне одежду, пищу и постель!"

Регана

Оставьте скоморошничать. Довольно.
Вернитесь к ней.

Лир

(поднимаясь)
Регана, никогда!
Она мне вдвое сократила свиту,
Смотрела исподлобья на меня,
Словами ядовитыми язвила.
Пусть небеса обрушат месть свою
Ей на голову. Пламя лихорадки,
Спали ее!

Герцог Корнуэльский

Нехорошо, милорд!

Лир

Стремительнее молнии, сверканьем
Ей выжгите бесстыжие глаза!
Болезнь, испепели ее гордыню!
Пары болот, разъешьте ей лицо!

Регана

О боги! И меня, наверно, так же
В припадке гнева будете вы клясть?

Лир

Тебя? О нет! За что ж тебя, Регана?
Твой кроткий нрав мне повода не даст.
Ее надменный взгляд приводит в ярость,
А твой — миротворит. Не станешь ты
Отказывать мне в радостях и средствах
На содержание моего двора
И запираешься при моем приходе.
Ты не глуха ведь к голосу родства,
Законам вежливости, чувству долга.
Забывать не сможешь ты, что я тебе
Полкоролевства отдал.

Регана

Ближе к делу.

Лир

В колодки кем посажен мой слуга?

Трубы за сценой.

Чьи это трубы?

Герцог Корнуэльский

Верно, Гонерильи.
В письме есть о приезде речь.

Входит Освальд .

Ну как,
Приехала миледи?

Лир

Вот мерзавец,
Чванливо-наглый потому, что он

Уверен в покровительстве хозяйки.
Прочь с глаз моих!

Герцог Корнуэльский

Чем я могу служить
Вам, ваша милость?

Лир

По чьему приказу
Мой человек в колодках? Убежден,
Что ты не знала этого, Регана!

Входит Гонерилья .

Но нет, кто это? Боги, если вам
Любезна старость, мило послушанье
И сами вы не молоды, молю
Принять мое несчастье близко к сердцу
(*Гонерилье.*)
Тебе не стыдно бороды моей?
Ужель, Регана, ты подашь ей руку?

Гонерилья

Подаст, конечно. Почему же нет?
Не все порок, что кажется пороком
Безумцу и брюзге.

Лир

О грудь моя!
Снесла все это и цела осталась? —
Как угодил в колодки мой слуга?

Герцог Корнуэльский

По моему приказу. Я напрасно
Его еще так мягко наказал.

Лир

Так это вы осмелились? Вы сами?

Регана

Не забывайте лет своих, отец.
Живите в соответствии с годами.
Сначала погостите у сестры,
Полсвиты распустив, а через месяц
Пожалуйте с таким же штатом к нам.
Я здесь сама в гостях и не успела
Для встречи с вами приготовить дом.

Лир

Вернуться к ней и распустить полсвиты?
Нет, лучше я от крова откажусь
И в обществе совы и волка сдамся
На милость непогоды и нужды!
Вернуться к ней? Тогда ведь есть в запасе
Король Французский, пылкий муж меньшей,
Которую он взял, презрев приданым.
Я брошусь в ноги к ним и попрошусь
К ним приживальщиком до самой смерти!
Вернуться к ней! Я лучше соглашусь
Подручным быть у этого лакея.
(Показывает на Освальда.)

Гонерилья

Как вам угодно.

Лир

Дочка, не своди
Меня с ума. Я более не буду
Мешать тебе. Прощай, мое дитя,
Я больше никогда с тобой не встречусь.
Но все ж ты плоть, ты кровь, ты дочь моя,
Или, верней, болячка этой плоти
И, стало быть, моя болезнь, нарыв,
Да, опухоль с моею гнойной кровью.
Я не браню тебя. Пускай в тебе
Когда-нибудь в самой проснется совесть.
Я стрел не кличу на твое чело,
Юпитеру не воссылаю жалоб.
Исправься в меру сил. Я подожду.
Я буду в это время жить с Реганой
В кругу ста рыцарей.

Регана

Прошу простить:
Принять вас я, к несчастью, не готова.
Я не ждала вас. Знаете, отец,
Послушайтесь сестры. Вы пошумели,
Вы стары, все забыто, а сестре
Видней, что делать.

Лир

К месту ль эти речи?

Регана

Она права. Полсотни человек
Вполне довольно. Неужели мало?
Да нет, и этих много чересчур:
И дорого и страшно. Согласитесь:
При двоевластии с этакой толпой
Хранить порядок в доме невозможно.

Гонерилья

И, наконец, скажите, чем вам плох
Уход ее или моей прислуги?

Регана

И правда, сэр. Когда не угодят,
Мы проберем их. Кстати, при наездах
Ко мне, боюсь, я вам позволю взять
Лишь двадцать пять, не больше, провожатых.

Лир

Я все вам дал!

Регана

И вовремя, отец.

Лир

Все передал на ваше усмотренье
И только выговорил для себя
Такую свиту. Правильно ль я слышал?
Из слуг я взять могу лишь двадцать пять,
Сказала ты, Регана?

Регана

Да, сказала.
Лишь двадцать пять, еще раз повторю.

Лир

Плохие, стало быть, не так уж плохи,
Когда есть хуже. Кто не хуже всех,
Еще хорош.
(Гонерилье.)
Тогда к тебе я еду.
Полсотни больше двадцати пяти
В два раза, значит — ты в два раза лучше.

Гонерилья

Сказать по правде, эти двадцать пять
И десять или пять излишни в доме,
Где вам приставят вдвое больше слуг.

Регана

Ни одного не нужно.

Лир

Не ссылайся
На то, что нужно. Нищие, и те
В нужде имеют что-нибудь в избытке.
Сведи к потребностям всю жизнь,
И человек сравняется с животным.
Ты женщина. Зачем же ты в шелках?
Ведь цель одежды — только чтоб не зябнуть,
А эта ткань не греет, так тонка.
Что неотложно нужно мне? Терпенье.

Вот в чем нужда. Терпенью нужно мне.
О боги, вот я здесь! Я стар и беден,
Согбен годами, горем и нуждой.
Пусть даже, боги, вашим попусченьем
Восстали дочери против отца, —
Не смейтесь больше надо мной. Вдохните
В меня высокий гнев. Я не хочу,
Чтоб средства женской обороны — слезы —
Пятнали мне мужские щеки! Нет!
Я так вам отомщу, злодейки, ведьмы,
Что вздрогнет мир. Еще не знаю сам,
Чем отомщу, но это будет нечто
Ужаснее всего, что видел свет.
Вам кажется, я плачу? Я не плачу.
Я вправе плакать, но на сто частей
Порвется сердце прежде, чем посмею
Я плакать. — Шут мой, я схожу с ума!

Лир, Глостер, Кент и шут уходят. Вдали шум приближающейся бури.

Герцог Корнуэльский

Уйдемте. Надвигается гроза.

Регана

Здесь в доме тесно. Старика со свитой
Немыслимо здесь было б разместить.

Гонерилья

Сам виноват. Зачем мой дом оставил?
Пускай теперь пеняет на себя.

Регана

Его бы я охотно приютила,
Но больше никого.

Гонерилья

Да, ты права.
Где Глостер?

Герцог Корнуэльский

Провожает старика.
Вот он вернулся.

Возвращается Глостер .

Глостер

В короле бушует
Вся кровь от гнева.

Герцог Корнуэльский

Что предпримет он?

Глостер

Велел всем на коня. Куда, не знаю.

Герцог Корнуэльский

Ну что ж, пускай. Не надобно мешать.

Гонерилья

Не уговаривайте, чтоб остался.

Глостер

Стемнеет скоро. Наступает ночь.
Бушует вихрь. На много миль в округе
Нет ни куста.

Регана

Что ж, поделом. Плоды
Его упрямства, и ему наука
На будущее время. Мой совет —
Замкнуть ворота. С ним головорезы,
И без труда его подговорят
На что угодно. Будем осторожны.

Герцог Корнуэльский

Заприте входы, граф. Жена права.
Неистовая ночь! Уйдем от бури.

Уходят.

АКТ III

СЦЕНА 1

Степь.

Буря с громом и молнией. Входят с разных сторон Кент и придворный .

Кент

Эй, кто здесь, кроме бури?

Придворный

Человек,
Как буря беспокойный.

Кент

Я вас знаю.
А где король?

Придворный

Сражается один
С неистовой стихией, заклиная,
Чтоб ветер сдунул землю в океан
Или обрушил океан на землю,
Чтоб мир переменился иль погиб.
Рвет волосы свои, и буйный ветер
Уносит их, хватая и крутя.
Всем малым миром, скрытым в человеке,
Противится он вихрю и дождю,
Которые сцепились в рукопашной.
В такую ночь, когда не выйдут вон
Медведица, и лев, и волк голодный,
Он мечется с открытой головой
И гибели самой бросает вызов.

Кент

Но кто с ним?

Придворный

Никого. Один лишь шут,
Старающийся шутками развеять
Его тоску.

Кент

Сэр, по всему тому,
Что знаю я о вас, я вам доверю
Существенную тайну. Мира нет
Между двумя зятьями короля,
Как это ни скрывают до сих пор.
У них, как и у всех владык, есть слуги,
Привязанные к ним на первый взгляд,
Но в сущности — французские шпионы
Они доносят своему двору
Все сведения о нашем королевстве.
Там знают все: о герцогах, об их
Раздорах, о суровом обращенье
Со старым нашим добрым королем.
Да и о том еще, пред чем все это —
Одни цветочки. Верно лишь одно:
В истерзанный наш край явилось войско
Из Франции. Наш недосмотр помог
Им высадиться. Не сегодня-завтра
Они, подняв знамена, вступят в бой.
Доверьтесь мне и поспешите в Дувр,
Там вы найдете ту, кто наградит
Вас щедро за подробное известье
О короле, о страшной, роковой
Беде его. И вот что в заключение:
Я родом дворянин, и я даю
Вам с полной верой это порученье.

Придворный

Еще раз потолкуем.

Кент

Ни к чему.
А в знак того, что я гораздо больше,
Чем я кажусь, вот вам мой кошелек
И все, что в нем. Вы встретите, наверно,
Корделию. Вот вам мое кольцо,
Вы ей его покажете при явке
И от нее узнаете позднее,
Кто я, ваш незнакомый собеседник.
Ну и гроза! Пойду за королем.

Придворный

Я руку вам пожму. Вы б не хотели
Прибавить что-нибудь еще?

Кент

Хочу.
Два слова, и притом о самом важном:
Кто первый набредет на короля
(А я пойду в ту сторону, вы — в эту),
Тот мигом дай другому знак о том.

Расходятся.

СЦЕНА 2

*Другой конец степи.
Буря продолжается. Входят Лир и шут .*

Лир

Дуй, ветер! Дуй, пока не лопнут щеки!
Лей, дождь, как из ведра и затопи
Верхушки флюгеров и колоколен!
Вы, стрелы молний, быстрые, как мысль,
Деревья расщепляющие, жгите
Мою седую голову! Ты, гром,
В лепешку сплюсни выпуклость вселенной
И в прах развей прообразы вещей
И семена людей неблагодарных!

Шут

Да, дяденька, святая вода светского общенья в сухом доме куда приятнее этой

дождевой вне ограды! Вернемся, дяденька, назад и попросим у твоих дочерей отпущения грехов. Такая ночь не разбирает ни дураков, ни умных.

Лир

Вой, вихрь, всюю! Жги, молния! Лей, ливень!
Вихрь, гром и ливень, вы не дочери мне.
И вас не упрекаю в бессердечье.
Я царств вам не дарил, не звал детьми,
Ничем не обязал. Так да свершится
Вся ваша злая воля надо мной!
Я ваша жертва — бедный, старый, слабый.
Но я ошибся. Вы не в стороне —
Нет, духи разрушенья, вы в союзе
С моими дочерьми и войском всем
Набросились на голову седую
Такого старика. Не стыдно ль вам?

Шут

У кого есть дом, куда сунуть голову, тот бесспорно с головой на плечах.
Кто в брак вступает второпях,
Не позаботившись о доме,
Тот скоро будет весь во вшах,
Как оборванец на соломе.
Вниманье надо посвящать
Душе, а не большому пальцу,
А то мозоль не даст вам спать,
Пустяк вас превратит в страдальца. Не нравится? А была ли на свете красавица,
которая бы не дулась на свое зеркало?

Лир

О нет, я буду образцом терпенья,
Ни слова больше не скажу.

Входит Кент .

Кент

Кто здесь?

Шут

Все, что надо. Голова и хвост, рассудительный и дурак.

Кент

Вы вот где, сэр? Ночную тварь, и ту бы
Такая ночь спугнула. Гнев небес
Удерживает хищников в берлогах.
С тех пор как я живу, я не слышал
Такого грома и такого ливня
С такими молниями не видал.
Не в наших силах вынести без последствий
Так много горя.

Лир

Боги, в высоте
Гремящие, перстом отметьте ныне
Своих врагов! Преступник, на душе
Твоей лежит сокрытое злодейство.
Опомнись и покайся! Руку спрячь
Кровавую, непойманный убийца!
Кровосмеситель с праведным лицом,
Клятвопреступник с обликом святого,
Откройте тайники своих сердец,
Гнездилища порока, и просите
Помилованья свыше! Я не так
Перед другими грешен, как другие —
Передо мной.

Кент

С открытой головой!
Здесь рядом есть шалаш. Он вас укроет
От бури. Я тем временем вернусь
В твердыню, жители которой тверже,
Чем камень стен ее. Я к ним ходил,
Разыскивая вас, но не был впущен.
Еще раз попытаюсь. Не добром,
Так силою добьюсь гостеприимства.

Лир

Я, кажется, сойду сейчас с ума. —
Что, милый друг, с тобой? Озяб, бедняжка?
Озяб и я. — Где, братец, твой шалаш?
Алхимия нужды преображает
Навес из веток в золотой шатер.

Мой бедный шут, средь собственного горя
Мне так же краем сердца жаль тебя.

Шут

(поет)

У кого ума крупица, 17
Тот снесет и дождь и град.
Он ненастья не боится,
Счастьем и несчастьем рад.

Лир

Верно, дружок. — Ну, веди нас в свой шалаш.

Лир и Кент уходят.

Шут

Это подходящая ночь, чтобы охладить любые страсти. Перед тем как уйти, попророчествую:

Когда попов пахать заставят,
Трактирщик пива не разбавит,
Портной концов не утаит,
Сожгут не ведьм, а волокит,
В судах наступит правосудье,
Долгов не будут делать люди,
Забудет клеветник обман
И не полезет вор в карман,
Закладчик бросит деньги в яму,
Развратник станет строить храмы, —
Тогда придет конец времен,
И пошатнется Альбион.
И сделается общей модой
Ходить ногами в эти годы.
Это пророчество сделает Мерлин 18, который будет жить.

СЦЕНА 3

*Комната в замке Глостера.
Входят Глостер и Эдмонд .*

Глостер

Эдмонд, Эдмонд, не нравится мне это бессердечие! Когда я попросил у них позволения помочь ему, они стали хозяйничать у меня в доме и запретили мне под страхом вечной

опалы заикаться о нем, просить за него и как бы то ни было его поддерживать.

Эдмонд

В высшей степени дико и бесчеловечно!

Глостер

Ладно, помалкивай. Герцоги повздорили! Есть кое-что посерьезней. Я получил вечером письмо. О нем опасно говорить. Я его запер у себя в комнате. Несправедливости, которые терпит король, не останутся без отмщения. В стране высадилось чужое войско. Нам надо стать на сторону короля. Я разыщу его и тайно помогу ему. Ступай, займи герцога разговором, чтобы он не заметил моего отсутствия. Если он спросит, где я, скажи, что я болен и лег в постель. Хотя бы мне пригрозили за это смертью, я не могу оставить без помощи короля, моего старого повелителя. Странные дела творятся на свете, Эдмонд! Будь, пожалуйста, поосторожнее. *(Уходит.)*

Эдмонд

Про тайную поддержку короля
И про письмо я герцогу открою.
Вот случай выслужиться перед ним.
Старик пропал. Я выдвинусь вперед.
Он пожил — и доволен. Мой черед.
(Уходит.)

СЦЕНА 4

*Край степи с шалашом.
Буря продолжается. Входят Лир, Кент и шут.*

Кент

Вот он, шалаш. Войдите, государь.
Не стойте в бурю под открытым небом —
Простудитесь.

Лир

Ступай, оставь меня.

Кент

Войдите.

Лир

Ты разбить мне сердце хочешь?

Кент

Охотнее я разобью свое.
Войдите, государь.

Лир

Какой ты странный!
Ты думаешь, промокнуть до костей —
Такое горе? Но несчастье меркнет
Пред большею напастью. Например:
Ты прибежал, спасаясь от медведя,
К бушующему морю — ты свернешь
Медведю в пасть. При бодром духе тело
Чувствительно. Но у меня в груди
Все вытеснено вон душевной бурей.
Одно томит, одно я сознаю,
Одно: дочернюю неблагодарность!
Ведь это все равно, как если б рот
Кусал его питающую руку.
Но я им покажу! Довольно слез.
Прогнать меня в такую ночь наружу!
Лей, ливень! Вытерпеть достанет сил.
В такую ночь! Регана, Гонерилья!
Отца, который стар и отдал все
И вас любил!.. Слабеет мой рассудок.
От этого легко сойти с ума!

Кент

Мой государь, укроемся под крышей.

Лир

Заботьяся о себе. Мне ураган
Приносит облегченье. Он мешает
Мне думать о другом. Но я войду.
(Шуту.)
Иди вперед, дружок. Ты нищ, без крова.
Я помолюсь и тоже лягу спать.

Шут входит в шалаш.

Бездомные, нагие горемыки,
Где вы сейчас? Чем отразите вы
Удары этой лютой непогоды —
В лохмотьях, с непокрытой головой
И тощим брюхом? Как я мало думал
Об этом прежде! Вот тебе урок,
Богач надменный! Стань на место бедных,
Почувствуй то, что чувствуют они,
И дай им часть от своего избытка
В знак высшей справедливости небес.

Эдгар

(из шалаша)

Сажень с половиной, сажень с половиной! Бедный Том!

Шут выбегает из шалаша.

Шут

Не ходи туда, дяденька! Там нечистая сила! Ой, страсти, ой, страсти!

Кент

Дай руку мне. — Кто там?

Шут

Злой дух, злой дух! Он говорит, что его зовут бедный Том.

Кент

Кто ты, рычащий там, в соломе? Выйди!

Из шалаша выходит Эдгар, притворяющийся сумасшедшим.

Эдгар

Бегите! Бесы гонятся за мной!
В терновнике северный ветер свистит. 19
Ложись в холодную постель и согрейся.

Лир

Ты отдал все своим двум дочерям
И стал таким?

Эдгар

Подайте милостыньку бедному Тому! Черт носил его через костры огненные, броды и омуты, по трясинам и топям. Черт подкладывал Тому ножи под подушку, вешал петли над его сиденьем, подсыпал яду ему в похлебку. — Соблазнял его скакать верхом на гнедом через мосты-жердочки за своей тенью, чтобы поймать ее, — зачем подсматривает. Храни бог ваш ум в целости. Брр! Тому холодно! Чур вас от вихря, от порчи, от звездного сглаза. Подайте Тому на пропитание. Бес мучит его. Вот он, поганый! Ну погоди! Вот я его! Вот я его!

Буря продолжается.

Лир

Что стало с человеком из-за дочек!
Ты отдал все? Ты ничего не спас?

Шут

Только передник остался. А то нам было бы неловко смотреть на него.

Лир

Так пусть все зло, которым полон воздух,
На мерзких дочерей твоих падет!

Кент

У него нет дочерей, государь.

Лир

Сгинь, отрицатель! Кто мог надругаться
Над бедным, кроме жадных дочерей?
Как вижу я, телесное страданье —
Законный бич всех изганных отцов.
И поделом! Их тело виновато
В рожденьи кровожадных дочерей.

Эдгар

Сидел на кочке Пилликок,
Сидел на бугорке.

Шут

Эта холодная ночь превратит нас всех в шутов и сумасшедших.

Эдгар

Берегись злого духа, почитай родителей, будь верен слову, не божись, не заглядывайся на чужую жену, не приучай своей милой к роскоши. Тому холодно.

Лир

Кем был ты раньше?

Эдгар

Гордецом и ветреником. Завивался. Носил перчатки на шляпе. Угождал своей даме сердца. Повесничал с ней. Что ни слово, давал клятвы. Нарушал их среди бела дня. Засыпал с мыслями об удовольствиях и просыпался, чтобы их себе доставить. Пил и играл в кости. По части женского пола был хуже турецкого султана. Сердцем был лжив, легок на слово, жесток на руку, ленив, как свинья, хитер, как лисица, ненасытен, как волк, бешен, как пес, жаден, как лев. Не давай скрипу туфель и шелесту шелка соблазнять тебя, не бегай за юбками, сторонись ростовщиков, не слушай наущений дьявола.

В терновнике северный ветер свистит,
Да ну его, пусть себе свищет, зуда!
Дофин, мой наследник, не бегай туда.

Буря продолжается.

Лир

Лучше было бы тебе лежать в могиле, чем подставлять свое голое тело под удары непогоды. Неужели вот это, собственно, и есть человек? Присмотритесь к нему. На нем все свое, ничего чужого. Ни шелка от шелковичного червя, ни воловьей кожи, ни овечьей шерсти, ни душистой струи от мускусной кошки! Все мы с вами поддельные, а он — настоящий. Неприкрашенный человек — и есть именно это бедное, голое двуногое животное, и больше ничего. Долой, долой с себя все лишнее! Ну-ка, отстегни мне вот тут. *(Срывает с себя одежды.)*

Шут

Перестань, дяденька. Не такая ночь, чтобы купаться. Теперь мало-мальский огонек какой-нибудь в степи — все равно что искорка жизни в старческом сердце. Только одна она и теплится, а все остальное застыло. Кстати, не блуждающий ли огонек вдали? Видите? И, кажется, к нам.

Эдгар

Это бес Флибертиджиббет.²¹ Он шатается по ночам, наводит бельма, косой глаз, заячью губу, гноит пшеницу на корню и губит все живое.

Три раза Витольд²²им грозился святой,
И топал на ведьм и кикимор пятой,
И сбросил их с метел,
И их отохотил
Проказить, прикрывшись ночной темнотой.
Сгинь, ведьма! Сгинь, рассыпья!

Кент

Как вы себя чувствуете, ваше величество?

Входит Глостер с факелом.

Лир

Кто это?

Кент

Кто идет? Кого вы ищете?

Глостер

Кто вы такие? Как ваши имена?

Эдгар

Мое имя — бедный Том! Он питается лягушками, жабами, головастиками и ящерицами. В припадке, когда одержим злым духом, не гнушается коровьим пометом, глотает крыс, гложет падаль и запивает болотной плесенью. Он переходит из села в село, от розог к розгам, из колодок в колодки, из тюрьмы в тюрьму. У него три камзола на зад, шесть рубашек на теле, лошадь в конюшне и меч на боку.

Но лишь мышей и крыс семь лет²³
Давали Тому на обед. Берегитесь моего демона, вот он рыщет. Брысь, Смолкин! Брысь,
нечистый!

Глостер

В каком вы низком обществе, милорд!

Эдгар

О нет, Модо и Мега²⁴— злые духи
Не из простых. Князь тьмы — недаром князь.

Глостер

Так выродились люди, ваша светлость,
Что восстают на тех, кто их родил!

Эдгар

Бедный Том озяб.

Глостер

Со мной пойдете. Ваших дочерей
Нельзя мне слушаться из чувства долга.
Они велели бросить вас в степи,
Без крова, одного, в такую бурю.
Но я вас отыскал и отведу
В пристанище, где есть огонь и пища.

Лир

Я этого философа сперва
Хочу спросить: что есть причина грома?

Кент

Пойдемте с ним, куда он пригласил.

Лир

Лишь слово-два с фиванцем этим мудрым:
Что ты постиг?

Эдгар

Как бесов изгонять
И гадов бить.

Лир

Я с ним посовещаюсь.

Кент

(Глостеру)
Настойчивее. Он в полубреду.
Добейтесь, чтоб пошел он вместе с нами.

Глостер

Забредишь, если дочери его
Задумывают гибель государя!
Как это все предвидел честный Кент!
Так Лир, ты полагаешь, помешался?
Есть от чего. Я тоже за себя
Совсем не поручусь. Имел я сына.
Я от него отрекся и изгнал.
Он умышлял на жизнь мою недавно.
Совсем на днях. А я его любил,
Как никого. И вот тоска об этом —
Мне не дает покоя... Что за ночь!
Пойдемте с нами, государь.

Лир

Простите,
Философ мудрый, окажите честь.

Эдгар

Том озяб.

Глостер

Вот твой шалаш. Укройся.

Лир

Все пойдете.

Кент

А нам в другую сторону, милорд.

Лир

С философом своим я не расстанусь.

Кент

(Глостеру)

Придется уступить. Возьмем с собой
Помешанного.

Глостер

Видимо, придется.

Кент

Пойдем-ка с нами, братец. Шевелись!

Лир

Пожалуйте, афинянин почтенный.

Глостер

Но не шумите. Тише, я прошу.

Эдгар

Наехал на черную башню Роланд,²⁵
А великан как ахнет:

«Британской кровью пахнет».

Уходят.

СЦЕНА 5

Комната в замке Глостера.

Входят герцог Корнуэльский и Эдмонд .

Герцог Корнуэльский

Я отплачу ему, прежде чем покину его дом!

Эдмонд

О нет, милорд! А то меня будут укорять в том, что верность присяге заглушила мои сыновние чувства. Мне страшно подумать об этом.

Герцог Корнуэльский

Теперь я вижу, что твой брат покушался на него совсем не по злему умыслу, а потому, что Глостер сам этого заслуживал.

Эдмонд

Какая несчастная судьба у меня! Мне приходится жалеть, что я поступил правильно. Вот письмо, о котором он говорил мне. Из него явствует, что он шпионил в пользу Франции. О небо! Как бы мне хотелось, чтобы не было этой измены и мне не выпало на долю раскрыть ее!

Герцог Корнуэльский

Пойдем со мной к герцогине.

Эдмонд

Если содержание письма подтвердится, у нас бездна хлопот впереди.

Герцог Корнуэльский

Подтвердится или не подтвердится, а письмо сделало тебя графом Глостером. Разыщи своего отца, чтобы мы немедленно могли задержать его.

Эдмонд

(в сторону)

Если я застану его утешающим короля, это возбудит еще больше подозрений. *(Громко.)* Я и дальше буду верен гражданскому долгу, хотя для этого мне придется подавлять голос крови.

Герцог Корнуэльский

Доверяю тебе и с успехом заменю тебе отца своею любовью.

Уходят.

СЦЕНА 6

Комната на ферме, прилегающей к замку.

Входят Глостер, Лир, Кент, шут и Эдгар.

Глостер

Здесь все-таки лучше, чем на открытом воздухе. Поэтому не взыщите. Пойду, придумаю еще что-нибудь, чтобы было поудобнее. Я отлучусь ненадолго.

Кент

Его умственные силы не вынесли такого потрясения. — Награди вас боги за вашу доброту!

Глостер уходит.

Эдгар

Фратеретто²⁶зовет меня. Он говорит, что Нерон промышляет рыбачеством²⁷у озера тьмы на том свете. Молись, дурачок, и остерегайся нечистого.

Шут

Скажи, дяденька, какое званье у полоумного? Дворянин он или простолюдин?

Лир

Король, король!

Шут

Нет. Полоумный — это такой простолюдин, у которого сын дворянин. Потому что надо быть сумасшедшим, чтобы, будучи простолюдином, иметь над собой сына дворянина.

Лир

Пусть дьяволы калеными щипцами
Ухватят и потащат их в огонь.

Эдгар

Злой дух кусает меня в спину!

Шут

Полоумный это вот кто: кто верит в кротость волка, в честность конского барышника, в любовь мальчика и полагается на клятвы изменницы.

Лир

Да будет так. Я буду их судить.
(Эдгару.)
Садись сюда, ты сведущий судья.
(Шуту.)
А ты сюда, мудрец. — Я вас, лисицы!

Эдгар

Ишь, как он на них уставился! Опустите глаза на суде, сударыня.
Плыви, ко мне, Бесси, через ручей.²⁸

Шут

Но есть в лодчонке течь.
Завесь об этом речь
Нет смелости у ней.

Эдгар

Злой дух свищет соловьем бедному Тому в уши. Гопденс пляшет в животе у него и бурчит: «Дай селедку, дай селедку!» Кыш, нечисть, не квакай! Не дам ничего.

Кент

Вам плохо, государь. Ведь так нельзя.
Прилягте, отдохните. Вот подушки.

Лир

Начнем допрос. — Свидетели, вперед!
(*Эдгару.*)
Садись на место в мантии судейской.
(*Шуту.*)
Садись и ты с ним рядом на скамью.
(*Кенту.*)
А вы сюда, присяжный заседатель.

Эдгар

Рассудим справедливо.
Не спи, пастух, гони мечту,²⁹
Твои стада во ржи.
Рожок свой приложи ко рту,
И путь им покажи.
Мрр, мрр! Это кошка — серая.³⁰

Лир

Допросим ее первую. Это Гонерилья. Клятвенно утверждаю перед этим почтенным собранием, что она пинками вытолкала бедного короля, отца своего.

Шут

Подойдите, сударыня. Ваше имя Гонерилья?

Лир

Она не будет отрицать этого.

Шут

Простите, пожалуйста: я вас принял за скамейку.

Лир

А вот другая. Этот взгляд косою
Свидетельствует о ее двуличье. —
Куда? Держи! Зажми оружие! Огня!
Подкуплен суд! Зачем, судья лукавый,
Ты дал ей улизнуть?

Эдгар

Сохрани боги твой ум в целости.

Кент

Как страшно это все! Где, государь,
Хваленая былая ваша ясность?

Эдгар

(в сторону)
Я слезы лью так искренне о нем,
Что ложный вид свой ставлю под опасность.

Лир

Все маленькие шавки, Трей, и Бланш,
И Милка, лают на меня. Смотрите.

Эдгар

А вот Том швырнет в них своей головой. Пошли вон, дворняжки!
Ты белянка иль черныш,
Все равно ты завизжишь.
Чистокровная иль помесь,
Взоешь, с Томом познакомься.
Пес-красавчик, пес-урод
Всех мастей и всех пород —
Волкодав, спаньель, овчарка,
Всем задам, всем будет жарко,
Как в вас запущу башкой. Тири-лири, поехали по ярмаркам, по базарам да по святым
местам. Обеднел ты, Том, стал сухим твой рог для сбора подаяния.³²

Лир

Судья, я требую медицинского вскрытия Реганы. Исследуйте, что у нее в области сердца, почему оно каменное (*Эдгару.*) Вы, сэр, кажется, один из моих рыцарей. Но мне не нравится, как вы одеты. Вы скажете, что это персидский наряд.³³ Все равно, надо переменить его.

Кент

Прилягте, государь, и отдохните.

Лир

Не шумите. Не шумите. Задержите полог... Так. Хорошо. Завтра встанем, утром поужинаем. Так. Хорошо.

Шут

А я лягу спать в полдень.³⁴

Возвращается Глостер .

Глостер

Поди сюда, мой милый. Где король?

Кент

Вот он. Но тише. Он ума лишился.

Глостер

Скорее на руки его возьми.
Я заговор против него подслушал.
Носилки здесь. Уложите его —
И мигом в Дувр. Там все уже готово.
Поторопись унести его скорей.
Минута дорога. Помедлишь — гибель.
Ему и нам. Приподыми его.
Иди за мной. Я вам собрал охрану.

Кент

Он спит, измучившись, глубоким сном.
О, если б, отдохнув, по пробуждении

Он вновь рассудком здравым овладел!
(Шуту.)
Помог бы ты нести нам господина.
Не отставай.

Глостер

Идем. Скорей, скорей!

Кент , Глостер и шут уходят и уносят Лира .

Эдгар

Когда мы старших видим жертвой бедствий,
Бледнеет наше горе в их соседстве.
Ужасно одиночество в беде,
Когда кругом довольные везде,
Но горе как рукой бывает снято
В присутствии страдающего брата.
Свои несчастья легче я терплю,
Увидевши, как горько королю.
Детьми обижен он, а я — отцом.
Но близко, близко время, бедный Том!
Оправданный от клеветы, невинный,
Откроешься ты скоро, сняв личину.
Теперь бы только королю спастись,
А до тех пор скрывайся, Том, таись.
(Уходит.)

СЦЕНА 7

*Комната в замке Глостера.
Входят герцог Корнуэльский , Регана , Гонерилья , Эдмонд и слуги .*

Герцог Корнуэльский

Поезжайте скорее к вашему мужу. Покажите ему это письмо. Французские войска высадились. — Отыскать изменника Глостера!

Часть слуг уходит.

Регана

Повесить его немедленно!

Гонерилья

Вырвать у него глаза!

Герцог Корнуэльский

Предоставьте его моему гневу. — Сопровождайте нашу сестру к ее мужу, Эдмонд, лучше вам не видеть взыскания, которому мы подвергнем вашего предателя-отца. Посоветуйте герцогу, к которому вы едете, всемерную поспешность в вооружении. Мы тоже подготовимся. Поддерживайте с нами быструю и постоянную связь. — Прощайте, дорогая сестра. — Прощайте, граф Глостер.

Входит Освальд .

А, это ты? Узнал ты, где король?

Освальд

Ему помог бежать отсюда Глостер.
При короле до тридцати пяти
Приверженцев. Они его искали
Всю ночь и с ним столкнулись у ворот.
Ватага эта с графскою подмогой
Пустилась к Дувру. Там, по их словам,
Их ждут друзья с большой военной силой.

Герцог Корнуэльский

Подайте герцогине лошадей.

Гонерилья

Прощай, сестра. Прощайте, милый герцог.

Герцог Корнуэльский

Прощай, Эдмонд.

Гонерилья , Эдмонд и Освальд уходят.

Немедленно найти
Злодея Глостера! Связать, как вора,
И привести.

Оставшиеся слуги уходят.

Хотя его нельзя
Казнить без видимости правосудья,
Найдем мы способ ярость утолить,
Не возбуждая толков. А, предатель!

Часть слуг возвращается с Глостером .

Регана

Коварная лисица! Это он!

Герцог Корнуэльский

Вяжите крепче высохшие руки.

Глостер

Милорд, миледи! Не платите злом
За доброе мое гостеприимство.

Герцог Корнуэльский

Вяжите, я сказал!

Слуги вяжут Глостера .

Регана

Не так, не так.
Покрепче! У, бессовестный!

Глостер

Неправда!
Я с совестью, а вы вот — без души.

Герцог Корнуэльский

Привязывайте к креслу. — Будешь помнить,
Предатель!

Регана дергает Глостера за бороду.

Глостер

Боги, боги, старику
Рвать бороду!

Регана

Так сед и так коварен!

Глостер

Бессовестная! Эти волоса,
Которые ты вырвала, предстанут
На будущем суде! Я дал вам кров,
А вы мне, как разбойники, за это
Увечите лицо! Что надо вам?

Герцог Корнуэльский

Какие вам на днях прислали письма
Из Франции?

Регана

Ответьте напрямик.
Мы знаем все.

Герцог Корнуэльский

В каком вы соглашенье
С врагом, недавно вторгшимся в наш край?

Регана

Куда вы короля препроводили?

Глостер

Письмо не от врага, а от лица
Стороннего.

Герцог Корнуэльский

Не смей вилять!

Регана

Неправда!

Герцог Корнуэльский

Куда ты короля отправил?

Глостер

В Дувр.

Регана

Как это — в Дувр? Наперекор запрету?

Герцог Корнуэльский

Пусть объяснят, с какою целью — в Дувр.

Глостер

Я связанный сижу. Глумитесь вволю.

Регана

Зачем же в Дувр?

Глостер

Чтобы не видеть,
Как вырвешь ты у старика глаза
Когтями хищницы, как клык кабаньих
Вонзит твоя свирепая сестра
В помазанника тело. Этой бури
И море б не снесло и, став стеной
До самых звезд, их залило бы пеной,

А старец с непокрытой головой
В такую ночь бродил во тьме кромешной
И слезы лил и ими помогал
Небесным тучам изливаться ливнем.
Когда б в такую бурю у ворот
Завыли волки, приказать бы надо:
«Впусти их, сторож». Бешенство и злость
Сдались бы, но не ты. Но я увижу,
Как гром испепелит таких детей.

Герцог Корнуэльский

Увидишь? Никогда ты не увидишь!
Держите кресло, молодцы! Сейчас
Я растопчу твои глаза ногами!
(*Вырывает глаз у Глостера .*)

Глостер

Кто думает до старости дожить,
Ко мне на помощь! Ужас? Боги! Боги!

Регана

Рви и второй. Он первому укор.

Герцог Корнуэльский

Ну что, увидишь?

Первый слуга

Опустите руку.
Я с детства вам служил, но в этот миг
Служу всего усердней, увещая,
Чтоб вы одумались.

Регана

Ты смеешь, пес?

Первый слуга

Одумайтесь и вы! Будь вы мужчиной,

Я б вас за это за бороду взял!
Что вы творите?

Герцог Корнуэльский

Раб!
(Обнажает меч.)

Первый слуга

Придется драться
За правый гнев!
(Вынимает меч, защищается и ранит герцога Корнуэльского.)

Регана

(другому слуге)
Дай меч твой! — Бунтовать?
Умри!
(Выхватывает меч из рук другого слуги и поражает первого слугу в спину.)

Первый слуга

Убили! Граф, у вас, по счастью,
Остался глаз один. Взгляните им,
Как он наказан, граф!
(Умирает.)

Герцог Корнуэльский

Он не увидит.
Вон, гадостная слизь! Наружу хлынь!
Ну, где твой блеск?
(Вырывает другой глаз у Глостера.)

Глостер

О тьма! О безутешность!
О мой Эдмонд! Сыновнюю любовь
Раздуй в пожар и отомсти за это!

Регана

Не стоишь ты того, чтоб называть
Его по имени. Тебя он выдал.
Он верен нам, и честь ему не даст
Жалеть тебя.

Глостер

О, как я ошибался!
Эдгар был оклеветан!.. Небеса,
Помилуйте, спасите мне Эдгара!

Регана

Гоните в шею! Носом пусть найдет
Дорогу в Дувр. — Милорд, мой друг, что с вами?

Герцог Корнуэльский

Я ранен. Дайте обопрись. Идем. —
Слепца — за дверь, а мертвого холопа —
На свалку. — Только б кровью не истечь,
Не вовремя я ранен. Дайте руку.
(Уходит, поддерживаемый Реганой.)
Часть слуг отвязывает Глостера и уводят его.

Второй слуга

Да ежели такого человека
Минует кара, — нет ни в чем греха.

Третий слуга

А ежели она умрет старухой, —
Чудовища заменят женский пол.

Второй слуга

Давайте-ка пойдем за ослепленным
И Тома сумасшедшего возьмем
Ему в поводыри. Он очень годен
Для этой цели.

Третий слуга

Я хочу достать
Белков и льна для перевязок графу.
Пойдем. Помилуй небо старика!

Уходят.

АКТ IV

СЦЕНА 1

*Степь.
Входит Эдгар .*

Эдгар

Отверженным быть лучше, чем блистать
И быть предметом скрытого презренья.
Для тех, кто пал на низшую ступень,
Открыт подъем и некуда уж падать.
Опасности таятся на верхах,
А у подножий место есть надежде.
О ветер, дуй! Ты стер меня во прах,
Мне больше нечего тебя бояться.
Однако, кто там?!

Входит старик , ведя за руку Глостера .

Это мой отец!
С поводырем! О мир, о мир превратный!
Несчастья так нам ухудшают жизнь,
Что облегчают смерть.

Старик

Восьмой десяток,
Как я у вас и вашего отца,
Мой добрый граф, возделываю землю.

Глостер

Уйди, мой друг. Меня уж не спасти,
А ты себя погубишь.

Старик

Как, слепому,
Найти вам путь?

Глостер

Нет у меня пути,
И глаз не надо мне. Я оступался,
Когда был зряч. В избытке наших сил
Мы заблуждаемся, пока лишенья
Не вразумят нас. Бедный мой Эдгар,
Несчастливая мишень слепого гнева
Отца обманутого! Если б мне
Дожить, чтобы рукой тебя ощупать,
Мне кажется, опять бы я прозрел!

Старик

Кто тут?

Эдгар

(в сторону)
О боги! Разве был я в праве
Сказать, что я достиг предела мук?
Ближайший миг прибавил мне страданья.

Старик

Вот бедный Том.

Эдгар

(в сторону)
И хуже может стать.
Пока мы стонем: «Вытерпеть нет силы»,
Еще на деле в силах мы терпеть.

Старик

Куда идешь, приятель?

Глостер

Это нищий?

Старик

И полоумный.

Глостер

Он не так уж глуп,
Раз кормится. Вчера я видел в бурю
Такого же. "Подобный человек —
Как червь", — подумал я и вспомнил сына
С предубеждением. Много я с тех пор
Успел узнать. Как мухам дети в шутку,
Нам боги любят крылья обрывать.

Эдгар

(в сторону)
Ну, как теперь? Нелегкое занятие
Разыгрывать шута перед лицом
Его и своего страдания. — Мир вам!

Глостер

Что это, голый нищий?

Старик

Да, милорд.

Глостер

Тогда ступай. Достань мне, сделай милость,
Из платья что-нибудь, чтоб приодеть
Нагую эту душу. Ты догонишь
Нас по дороге в Дувр. Я взять хочу
Его в поводыри.

Старик

Он полоумный.

Глостер

В наш век слепцам безумцы вожаки.
Исполни просьбу и ступай отсюда.

Старик

Я дам ему свой праздничный наряд,
И будь что будет.
(Уходит.)

Глостер

Эй, голяк!

Эдгар

Том зябнет.
(В сторону.)
Я больше притворяться не могу!

Глостер

Поди сюда!

Эдгар

(в сторону)
А притворяться надо.
(Громко.)
Да будет мир глазам твоим в крови!

Глостер

Скажи, ты знаешь Дуврскую дорогу?

Эдгар

Со всеми мостками и переходами, проезжую и пешеходную. Бедный Том пуганый, он помешался. Чур тебя, добрый человек, от бесов. Целых пятеро сидело в бедном Томе: Обидикут, бес распутства; Хобидиданс, князь немоты; Маху, дух воровства; Модо, дух убийства, и Флибертиджиббет, который строит рожи. Он вышел из Тома, и теперь им одержимы модницы и служанки. Мир тебе, добрый человек!

Глостер

Вот кошелек. Возьми его, бедняк.

Ты стерт во прах небесною десницей
Своей бедой ослаблю я твою.
Всегда б так было, боги! О, когда бы
Пресытившийся и забывший стыд
Проснулся и почуял вашу руку
И поделился лишним! Всем тогда
Хватило б поровну! — Бывал ты в Дувре?

Эдгар

Да, господин.

Глостер

Там есть один утес,
Большой, нависший круто над пучиной.
Поможешь мне взобраться на обрыв?
Я награжу тебя. Оттуда больше
Не надо будет мне поводыря.

Эдгар

Дай руку. Бедный Том тебя проводит.

Уходят.

СЦЕНА 2

*Перед дворцом герцога Альбанского.
Входят Гонерилья и Эдмонд .*

Гонерилья

Граф, будьте гостем. Я удивлена,
Что миротворец муж мой нас не встретил.

Входит Освальд .

Где герцог?

Освальд

Здесь. Его нельзя узнать.
Я говорю, что высадилось войско —
Смеется. Говорю, что вы в пути

И едете сюда, а он: «Тем хуже».
Про Глостера измену говорю
И доблестное поведение сына —
Он отвечает мне, что я дурак
И будто все толкую наизнанку.
Что неприятно, то его смешит,
Что радовать должно бы, то печалит.

Гонерилья

(Эдмонду)
Так не входите. Это глупый трус,
Лишенный самолюбья и без гнева
Сносящий оскорбления. Все, о чем
Был разговор дорогой, — входит в силу.
Вернитесь к Корнуэлу. Пусть спешит
И даст вам предводительство войсками.
Я меч возьму, а мужа засажу
За прялку. Верный мой дворецкий будет
Нам связью. Будьте смелым. Впереди —
Признание вашей дамы. Вот вам лента.
(Дает ему ленту.)
Нагнитесь! Тише! Этот поцелуй,
Когда бы обладал он даром речи,
Взнес бы дух твой ввысь! Пойми! Прощай!

Эдмонд

До смерти твоей!

Гонерилья

Мой драгоценный Глостер!

Эдмонд уходит.

Мужчина как с мужчиною несхож!
Такой рожден, чтобы увлечь любую,
А я ничтожеству принадлежу.

Освальд

Сударыня, милорд!

Освальд уходит. Входит герцог Альбанский .

Гонерилья

Что я — собака?
Внимания не стою?

Герцог Альбанский

Гонерилья,
Не стоишь пыли ты, которой зря
Тебя осыпал ветер. Страшно думать!
Все корень знает свой, а если нет,
То гибнет, как сухая ветвь без соков.

Гонерилья

Довольно! Жалкий вздор!

Герцог Альбанский

Не ново это:
Негодным не годится доброта,
А собственная грязь милей и ближе.
Что сделали, что натворили вы,
Не дочери, а сущие тигрицы?
Отца в годах, которого стопы
Медведь бы стал лизать благоговейно,
До сумасшествия вы довели!
И это допустил мой брат и герцог,
Которого старик так одарил?
Нет, если не отмстится по заслугам,
Злодейство, доживем мы до того,
Что люди станут пожирать друг друга,
Как чудища морские.

Гонерилья

Жалкий трус
С щеками для пощечин, с головой
Для промахов! Ты разницы не видишь
Меж честью и бесчестьем. Должен знать;
Лишь дураки преступников жалеют,
Делам которых помешала казнь.
Бей в барабан! Французские знамена
Шумят в полях твоих. Стране грозят
Солдаты в шлемах с перьями, в то время

Как ты, апостол кротости, сидишь
И лишь вздыхаешь: «Для чего все это?»

Герцог Альбанский

Глянь на себя. Уродство сатаны
Ничто пред злобной женщины уродством!

Гонерилья

Пустой дурак!

Герцог Альбанский

Зачем так открывать
Свой лик звериный под обличьем женским?
Укрой лицо! Дай волю я рукам,
Я б разорвал тебя с костями и мясом.
Пусть ты чертовка, все ж тебя хранит
Вид женщины.

Гонерилья

Как мужественно это!

Входит гонец .

Герцог Альбанский

Что скажешь?

Гонец

О мой добрый господин,
Скончался Корнуэл. Он убит слугою,
Когда пытался выколоть второй
Глаз Глостеру.

Герцог Альбанский

Глаз Глостеру?

Гонец

При виде
Злодейства сострадательный слуга
Хотел мечом остановить расправу,
Но герцог заколол его, причем
Был ранен сам и тут же вскоре умер.

Герцог Альбанский

Есть, значит, правосудье в небесах,
Раз мигом воздает за наши зверства! —
Скажи, но как же Глостер, бедный граф?
Он слеп теперь?

Гонец

Милорд, на оба глаза. —
Вот от сестры письмо вам, госпожа.
Она просила поскорей ответить.

Гонерилья

(в сторону)
Вот это кстати, кроме одного:
Сестра — вдова, и Эдмонд с ней остался.
Воздушный замок, выстроенный мной,
В опасности. А остальное кстати.
(Громко.)
Сейчас прочту и напишу ответ.
(Уходит.)

Герцог Альбанский

Где Эдмонд был во время ослепления?

Гонец

Сюда уехал с вашей женой.

Герцог Альбанский

Его здесь нет.

Гонец

Я на пути возвратном
С ним встретился.

Герцог Альбанский

Он знает об отце?

Гонец

О да, милорд. Он сам его им выдал
И выехал сюда, чтоб облегчить
Расправу с ним.

Герцог Альбанский

Я целью жизни, Глостер,
Поставлю отблагодарить тебя
За верность Лиру и воздать сторицей
За слепоту твою. — Пойдем, мой друг,
Подробней мне расскажешь все, что знаешь.

Уходят.

СЦЕНА 3

*Французский лагерь близ Дувра.
Входят Кент и придворный .*

Кент

Почему Французский король так неожиданно вернулся во Францию? Вы не слышали, какова причина?

Придворный

Его отозвали туда важные государственные дела, угрожавшие Франции большой опасностью и которые он оставил незаконченными, отправляясь на войну.

Кент

Кому передал он командование?

Придворный

Господину Лафару, маршалу Франции.

Кент

Вызвало ли чтение писем, которые вы передали королеве, печаль у нее?

Придворный

Она прочла при мне их, временами
На них роняя за слезой слезу,
Но сохраняя царственно господство
Над горестью, которая сама
Хотела взять, казалось, верх над нею,

Кент

Расстроилась?

Придворный

Не до потери чувств.
Наоборот. Казалось, грусть и стойкость
Поспорили, что больше ей к лицу.
Случалось ли вам видеть дождь сквозь солнце?
Так, улыбаясь, плакала она.
Улыбка на ее губах не знала
Про слезы, застилавшие глаза,
Как жемчуг бы затмили два алмаза.

Кент

Она вопросов вам не задавала?

Придворный

Раз или два с ее дрожащих губ
Слетели восклицанья: "Сестры! Сестры!
Как совести хватило! Кент! Отец!
В такую ночь! Куда девалась жалость!"
Тут слезы градом хлынули у ней,
И, бросившись, стремительно наружу,

Она укрылась, чтоб наедине
Отдаться горю.

Кент

Видно, склад душевный
Заложен свыше. Разве бы дала
Одна чета столь разное потомство?
Вы после с ней не говорили?

Придворный

Нет.

Кент

Король Французский был еще в то время?

Придворный

Нет, выехал.

Кент

Так знайте: в Дувре — Лир.
Минутами приходит он в сознание,
Но отклоняет мысль увидеть дочь.

Придворный

Милорд, чем объясняете вы это?

Кент

Все время он сгорает со стыда,
Что так ее обидел: отказался
Благословить, отринул, обделил,
Толкнул к чужим и отдал все наследство
Бесчеловечным старшим дочерям.
Стыд этот не дает ему покоя.

Придворный

Как жаль его! Несчастный человек!

Кент

Об Альбани и Корнуэле слышали?

Придворный

Слышал. Их силы движутся сюда.

Кент

Ну хорошо. Я провожу вас к Лиру
И с ним оставлю. Некоторый срок
Я буду вынужден еще скрываться,
Когда ж откроюсь, вам не будет жаль,
Что мы знакомы. А теперь пойдете.

Уходят.

СЦЕНА 4

*Там же. Внутренность палатки.
Входят Корделия , врач , офицеры и солдаты .*

Корделия

Да, это он. Сейчас мне очевидцы
Рассказывали. Распевает вслух.
Идет и буйствует, как море в бурю.
На нем венки, из кашки, васильков,
Репья, чертополоха и крапивы —
Обычных сорных трав в хлебах у нас,
Пошлите роту в поле. Пусть солдаты
Обыщут каждый акр высокой ржи.
Найдите мне его.

Один из офицеров уходит.

Способно ль знание
Вернуть ему рассудок? Я б дала
За это все свои богатства.

Врач

Средство
Имеется такое, госпожа.
Больничная сиделка наша — отдых.
Вернуть ему покой и усыпить
Бессонный бред помогут наши травы.

Корделия

О силы чудотворные земли,
Подобно глаз моих слезам, забейте
Ключами и уймите боль души
Несчастливого! — Ищите же, ищите
Немедленно его, чтоб невзначай,
Отчаясь, не покончил он с собою!

Входит гонец .

Гонец

Войска британцев близко, госпожа.

Корделия

Я это знала раньше. Мы готовы.
Тебе в защиту, дорогой отец,
Вооружилась я. Король Французский
К моим мольбам не мог остаться глух.
Я выступила не из жажды славы.
Но из любви, лишь из одной любви,
Чтоб за отца вступиться. Поскорей бы
Увидеть и услышать мне его!

Уходят.

СЦЕНА 5

*Комната в замке Глостера.
Входят Регана и Освальд .*

Регана

Брат выставил войска?

Освальд

Да, госпожа.

Регана

Он сам при них?

Освальд

С большою неохотой.
Его жена воинственней, чем он.

Регана

Эдмонд и герцог говорили в замке?

Освальд

Нет, госпожа.

Регана

Что может содержать
Письмо сестры к нему?

Освальд

Не знаю, леди.

Регана

Он выехал отсюда по делам
Безумьем было Глостеру слепому
Оставить жизнь. Куда он ни придет,
Он против нас поднимет всех на свете.
Мне кажется, из жалости Эдмонд
Поехал сократить его мученья,
А также на разведку вражьих сил.

Освальд

Мне надобно нагнать его с посланьем.

Регана

Мы завтра выступаем. До утра
Останься здесь. Пути небезопасны.

Освальд

Мне строго наказала госпожа
Не медлить ни минуты в этом деле.

Регана

О чем писать Эдмонду ей? Нельзя
Послать распоряженья разве устно?
Послушай... Нет... Послушай, ты меня
Обяжешь... Дай письмо мне распечатать.

Освальд

Сударыня, скорее...

Регана

Знаю я,
Сестра не любит своего супруга
И на Эдмонда у меня в тот раз
Бросала выразительные взгляды.
Ведь ты ее пособник.

Освальд

Что вы! Я?

Регана

Не отрицай. Прекрасно это знаю
Так вот что я скажу тебе: мой муж
Скончался. Я помолвлена с Эдмондом.
Он больше мне подходит, чем сестре.
Обдумай это. Если встретишь графа,
Вот для него подарок. А сестра
Пусть будет наперед благоразумней.

Так я, скажи, советую. Найдешь
Изменника слепого — помни, много
Дам я тому, кто устранил его.

Освальд

О, если б мне он, госпожа, попался,
Я б доказал, на чьей я стороне!

Регана

Счастливого пути!

Уходят.

СЦЕНА 6

Местность близ Дувра.

Входят Глостер и Эдгар, одетый крестьянином.

Глостер

Когда же мы взберемся на утес?

Эдгар

Мы всходим. Замечаете, как круто?

Глостер

Я думал, тут равнина.

Эдгар

Нет, обрыв.
Вы слышите шум моря?

Глостер

Нет, не слышу.

Эдгар

Как видно, под влияньем слепоты
Все чувства притупились в вас.

Глостер

Возможно.
Мне кажется, твой голос стал другим.
Ты говоришь яснее и толковей.

Эдгар

Вы в заблуждены. Я переменял
Один наряд.

Глостер

Нет, разговор стал глаже.

Эдгар

Вот это место. Стойте, господин.
Какая жуть — заглядывать с обрыва
В такую глубь! Величиной с жука,
Под нами вьются галки и вороны.
Посередине кручи человек
Повис и рвет морской укроп, безумец.
Он весь-то с голову, а рыбаки
На берегу — как маленькие мыши.
На якоре стоит большой корабль.
Он сверху шляпкой кажется, а шляпка
Не больше поплавка — едва видна.
О камни ударяют с шумом волны,
Но их не слышно с этой высоты.
Довольно. Голова б не закружилась!
Еще слетишь. Нет, лучше не глядеть.

Глостер

Поставь меня, где сам ты.

Эдгар

Дайте руку.
Вы на краю. Отсюда б не ступил
Ни шагу я за все богатства мира.

Глостер

Пусти меня. Вот новый кошелек
В придачу к прежнему. В нем драгоценность.
Будь счастлив, друг мой, с помощью богов.
Подальше отойди, простись со мною.
Дай убедиться мне, что ты ушел.

Эдгар

Прощайте, добрый сэръ.

Глостер

Прощай, мой милый.

Эдгар

(в сторону)
Пародиею этой на прыжок
Я вылечить его хочу.

Глостер

(опустившись на колени)
О боги!
Я самовольно покидаю жизнь,
Бросаю бремя горестей без спросу.
Когда б я дольше мог снести тоску
Без тяжбы с вашей непреложной волей,
Я б дал светильне жизни догореть
В свой час самой. Благословите, боги,
Эдгара, если жив он.
(Встает с колен.)
Ну, прощай.

Эдгар

Иду. Ушел.

Глостер бросается вперед и падает на том же месте.

(В сторону.)

Небезопасный опыт.

При мысленном решении умереть

Смертельна даже мнимая попытка.

Ведь он теперь в воображение там,

Где думал прекратить существование.

(Изменив голос.)

Очнитесь, сударь.

(В сторону.)

Не шутя его

Могло убить волнение. Нет, он ожил, —

Кто вы такой?

Глостер

Прочь, дай мне умереть!

Эдгар

Ты что же: воздух, пух или паутина,

Что рухнул с этой страшной высоты

И не разбился вдребезги? Ты дышишь,

Не ранен, разговариваешь, цел!

Подумай, десять мачт по крайней мере

Перелетел ты по отвесу вниз.

Вот чудо! Что-нибудь еще промолви.

Глостер

Действительно упал я или нет?

Эдгар

С той меловой скалы. Взгляни-ка, видишь?

Туда и жаворонку не взлететь.

Да ты протри глаза.

Глостер

Я их лишился.

Ужель страданию права не дано

Искать развязки в смерти? Эту вольность

Прощали все тираны. Каждый мог

Уйти из жизни, чтоб не подчиняться.

Эдгар

Возьми-ка за руку меня. Привстань.
Колени целы? Твердо ли стоишь ты?

Глостер

Да, слишком твердо.

Эдгар

Просто чудеса!
Скажи, кто был с тобой там, на утесе?

Глостер

Несчастный нищий.

Эдгар

Сверху на меня
Глядел он парой глаз, больших как месяц.
Он был рогат и с тысячей носов.
То был какой-то бес. Тебя, родимый,
Поздравить можно: небеса спасли
От гибели тебя. Они все могут.

Глостер

Я понял все. Отныне покорюсь
Своей судьбе безропотно, покамест
Она сама не скажет: «Уходи».
Я черта принимал за человека.
Бродяга сам о бесах толковал,
И он привел меня к тому обрыву.

Эдгар

Ну вот и успокойся. — Это кто?

Входит Лир , причудливо убранный полевыми цветами.

Умалишенный — видно по наряду.

Лир

Нет, они не могут запретить мне чеканить деньги. Это мое право. Я ведь сам король.

Эдгар

(в сторону)

О, душу раздирающая встреча!

Лир

Природа в этом отношении выше искусства. — Вот тебе солдатское жалованье. Этот малый держит лук, как воронье пугало. Оттяни мне тетиву на всю длину стрелы. Смотрите, смотрите — мышь! Тише, тише. Мы ее сейчас поймем на этот кусочек поджаренного сыра. — Вот моя железная рукавица. Я ее бросаю в лицо великану. Принесите алебарды. — Хорошо слетала, птичка! В цель, прямо в цель! — Говори пароль.

Эдгар

Душистый майоран.

Лир

Проходи.

Глостер

Знакомый голос!

Лир

А! Гонерилья? С седой бородой? Они ласкали меня, как собачку, и ввали, что я умен не по годам. Они на все мне отвечали «да» и «нет». Все время «да» и «нет» — это тоже мало радости. А вот когда меня промочило до костей, когда у меня от холода не попадал зуб на зуб, когда гром не смолкал, сколько я его ни упрасивал, тогда я увидел их истинную сущность, тогда я их раскусил. Это отъявленные обманщицы. Послушать их, так я — все что угодно. Но это ложь. Я не заговорен от лихорадки.

Глостер

Что это — не король? Знакомый голос.

Лир

Король, и до конца ногтей — король!
Взгляну в упор, и подданный трепещет.
Дарую жизнь тебе. — Что ты свершил?
Прелюбодейство? Это не проступок,
За это не казнят. Ты не умрешь.
Повинны в том же мошки и пичужки. —
Творите беззакония. С отцом
Сын Глостера побочный был добрее,
Чем дочери законные — со мной.
Рожайте сыновей. Нужны солдаты. —
Вот дама. Взглянешь — добродетель, лед,
Сказать двусмысленности не позволит.
И так все женщины наперечет:
Наполовину — как бы божьи твари,
Наполовину же — потемки, ад,
Кентавры, серный пламень преисподней,
Ожоги, немощь, пагуба, конец!
ТЬфу, тьфу, тьфу! Аптекарь, — унцию мускусу, чтобы отбить в душе этот смрад! Вот
деньги.

Глостер

Дай руку поцелую я тебе.

Лир

Вытру сначала. У нее трупный запах.

Глостер

Непрочное создание природы!
Так и вселенная когда-нибудь
Придет, изнашиваясь, в разрушенье.
Ты знаешь ли меня?

Лир

Твои глаза мне памятны. Что ты косишься на меня? Стреляй, Купидон с завязанными глазами! Я не боюсь твоих стрел. Больше я не полюблю. Прочти вызов, который я им написал. И каким слогом, обрати внимание!

Глостер

Будь ярче солнц слова — не вижу я.

Эдгар

(в сторону)

Когда б о короле мне рассказали,
Поверить я б не мог. Душа болит.

Лир

Читай!

Глостер

Пустыми впадинами глаз?

Лир

Ого, вот оно что! Ни глаз во лбу, ни денег в кармане? В таком случае глаза у тебя в тяжелом положении, а карманы — в легком. Теперь ты видишь, как идут дела на свете?

Глостер

Я умом заключаю об этом.

Лир

Чудак! Чтобы видеть ход вещей на свете, не надо глаз. Смотри ушами. Видишь, как судья издевается над жалким воришкой? Сейчас я покажу тебе фокус. Я все перемешаю. Раз, два, три! Угадай теперь, где вор, где судья. Видел ты, как цепной пес лает на нищего?

Глостер

Да, государь.

Лир

А бродяга от него удирает. Заметь, это символ власти. Она требует повиновения. Пес этот изображает должностное лицо на служебном посту.

Ты уличную женщину плетью
Зачем сечешь, подлец, заплочный мастер?
Ты б лучше сам хлестал себя кнутом
За то, что втайне хочешь согрешить с ней.
Мошенника повесил ростовщик.
Сквозь рубища грешок ничтожный виден,
Но бархат мантий прикрывает все.
Позолоти порок — о позолоту
Судья копье ломает, но одень
Его в лохмотья — камышом проколешь.
Виновных нет, поверь, виновных нет:
Никто не совершает преступлений.
Берусь тебе любого оправдать,
Затем что вправе рот зажать любому.
Купи себе стеклянные глаза
И делай вид, как негодяй политик,
Что видишь то, чего не видишь ты.
Снимите сапоги с меня. Тащите.

Эдгар

(в сторону)

Какая смесь! Бессмыслица и смысл —
Все вместе.

Лир

При условии, что оплачешь
Мою судьбу, возьми мои глаза.
Я знаю хорошо тебя: ты — Глостер.
Терпи. В слезах явились мы на свет.
И в первый миг, едва вдохнули воздух,
Мы стали жаловаться и кричать.
Я проповедь скажу тебе. Послушай.

Глостер

О, скорбь!

Лир

Мы плакали, пришедши в мир.
Но это представление с шутами. —
Какая шляпа славная!35— Вот мысль!
Ста коням в войлок замотать копыта.
И — на зятьев! Врасплох! И резать, бить

Без сожаленья! Бить без сожаленья!

Входит придворный со слугами .

Придворный

Вот он. Не упускайте. — Государь,
Дочь любящая ваша...

Лир

Нет спасенья?
Я пленник? Да, судьба играет мной.
Не делайте вреда мне. Будет выкуп.
Я попрошу врача. Я ранен в мозг.

Придворный

У вас ни в чем не будет недостатка.

Лир

Опять все мне сносить! Я превращусь
В соленый столб — весь век слезами землю,
Как из садовой лейки, поливать.

Придворный

Мой государь...

Лир

О, я умру без жалоб,
Как юноша! Не надо унывать.
Да, да. Ведь я король, не забывайте!
Вы помните ли это, господа?

Придворный

Вы — повелитель наш. Мы вам послушны.

Лир

Тогда другое дело. Чтобы поймать счастье, надо уметь бегать. Прыг, прыг, прыг...
(Убегает.)

Слуги бегут за ним вдогонку.

Придворный

В такой беде растрогал бы до слез
Любой бедняк, несчастья ж государя
Превыше слов. Но дочь есть у тебя.
Она искупит все, чем запятнали
Природу злодеянья двух других.

Эдгар

Привет вам, сэр.

Придворный

Привет. Что вам угодно?

Эдгар

Скажите, есть ли сведения у вас
О скорой битве?

Придворный

Это всем известно.
Кто не глухой.

Эдгар

Позвольте вас спросить,
Где неприятель?

Придворный

Близко. И — в движеньи.
Он может показаться каждый час.

Эдгар

Спасибо за известье.

Придворный

Королева
Отвлечена делами, но войска
Продвинулись вперед.

Эдгар

Спасибо, сударь.

Придворный уходит.

Глостер

О всеблагие боги! Вас молю:
Возьмите жизнь мою, чтоб нрав мой слабый
Мне вновь самоубийства не внушил.

Эдгар

Похвальная, хорошая молитва.

Глостер

Кто вы, мой друг?

Эдгар

Я — бедный человек,
Ударами судьбы и личным горем
Наученный сочувствовать другим.
Подайте руку мне, и мы поищем
Пристанища.

Глостер

Благодарю тебя.
Пусть боги наградят тебя сторицей.

Входит Освальд .

Освальд

Законная добыча! В добрый час.
Слепая эта голова судьбою
Сотворена, чтоб мне богатство дать.
Остановись, изменник нечестивый.
Покайся и молись! Я вынул меч,
Чтобы казнить тебя!

Глостер

Тогда пусть небо
Побольше силы даст твоей руке.

Эдгар становится между ними.

Освальд

Как смеешь заступаться ты, невежа,
За подлого злодея! Отойди.
А то ты с ним разделишь ту же участь.

Эдгар

Не бывать тому, ваша милость. Лучше не просите.

Освальд

Прочь, деревенщина, иль смерть тебе!

Эдгар

Проходи, господин хороший, ³⁶путем — дороженькой и не связывайся с простым народом. И не поминай мне, сделай милость, про смерть, а то как бы вправду я не помер со страху. А от старичка подальше, подальше от старичка, а то двину я тебя по башке дубиной, посмотрю, что крепче. Уходи, голубчик, подобру-поздорову.

Освальд

Прочь, навозная куча!

Эдгар

Не взыщи, дружок. Не миновать, видно, мне пересчитать тебе зубы.

Дерутся, Эдгар опрокидывает его наземь.

Освальд

Ты одолел. Возьми мой кошелек.
Похорони меня. Живи в достатке.
Письмо, которое найдешь при мне,
Отдай Эдмонду Глостеру. Он в стане
У англичан. — Безвременная смерть!
Нежданная!
(Умирает.)

Эдгар

Я знаю, кто убитый:
Лыстец раболепный злобной госпожи,
Ее пороков ревностный поборник.

Глостер

Что, он убит?

Эдгар

Присядьте, дорогой,
Пока обшарю я его карманы.
Письмо, которое он называл,
Нам может службу сослужить. — Он умер,
Но жаль, что не на плахе. — Вот письмо.
Печать, не обижайся, что взломаю.
Законники, не осуждайте нас.
Чтоб мысль врага узнать, вскрывают сердце,

А письма и подавно. *(Читает.)* «Вспомни наши обоюдные клятвы! У тебя много возможностей устранить моего мужа, было бы желание. Если он вернется победителем, я пропала. Тогда я его пленница навек, а этот брак — моя вечная пытка. Освободи меня от этой постылой будущности и займи его место. Твоя жена (как хотела бы я сказать) и преданная Гонерилья».

О женское коварство! Посягать
На жизнь такого доброго супруга
И брата моего желать взамен! —
Похороню тебя, посредник мертвый
Убийства и распутства, здесь в песке,
А это богомерзкое посланье

Обманутому герцогу отдам.
Пусть радуется он, что ты убит
И заговор на жизнь его открыт.

Глостер

Король сошел с ума. Зачем так крепок
Мой ум, что устоял и сознает
Мою печаль! Я б лучше помешался.
Тогда б я был от горя огражден
Обманчивой игрой воображенья
И память о несчастьях потерял.

Эдгар

Подайте руку мне.

Барабанный бой вдали.

Но чу, вдали
Бьют в барабан... Ну, батюшка, пойдемте.
Я отведу вас к преданным друзьям.

Уходят.

СЦЕНА 7

*Внутренность палатки во французском лагере.
Лир спит на постели. Играет тихая музыка. Около него врач, придворный и другие.
Входят Корделия и Кент.*

Корделия

Великодушный Кент, как мне воздать
Тебе за доброту? Мне неостанет
Ни средств, ни жизни.

Кент

Полно! Этих слов
Достаточно с меня. Хочу прибавить,
Что я в рассказе точен был и скуп
И красок не сгущал.

Корделия

Переоденься.
Одежда эта — память о былом.
Оно так тяжело! Нарядись получше.

Кент

Нет, королева, это б шло вразрез
С расчетами моими. И покамест
Меня не узнавайте.

Корделия

Хорошо.
(*Врачу.*)
Скажите, как здоровье государя?

Врач

Он спит еще.

Корделия

О боги в небесах,
Настройте вновь разлаженную душу
И впавшему в младенчество отцу
Верните ум!

Врач

Угодно ль королеве —
Разбудим мы его. Он долго спал.

Корделия

Как знаете, решайте. Вам виднее.
Вам удалось его переодеть?

Придворный

Да, государыня. Мы незаметно
Сменили все на нем во время сна.

Врач

Не уходите. Мы его разбудим.
Я за него ручаюсь.

Корделия

Хорошо.

Врач

Поближе подойдите. Музыканты,
Играйте громче.

Корделия

Дорогой отец!
О, если бы врачующую силу
Моим губам, чтоб поцелуй мой стер
Следы всего, что сестры натворили
С тобой, родной!

Кент

О кротость без границ!

Корделия

Он должен был вас сединой растрогать,
Хотя бы даже не был вам отцом.
Такому ль было выйти ночью в поле.
На поединок с вихрем, громом, тьмой?
Такому ли стоять на карауле
Под шлемом развевающихся косм
Средь частых молний? Я б пустила греться
К огню собаку своего врага
В такую ночь! А ты был рад, несчастный,
Ночлегу в шалаше, среди свиней,
С ворами вне закона, на соломе!
Постигнуть не могу, как ты в ту ночь
С рассудком вместе жизни не лишился.
Проснулся он. Заговорите с ним.

Врач

Нет, лучше вы.

Корделия

Ну, как здоровье ваше?
Как вашему величеству спалось?

Лир

Не надо вынимать меня из гроба.
Ты — райский дух, а я приговорен
К колесованью на огне, и слезы
Жгут щеки мне расплавленным свинцом.

Корделия

Вы знаете меня?

Лир

Ты — дух, я знаю.
Когда ты умерла?

Корделия

Еще он плох.

Врач

Он не вполне проснулся. Подождите.

Лир

Где был я раньше? Где я нахожусь? —
Что это, солнце? — Я обманут всеми.
Я умер бы от жалости, случись
С другим такое горе. — Что ответить?
Моя ль это рука? Не поручусь.
Проверю. Уколю булавкой. Колет.
Как я б хотел увериться в себе!

Корделия

Взгляните на меня. Благословите.
О, что вы! На колени? Встаньте, сэр!

Лир

Не смейся надо мной. Я — старый дурень
Восьмидесяти с лишним лет. Боюсь,
Я не совсем в своем уме. Признаться,
Я начинаю что-то понимать,
И, кажется, я знаю, кто вы оба.
И ты и он, но я не убежден,
По той причине, что не знаю, где я.
Своей одежды я не узнаю,
Где я сегодня ночевал, не помню.
Пожалуйста, не смейтесь надо мной!
Поспорить с вами я готов, что это —
Дитя мое Корделия.

Корделия

Да, я!

Лир

Что это, слезы, на твоих щеках?
Дай я потрогаю. Да, это слезы.
Не плачь! Дай яду мне. Я отравлюсь.
Я знаю, ты меня не любишь. Сестры
Твои меня терзали без вины,
А у тебя для нелюбви есть повод.

Корделия

Нет, нет его!

Лир

Скажи, я нахожусь
Во Франции?

Кент

Нет, в вашем королевстве.

Лир

Прошу вас не обманывать меня.

Врач

Утешьтесь, госпожа. Припадки буйства,
Как видите, прошли. Но наводить
Его на мысль о виденном опасно.
Уйдите с ним и более ничем
Сегодня не тревожьте.

Корделия

Государь мой,
Пожалуйте.

Лир

Не будь со мной строга.
Прости. Забудь. Я стар и безрассуден.

Все , кроме Кента и придворного , уходят.

Придворный

Достоверно ли, сэра, что герцог Корнуэльский убит таким образом?

Кент

Вполне достоверно.

Придворный

Кто командует его армией?

Кент

Говорят, побочный сын Глостера.

Придворный

Правда ли, будто Эдгар, его изгнанный сын, вместе с графом Кентом скрываются в Германии?

Кент

Слухи разноречивы. Однако не время медлить: армии сходятся.

Придворный

Схватка, по-видимому, будет кровопролитная. Прощайте, сэр. *(Уходит.)*

Кент

Уж цель близка, а что нас завтра ждет,
Покажет боя этого исход.
(Уходит.)

АКТ V

СЦЕНА 1

Британский лагерь близ Дувра.

Входят с барабанами и знаменами Эдмонд , Регана , офицеры , солдаты и другие .

Эдмонд

(офицеру)
Узнай у герцога наверняка,
Держаться ли последнего решенья,
Или он изменил его. Он весь
В противоречьях. Пусть ответит точно.

Офицер *уходит.*

Регана

Слуга сестры, наверное, погиб.

Эдмонд

Я сам боюсь.

Регана

Давайте объяснимся.
Вы знаете, как я к вам отношусь.
Так искренне скажите, милый Глостер,
Вы любите мою сестру?

Эдмонд

Как брат.

Регана

А вы к ней никогда не подбирались
Тайком от зятя?

Эдмонд

Бросьте эту мысль.

Регана

Мне кажется, у вас давно с ней близость.

Эдмонд

Нет, герцогиня, честью вам клянусь!

Регана

Сестра невыносима. Милый Глостер,
Не будьте с нею близки!

Эдмонд

Никогда.
Но вот она сама. И муж с ней, герцог.

Входят с барабанами и знаменами герцог Альбанский , Гонерилья и солдаты .

Гонерилья

(в сторону)
Охотней проиграю я сраженье,
Чем дам сестре меня с ним разлучить.

Герцог Альбанский

Привет сестре любимой! Как я слышал,
Король у дочери, и с ними все,
Кто недоволен нашим притеснением.
Чтоб воевать, я должен быть в ладу
С своею совестью. И мой противник —
Французы, наводнившие наш край,
А не король и прочие вельможи,
Которым есть чем всех нас попрекнуть.

Эдмонд

Все это верно.

Регана

Но к чему все это?

Гонерилья

Мы вышли против общего врага —
Вот сущность дела, а не наши распри.

Герцог Альбанский

Тогда я созову сейчас совет
Для выработки плана наступленья.

Эдмонд

Я к вам приду сейчас в шатер.

Регана

Сестра,

Ты с нами?

Гонерилья

Нет.

Регана

А лучше шла бы с нами.

Гонерилья

(в сторону)

Несложная загадка! Я иду.

Хотят уйти, им навстречу входит переодетый Эдгар .

Эдгар

Светлейший, уделите полминуты
Простому человеку.

Герцог Альбанский

Говори. —
Сейчас я нагоню вас.

Все , кроме герцога Альбанского и Эдгара , уходят.

Эдгар

Перед битвой
Прочтите, герцог, это вот письмо,
И в случае победы пусть глашатай
К вам вызовет меня трубой. Я нищ,
Но выставлю бойца, который кровью
Докажет все, что сказано в письме.
А если вас постигнет поражение,
То будет не о чем и хлопотать,
Тогда конец и вам и вражьи козням.
Пошли судьба успеха вам!

Герцог Альбанский

Постой.
Прочту письмо.

Эдгар

Мне не велели медлить.
Придет пора, пусть вызовет герольд —
Я сам явлюсь.

Герцог Альбанский

Прощай. Займусь я чтением.

Эдгар уходит, Эдмонд возвращается.

Эдмонд

Враг показался. Стянемте войска.
Вот сведенья о силах их, примерно.
Вам надо торопиться.

Герцог Альбанский

В добрый час.
(*Уходит.*)

Эдмонд

Обеим сестрам клялся я в любви.
Как яд змеи, их ненависть друг к другу.
Кого мне взять? Обоих ли? Одну
Иль ни одной? Покамест живы обе,
К ним путь закрыт. Женюсь я на вдове —
Мне жить не даст спокойно Гонерилья,
А с ней при муже тоже пользы нет.
Пока война, он важная опора,
А после пусть придумает сама,
Как от него избавиться. Он Лира
С Корделией намерен пощадить,
Когда их в плен возьмет. Того не будет.
В моих делах опасно размякать.
Я драться должен, а не рассуждать.
(*Уходит.*)

СЦЕНА 2

*Поле между двумя лагерями.
За сценой шум битвы. По сцене проходят с барабанами и знаменами Лир , Корделия и их войско .
Входят Эдгар и Глостер .*

Эдгар

Сядь, дедушка, под деревом в тени.
Молись, чтоб восторжествовала правда,
И если я вернусь — скажу тебе,
Чего ты и не ждешь.

Глостер

Храни вас боги!

*Эдгар уходит.
Шум битвы, затем сигнал к отступлению. Эдгар возвращается.*

Эдгар

Бежим, старик! Дай руку мне. Бежим!
Король разбит. Его и дочь схватили.
Они в плену. Скорей дай руку мне!

Глостер

Зачем бежать? Сгнию на этом месте.

Эдгар

Опять дурные мысли? Человек
Не властен в часе своего ухода
И сроке своего прихода в мир,
Но надо лишь всегда быть наготове.
Идем.

Глостер

Идем. Ты совершенно прав.

Уходят.

СЦЕНА 3

*Британский лагерь близ Дувра.
Входит победителем, с барабанами и знаменами, Эдмонд и пленные Лир и Корделия ,
офицеры и солдаты .*

Эдмонд

Взять их под стражу! Хорошо стеречь,
Пока не вынесут им приговора.

Корделия

Нет, мы не первые в людском роду,
Кто жаждал блага и попал в беду.
Из-за тебя, отец, я духом пала,
Сама бы я снесла удар, пожалуй.
А славные те дочери и сестры, —
Нас разве не покажут им?

Лир

Нет, нет!
Пускай нас отведут скорей в темницу.
Там мы, как птицы в клетке, будем петь.
Ты станешь под мое благословенье,
Я на колени, стану пред тобой,
Моля прощенья. Так вдвоем и будем
Жить, радоваться, песни распевать,
И сказки сказывать, и любоваться
Порханьем пестрокрылых мотыльков.
Там будем узнавать от заключенных
Про новости двора и толковать,
Кто взял, кто нет, кто в силе, кто в опале,
И с важностью вникать в дела земли,
Как будто мы поверенные божьи.
Мы в каменной тюрьме переживем
Все лжеученья, всех великих мира,
Все смены их, прилив их и отлив.

Эдмонд

Отвести их прочь.

Лир

При виде жертв подобных
Нам боги сами курят фимиам.
Ты тут, Корделия? Мы неразлучны.
Они должны достать огонь с небес,
Чтоб выкурить нас порознь из темницы,
Как выживают из норы лисиц.
Утри глаза. Чума их сглохнет, прежде
Чем мы решимся плакать из-за них.
Подохнут — не дождутся. Ну, ведите!

Лира и Корделию уводят под стражей.

Эдмонд

Послушай, капитан! Возьми пакет.
В нем письменный приказ.
(Дает ему бумагу.)
Сведи их в крепость.
Тебя я поднял на одну ступень.
Пойдешь и выше, если все исполнишь.
Приспособляться должен человек
К веленьям века. Жалость неприлична
Военному. Не спрашивай, о чем
Гласит приказ, но объяви заране,
Берешься ль выполнить его?

Офицер

Берусь.

Эдмонд

Ступай же. Ничего не пожалею
Тебе в награду. Сделай все точь-в-точь,
Как написал я. Мигом, незаметно.

Офицер

Я не вожу телег, не ем овса.
Что в силах человека — обещаю.
(Уходит.)
Трубы. Входят герцог Альбанский, Гонерилья, Регана, офицеры и солдаты.

Герцог Альбанский

Сэр, вы сегодня выказали храбрость.
Вам улыбнулось счастье. Враги
У вас в плену. Мы требуем их выдать,
Чтобы распорядиться их судьбой
В согласьи с честью и благоразумьем.

Эдмонд

Я нужным счел больного короля
Под стражею отправить в заключение.
Он трогает чувствительность солдат
И возрастом и королевским саном,
И эта жалость может подорвать
Повиновенье, обратив оружие
На нас самих. С ним вместе увели
Корделию по тем же основаниям.
Я завтра или через два-три дня
Представлю их на суд ваш. Но сегодня,
Когда еще в крови все и в поту
И потерял товарища товарищ,
Не время, думается, раздражать
Всех тех, кто испытал жестокость схватки.
Дела Корделии и короля
Дождутся подходящей обстановки.

Герцог Альбанский

Спокойнее! Простите, сэр, я вас
Считаю подчиненным, а не братом.

Регана

Смотря по титулу, какой я дам
Ему сейчас. Вперед вам не мешало б
Спросить меня. Он полководец мой
И в битве представлял мою особу,
Как мой правопреемник — он ваш брат.

Гонерилья

Не хлопочи. Его и так заслуги
Возвысили, без помощи твоей.

Регана

Но я его поставлю рядом с вами.

Герцог Альбанский

Особенно когда с ним вступишь в брак.

Регана

Насмешники — хорошие пророки.

Гонерилья

Но это предсказал плохой пророк.

Регана

Сестра, мне нездоровится, иначе
Сказала б резче я. — Воитель мой,
Бери мой край, моих солдат и пленных,
Сдается крепость. Все мое — твое.
Будь мне и господином и супругом.

Гонерилья

Так он тебе и будет!

Герцог Альбанский

Помешать
Такому шагу ведь не в вашей власти.

Эдмонд

Но и не в вашей.

Герцог Альбанский

Разве, мнимый брат?

Регана

(Эдмонду)

Вели бить в барабан и докажи
Мечом, что вправе ты принять мой титул.

Герцог Альбанский

Стой! Я их арестую. Ты, Эдмонд,
Виновен в государственной измене
Совместно с этой золотой змеей.

(Указывая на Гонерилью, Регане.)

Сестра, я должен ваши притязанья
Отвести, как опекун моей жены:
Она уже помолвлена с милордом.
Хотите замуж — выбор вам один:
Не занят я, а леди не свободна.

Гонерилья

Фиглярство!

Герцог Альбанский

Глостер, ты вооружен.
Вели трубить, и ежели на вызов
Никто не выйдет доказать мечом,
Какой ты лжец, преступник и предатель,
Вот мой залог.

(Бросает перчатку.)

Я хлеба не вкушу,
Пока не докажу исходом боя,
Что ты все то, чем я назвал тебя.

Регана

Мне дурно, дурно!

Гонерилья

(в сторону)

Это и понятно.
Я разбираюсь в ядах хорошо.

Эдмонд

Вот мой залог.
(Бросает перчатку.)
И если кто-нибудь
Осмелится сказать, что я изменник,
Солжет он, как последний негодяй. —
Труби, герольд! Готов со всеми биться,
Кто б ни пришел, с тобою, с этим, с тем,
За честь свою и правду.

Герцог Альбанский

Эй, глашатай!

Эдмонд

Герольд, сюда!

Герцог Альбанский

Сам за себя постой.
Твоих солдат, которых ты мне нанял,
Своею властью я и распустил.

Регана

Все хуже мне.

Герцог Альбанский

Ей плохо. Уведите
Ее в мою палатку.

Регану уводят. Входит герольд .

Вот герольд.
Труби, герольд, и огласи вот это!

Офицер

Труби, трубач!

Трубят.

Герольд

(читает)

«Если бы среди дворян и офицеров этой армии нашелся желающий силой оружия доказать, что Эдмонд, выдающий себя за графа Глостера, лжец и предатель, пусть он соблаговолит выступить вперед по третьему зову трубы. Противник готов к встрече».

Эдмонд

Труби!

Трубят в первый раз.

Герольд

Еще раз!

Трубят во второй раз.

Еще раз!

Трубят в третий раз. Издали за сценой отвечает труба. Входит вооруженный Эдгар с трубачом впереди.

Герцог Альбанский

Спроси, что он задумал и зачем
На зов трубы явился.

Герольд

Рыцарь, кто ты
По имени и званию? Почему
Ответил ты на вызов?

Эдгар

Знайте, имя
Утрачено мое и клеветой
Загрязнено. Но я такой же знатный,
Как мой противник.

Герцог Альбанский

Кто противник твой?

Эдгар

Кто здесь за графа Глостера Эдмонда?

Эдмонд

Он сам. Что скажешь ты?

Эдгар

Так вынь свой меч,
И если речь моя несправедлива,
Оружьем мне воздай за клевету.
А я по праву своего рожденья
Во имя чести рыцарской и клятв
Пришел сказать, что, несмотря на силу
И званье, доблесть, молодость, успех
И новую победу, ты — предатель
Перед богами, братом и отцом
И перед этим герцогом изменник
И весь запятнан с головы до ног
Следами гнусной низости и грязи.
Скажи, что я неправ, — моя рука,
Мой меч и совесть здесь, чтоб в поединке
Все, в чем ты отопрешься, доказать.

Эдмонд

Я мог бы настоять, чтоб ты назвался,
Но вид твой так воинственен и горд
И речь так обличает воспитанье,
Что, правилам обычным вопреки,
Я пользоваться не хочу отсрочкой.
Бросаю ложь твою тебе назад,
Она меня ни краем не задела, —
И чтоб ее в тебе похоронить,
Мечом прокладываю ей дорогу.
Трубите бой!

Трубы. Схватка. Эдмонд падает.

Герцог Альбанский

Не добивай его!

Гонерилья

Ты — жертва козней, Глостер! По закону,
Не бьются с неизвестными. Ты мог
Не отвечать. Тебя не победили,
А взяли хитростью.

Герцог Альбанский

Прошу молчать!
А то заткну вам рот бумагой этой! —
Прочти, злодей. В письме твой приговор.
(*Гонерилье.*)
Не рвать записки! Вам она знакома?
(*Дает Эдмонду письмо.*)

Гонерилья

Что ж! Здесь — моя держава, не твоя.
Кому судить меня?

Герцог Альбанский

Предел бесстыдства!
Так ты записку знаешь, стало быть?

Гонерилья

Не спрашивай, что знаю я.
(*Уходит.*)

Герцог Альбанский

(*офицеру*)
Смотрите
За ней. Она от горя вне себя.

Офицер уходит.

Эдмонд

Я сделал все, в чем ты меня винил,

И много больше. Время все откроет.
Моя пора пришла. Но кто же ты,
Кому так посчастливилось со мною?
Откройся, рыцарь. Я тебя прошу.

Эдгар

Признанием ответчу на признание.
Не ниже по рождению я, чем ты,
А если выше — тем твой грех тяжеле.
Меня зовут Эдгар, и я твой брат.
Но боги правы, нас за прегрешенья
Казня плодами нашего греха.
За незаконность твоего рожденья
Глазами поплатился твой отец.

Эдмонд

Да, правда. Колесо судьбы свершило
Свой оборот. Я здесь и побежден.

Герцог Альбанский

Я догадался по твоей осанке
О знатности твоей. Дай обниму.
Не знать мне счастья, если хоть притворно
На миг я отвернулся от тебя
И твоего отца!

Эдгар

Я это знаю.

Герцог Альбанский

Где ты скрывался? Как проведаль ты
О бедствиях отца?

Эдгар

Я разделял их.
Послушайте коротенький рассказ.
Я б умереть хотел, когда я кончу.
Как нас к себе привязывает жизнь!

Мы медленную смерть от долгих пыток
Предпочитаем быстрому концу.
Узнав, что я объявлен вне закона,
Я стал скрываться, принял жалкий вид
Помешанного и бродил в лохмотьях,
Которых псы чурались. Так набрел
Я на отца с кровавыми кругами
Глазниц, пустых, как кольца без камней.
Я стал его вожатым, побирался,
Кормил его, поддерживал в нем дух.
Ах, отчего я в первый раз открылся
Ему лишь полчаса тому назад,
Когда, вооружившись перед битвой,
Просил, чтоб он меня благословил,
И описал ему свои скитанья!
Удар был слишком резок. Чересчур
Сошлись в нем вместе радость и страданье.
Их столкновенья сердце не снесло
И разорвалось.

Эдмонд

Ты меня растрогал,
Моей душе на благо, может быть.
Но продолжай, ты, кажется, не кончил.

Герцог Альбанский

Не надо, если повесть так горька
И дальше. Я чуть жив от слез остался.

Эдгар

Пределом это кажется для тех,
Кто к горю не привык. Но кто привычен,
Теряет счет страданьям и идет
Сквозь испытанья до конца и края.
Пока я горько плакал, человек
Приблизился. Он мне встречался раньше.
Мой нищий вид отталкивал его.
Теперь, узнав, кто я на самом деле,
Он бросился на шею мне и, пав
На труп отца, омыл его слезами.
Он рассказал о Лире и себе
Такую быль, которой свет не слышал.
Описывая ужасы тех дней,
Он снова пережил их потрясенья

И потерял сознание. В этот миг
Раздался зов трубы, и я оставил
Его без чувств.

Герцог Альбанский

Кто ж был тот человек?

Эдгар

Кент, сэр, изгнанник Кент. Переодетый,
Он следовал за королем, своим
Гонителем, и верою и правдой
Служил ему, не брезгая ничем.

Вбегают придворный с окровавленным кинжалом.

Придворный

На помощь! Помогите!

Эдгар

Что случилось?

Герцог Альбанский

Что это?

Эдгар

Почему кинжал в крови?

Придворный

Он теплый. Он дымится. Он из сердца.
Она мертва.

Герцог Альбанский

Кто мертв? Скажи скорей!

Придворный

Мертва супруга ваша. Закололась,
Пред этим отравив свою сестру.
Она созналась в этом.

Эдмонд

Я помолвлен
С обеими. Теперь нас всех троих
Смерть обручит.

Эдгар

Вот Кент.

Герцог Альбанский

Живых иль мертвых,
Несите их сюда. Вселяет страх
Небесный суд, свершившийся над ними,
Но нам не жалко их.

Придворный уходит. Входит Кент .

Да, это он.
События не дают его принять,
Как подобало бы в другое время.

Кент

Владыке своему и королю
Пришел я пожелать спокойной ночи.
Как, он не здесь?

Герцог Альбанский

Про главное забыли.

Герцог Альбанский

Эдмонд, скажи нам, где король и где
Корделия?

Вносят тела Гонериллы и Реганы .

Ты видишь, Кент?

Кент

Что это?

Эдмонд

Да, был любим Эдмонд! Из-за него
Одна сестра другую отравила
И закололась.

Герцог Альбанский

Да, все это так.
Закройте лица им.

Эдмонд

Жизнь ускользает.
Пред смертью сделать я хочу добро,
Хоть это непривычно мне. Пошлите
В тюрьму. Не медлите! Я дал приказ
Лишить Корделию и Лира жизни.
Не медлите!

Герцог Альбанский

Скорей! Беги бегом!

Эдгар

К кому бежать? Кому приказ был отдан?
Дай знак отмены!

Эдмонд

Правильно. Возьми
Мой меч и моему дай офицеру.

Герцог Альбанский

Скорее, я прошу!

Эдгар уходит.

Эдмонд

Твоя жена
И я распорядились, чтоб в темнице
Корделию повесили, сказав,
Что это ею сделано самою
В отчаяньи.

Герцог Альбанский

Будь небо ей щитом!
Возьмите кто-нибудь его отсюда.

Эдмонда уносят.

Входит Лир с мертвой Корделией на руках, за ним Эдгар, офицеры и другие.

Лир

Вопите, войте, войте! Вы из камня!
Мне ваши бы глаза и языки —
Твердь рухнула б!.. Она ушла навеки...
Да что я, право, мертвой от живой
Не отличу? Она мертвее праха.
Не даст ли кто мне зеркала? Когда
Поверхность замутилась от дыханья,
Тогда она жива.

Кент

Не это ль час
Кончины мира?

Эдгар

Исполненье сроков.

Герцог Альбанский

Конец времен и прекращенье дней.

Лир

Перо пошевелилось. Оживает!
Ах, если это правда, — этот миг
Искупит все, что выстрадал я в жизни.

Кент

О господин мой!
(Становится на колени.)

Лир

Лучше уходи.

Эдгар

Ведь это Кент. Он друг ваш.

Лир

Пропадите!
Убийцы, подлецы! Я б спас ее,
А вот теперь она ушла навеки. —
Корделия, Корделия, чуть-чуть
Повремени еще! Что ты сказала? —
Ах, у нее был нежный голосок,
Что так прекрасно в женщине. — Злодея,
Тебя повесившего, я убил.

Офицер

Да, господа, он это правда сделал.

Лир

Не правда ли, приятель? Было время,
Своим прекрасным острым палашом
Заставил бы я всех их тут попрыгать.
Не то теперь. Теперь я стар и слаб
От этих бед.

(Кенту.)

Кто вы? Я плохо вижу.
Я должен это прямо вам сказать.

Кент

Судьба нас двух любила и терзала.
Один из них пред вами.

Лир

Тут темно.
Скажите, вы не Кент?

Кент

Ну да, он самый.
Слуга ваш Кент. А где слуга ваш Кай?

Лир

Он славный малый, был, скажу вам прямо.
Храбрец, рубака. Умер и истлел.

Кент

Нет, государь. Я — это Кай.

Лир

Посмотрим.

Кент

Я с первых ваших злоключений шел
За вами по пятам.

Лир

Я рад вас видеть.

Кент

Все ж остальное — ужас, мрак, печаль.
Две ваши старших дочери в порыве
Отчаянья покончили с собой.

Лир

Да, кажется.

Герцог Альбанский

Он, видимо, не знает,
Что говорит. Бесцельно выражать
Ему почтение наше.

Эдгар

Бесполезно.

Входит офицер .

Офицер

Эдмонд скончался.

Герцог Альбанский

Нам не до него. —
Вот что задумал я, друзья и лорды:
Чем только можно будет облегчить
Великого страдальца злую участь,
Все обещаю сделать. Нашу власть
Передадим ему до самой смерти.
(*Эдгару и Кенту.*)
Вступите в ваши старые права.
Мы их еще расширим по заслугам.
Кто верен был, вкусит плоды добра,
Кто изменил, осушит чашу горя. —
Смотрите, что с ним? Видите?

Лир

Мою

Бедняжку удавили! Нет, не дышит!
Коню, собаке, крысе можно жить,
Но не тебе. Тебя навек не стало.
Навек, навек, навек, навек, навек! —
Мне больно. Пуговицу расстегните...
Благодарю вас. Посмотрите, сэр!
Вы видите? На губы посмотрите!
Вы видите? Взгляните на нее!
(Умирает.)

Эдгар

Он в обморок упал. Мой государь!

Кент

Разбейся, сердце! Как ты не разбилось?

Эдгар

Очнитесь, государь!

Кент

Не мучь. Оставь
В покое дух его. Пусть он отходит.
Кем надо быть, чтоб вздергивать опять
Его на дыбу жизни для мучений?

Эдгар

Он умер.

Кент

Удивительно не то.
Где силы брал он, чтобы жить так долго?

Герцог Альбанский

Несите мертвых. Наш ближайший долг —
Оплакать их.
(Кенту и Эдгару.)
Друзья мои, вы оба мне опора,

Чтоб вывести край из горя и позора.

Кент

Не смею, герцог, сборами тянуть.
Меня король зовет. Мне надо в путь.

Эдгар

Какой тоской душа ни сражена,³⁷
Быть стойким заставляют времена.
Все вынес старый, тверд и несгибаем.
Мы, юные, того не испытаем.

Все уходят под звуки похоронного марша.

«КОРОЛЬ ЛИР»

1

Сказание о короле Лире и его дочерях принадлежит к числу древнейших легендарных преданий Британии. Ее первая литературная обработка была сделана английским летописцем Джеффри Монмутским, изложившим ее в своей латинской «Истории Британии» (1135). У него заимствовал ее Лайамон и пересказал на английском языке в поэме «Брут» (ок. 1200). Дальнейшие пересказы предания о Лире встречаются в стихотворных хрониках Роберта Глостерского (ок. 1300), Роберта Маннинга (1338), Джона Хардинга (1450) и в прозаических хрониках Роберта Фабиана (1516), Джона Растела (1530), Ричарда Графтона (1568) и, наконец, в знаменитых «Хрониках» Р. Холиншеда (1577). Этим, однако, литературная история сюжета не ограничивается. Аналогичный рассказ содержится в средневековом сборнике «Римские деяния». К этому сюжету неоднократно обращались английские поэты эпохи Возрождения. Вариант истории Лира мы находим в одной из частей коллективной поэмы «Зерцало правителей» (1574), где рассказ дан в поэтической обработке Джона Хиггинса. О Лире повествует и Уорнер в поэме «Англия Альбиона» (1586), а также величайший из поэтов английского Возрождения Эдмунд Спенсер в своей «Королеве фей» (1590, книга песнь 10). Прозаический пересказ легенды был сделан также в эпоху Шекспира историком Уильямом Кемденом (1605).

Один из предшественников Шекспира написал пьесу, которая в мае 1594 года была зарегистрирована в Палате книготорговцев под над названием «Прославленная история Лира, короля Англии, и его трех дочерей». Вышла ли книга, неизвестно, ни один экземпляр этого предполагавшегося издания не сохранился. В мае 1605 года в Палате книготорговцев была сделана новая запись о готовившейся публикации под названием «Трагическая история короля Лира и его трех дочерей». В конце года книга вышла в свет со следующим обозначением на титульном листе: «Подлинная хроника об истории короля Лира и его трех дочерей, Гонориллы, Реганы и Корделлы, как она многократно исполнялась в недавнее время». Полагают, что в обоих случаях регистрации имелась в виду одна и та же пьеса. Она шла в театре Роза впервые в апреле 1594 года. Автор дошекспировской пьесы о Лире остался неизвестен. Текст этой пьесы сохранился, и это дает возможность сравнивать ее с трагедией

Шекспира.

Текст шекспировского «Короля Лира» дошел в двух вариантах. Первое издание появилось при жизни драматурга, в 1608 году, с пространным заглавием: «Г-н Уильям Шекспир: его правдивая хроника об истории жизни и смерти короля Лира и его трех дочерей, с несчастной жизнью Эдгара, сына и наследника графа Глостера, принявшего мрачный облик Тома из Бедлама, как это игралось перед его королевским величеством в ночь на св. Стефана во время рождественских праздников слугами его величества, обычно выступающими в „Глобусе“ на Бенксайде в Лондоне».

Сохранилось второе издание пьесы, также датированное 1608 годом. Однако исследователи установили, что это было более позднее издание, относившееся к 1619 году, которое типографшик датировал 1608, так как напечатал его незаконно, в обход прав издателя первого кварто. Данный текст повторяет кварто 1608 г., добавляя к опечаткам первого издания большое количество новых ошибок. Текстологического значения второе кварто не имеет.

Наконец, трагедия была напечатана в фолио 1623 г. Сравнение текстов показывает, что кварто содержит около 300 строк, отсутствующих в фолио, тогда как около 100 строк, имеющих в фолио, отсутствуют в кварто. Существуют многочисленные гипотезы, предложенные шекспироведами для объяснения различий между текстами кварто и фолио. Сокращения в тексте фолио, по мнению большинства исследователей свидетельствуют о том, что это сценический вариант трагедии. Но и кварто 1608 г. носит явные следы того, что перед нами текст, игравшийся на сцене. Качества текста 1608 г., однако, таковы, что его едва ли можно считать подлинным и точным. Уже давно возникло предположение, что кварто представляет собой стенографическую запись спектакля. В недавнее время была выдвинута гипотеза о том, что текст кварто восстановлен был по памяти актерами, которые, находясь в гастрольной поездке, решили поставить пьесу, рукопись которой они не захватили с собой. Не входя в обсуждение вопроса о природе первого кварто, укажем, что как раньше, так и теперь основой текста принято считать вариант фолио, дополняемый отдельными местами по кварто 1608 г.

Для датировки трагедии Шекспира приходится опираться лишь на внутренние показания самого текста. В нескольких местах Шекспир воспользовался книгой Харснета «Разоблачение отъявленных папистских обманов», опубликованной в 1603 году. Из нее заимствованы имена дьяволов, называемые Эдгаром, когда он представляется безумным. Отсюда возникает вывод, что пьеса была написана после 1603 года. С другой стороны, на титуле кварто 1608 г. сказано, что пьеса исполнялась при дворе в ночь на св. Стефана. В каком же году это было? Во всяком случае, не в самом 1608 году. И не в 1607, ибо издание было зарегистрировано в Палате книготорговцев в ноябре 1607 года, то есть до рождественских праздников, когда состоялся придворный спектакль. Период возникновения пьесы сужается; она была создана между 1603-1606 годами. Дальнейшее уточнение даты делается на основании того места трагедии, где Глостер говорит о «недавних затмениях солнца и луны» (I, 2). В сентябре 1605 года произошло затмение луны, а в октябре 1605 — затмение солнца. В результате получается возможность довольно точной датировки трагедии 1605-1606 годами.

Обратимся теперь к вопросу об источниках трагедии. Какими из многочисленных произведений, названных выше, воспользовался Шекспир при создании «Короля Лира»? Сравнительный анализ, произведенный исследователями, убеждает в том, что Шекспир воспользовался для основной линии сюжета, во-первых, пьесой своего предшественника, но он также использовал кое-что из рассказа о Лире в «Хрониках» Холиншеда, а отдельные детали взял из поэмы Спенсера «Королева Фей». Вторая сюжетная линия — история Глостера и его сыновей — заимствована Шекспиром из романа Сиднея «Аркадия» (напечатанного в 1590 г.).

Известно, что Л. Толстой в своей статье «О Шекспире и о драме», «ниспровергая» Шекспира, утверждал, будто ранняя пьеса о Лире превосходит трагедию великого драматурга как по своим художественным достоинствам, так и по нравственному значению. Для полемики с этим мнением здесь нет места, да и нет необходимости, но вопрос о соотношении между двумя пьесами представляет несомненный интерес.

Вот конспективное изложение дошекспировской пьесы. Лир задумывает выдать Корделлу замуж. Он намеревается спросить дочерей, как они его любят. Он не сомневается в том, что Корделла выразит наибольшую любовь, и тогда он потребует от нее, чтобы она вышла за того, кого он ей предложит в мужья. План этот известен верному приближенному короля Периллу (у Шекспира — Кент) и коварному советнику Скалигеру. Последний рассказывает о замысле короля старшим дочерям — Гонорилле и Регане. Обе они рассыпаются перед королем в льстивых речах, тогда как Корделла отвечает сдержанно. Рассерженный Лир не изгоняет Корделлу, но лишает ее наследства. Королевство он делит между двумя старшими дочерьми. Мужья старших дочерей герцоги Корнуол и Камбрийский бросают жребий — кому достанется та или иная половина королевства. Перилл безуспешно пытается спасти долю королевства для Корделлы. Затем в Британию прибывает переодетым король Галлии, наслышавшийся много о красоте дочерей Лира. Он встречает Корделлу, горящую из-за того, что она впала в немилость, и, восхищенный ее красотой, предлагает ей стать его женой.

Все это занимает семь сцен, которые сжаты Шекспиром в краткую экспозицию и завязку трагедии. Последуем, однако, далее за автором дошекспировской пьесы. Перилл не одобряет поведения Лира, но решает не покидать его. Затем следуют сцены дурного обращения старших дочерей с королем. Галльский король, узнав об этом, посылает послов, приглашающих Лира в Галлию. Регана подкупает убийцу, чтобы тот прикончил старого короля, но в последнюю минуту раскаяние овладевает им, и он оставляет Лира в живых. Корделла с мужем собираются переодетыми отправиться в Британию. Но Лир и верный ему Перилл сами прибывают в Галлию и встречают здесь переодетых в крестьянское платье короля и королеву. Происходит примирение Лира с Корделлой. Галльский король вторгается с войсками в Британию, одерживает победу над Корнуолом и герцогом Камбрийским и восстанавливает Лира на престоле.

Прежде всего бросается в глаза различие между финалами двух пьес. У предшественника Шекспира он благополучный: Лир снова становится королем, и Корделла остается в живых. Шекспир завершает трагедию гибелью Лира и Корделии. Но гибель Корделии не была придумана Шекспиром. В поэме Спенсера «Королева фей» Корделия, заключенная вместе с Лиром в тюрьму, кончает самоубийством. Оставляя в стороне второстепенные различия, укажем лишь на следующие: 1) ни в пьесе предшественника, ни в одном из стихотворных и прозаических рассказов нет второй линии действия, введенной Шекспиром (Глостер и его сыновья); 2) Шекспиром снят эпизод, в котором изображается намерение Реганы убить отца; 3) в старой пьесе Кент (Перилл) не изгоняется королем, он сопровождает его, не прибегая к переодеванию, как у Шекспира; 4) король французский не появляется в конце пьесы у Шекспира; 5) в пьесе предшественника Шекспира нет образа шута; 6) мотив безумия Лира введен Шекспиром.

Как мелкие, так и крупные перемены в *фабуле* уже придавали иной характер пьесе Шекспира по сравнению с произведением предшественника. Но дело было не только в сюжетных мотивах. Иначе предстают у Шекспира характеры персонажей и, в первую очередь самого Лира. Более глубокая психологическая мотивировка сочетается у Шекспира с значительными социально-философскими идеями, на которые нет и намек в ранней пьесе. Она представляет собой довольно откровенную дидактическую драму на тему об обязанностях детей по отношению к родителям. Содержание трагедии Шекспира значительно шире этой темы.

«Король Лир» признан наряду с «Гамлетом» вершиной трагического у Шекспира. Мера страданий героя превосходит здесь все, что выпало на долю тех, чьи трагедии были изображены Шекспиром как до, так и после этого произведения. Но не только сила трагического напряжения отличает эту драму. Она превосходит другие творения Шекспира своей широтой и подлинно космической масштабностью.

Пожалуй, нигде творческая смелость Шекспира не проявилась с такой мощью, как в этом творении его гения. Мы ощущаем это в языке трагедии, в речах Лира, в поэтических образах, превосходящих смелостью все, что мы до сих пор встречали у Шекспира. Но смелость и оригинальность поэтического языка — лишь одно из проявлений гения художника. "Есть высшая смелость, — писал Пушкин, — смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческой мыслию, — такова смелость Шекспира, Dante, Milton'a, Гете в *Фаусте*, Молиера в *Тартюфе*". Композиция «Короля Лира» отличается именно такой смелостью. Различные линии многопланового сюжета трагедии охвачены единой творческой мыслью.

Как и в «Отелло», в «Короле Лире» нет никаких сверхъестественных элементов. Действие происходит в реальном мире, и в него не вторгаются пришельцы из мира потустороннего. Но по сравнению с «Отелло» масштаб действия здесь шире. В венецианской трагедии в центре действия — личная драма и, хотя она имеет глубокие социальные корни. Эти последние несколько скрыты от взора. Причины трагедии отведены на задний план действия, они таятся в Венеции, составляющей фон для основного действия, замкнутого в кругу взаимоотношений двух-трех лиц. В «Короле Лире» личные, семейные отношения и есть одновременно отношения общественные. Общество здесь не фон, а поле действия, а фоном для человеческих драм, происходящих в нем, является обширное царство природы. Именно это и придает большую масштабность трагедии. В то время как люди переживают душевные бури, страшные грозы происходят и в природе. Вся жизнь вздыблена, весь мир сотрясается, все потеряло устойчивость, нет ничего прочного, незыблемого. По этой земле, сотрясаемой страшными толчками, под небом, обрушивающим потоки из своих хлябей, живут и действуют персонажи трагедии. Они подхвачены вихрем стихий, бушующих в них самих и вовне.

Образ бури, грозы является доминирующим в трагедии. Ее действие — это череда потрясений, сила и размах которых возрастают с каждым разом. Сначала мы видим семейную дворцовую драму, затем драму, охватившую все государство, наконец, конфликт перехлестывает за рубежи страны и судьбы героев решаются в войне двух могучих королевств.

Такие потрясения должны были долго назревать. Но мы не видим, как собирались тучи. Гроза возникает сразу, с первой же сцены трагедии, когда Лир проклинает младшую дочь и изгоняет ее, а затем порывы вихря — вихря человеческих страстей — охватывают всех действующих лиц и перед нами возникает страшная картина мира, в котором идет война не на жизнь, а на смерть, и в ней не щадят ни отца, ни брата, ни сестры, ни мужа, ни старческих седин, ни цветущей молодости.

Участники трагедии занимают высокое положение в государственной иерархии. Борьба между ними могла ограничиться конфликтами морально-политического характера, как в хрониках Шекспира. И это тем более могло быть так, ибо сюжет о Лире был включен Холинshedом в его летописи исторических судеб Англии. В критике были попытки толковать трагедию с точки зрения политической морали. Причину несчастий Лира объясняли тем, что он хотел повернуть колесо истории вспять, разделив единое централизованное государство между двумя властителями. В доказательство проводили параллель между «Королем Лиром»

и первой английской ренессансной трагедией «Горбодук», политическая мораль которой действительно состояла в утверждении идеи государственного единства.

В трагедии Шекспира этот мотив есть, но он отодвинут в сторону. Не о разделе страны написал Шекспир, а о разделении общества. Государственно-политическая тема подчинена более обширному замыслу.

Это и не семейная драма, какой была анонимная дошекспировская драма о короле Лире и его дочерях. Тема неблагодарности детей играет большую роль и у Шекспира. Но она служит лишь толчком в развитии сюжета.

«Король Лир» — трагедия социально-философская. Ее тема не только семейные отношения, не только государственные порядки, но природа общественных отношений в целом. Сущность человека, его место жизни и цена в обществе — вот о чем эта трагедия.

Нужно сразу же сказать, что социальные отношения, для обозначения которых у нас выработались широко распространенные теперь понятия, связанные с теорией классового деления общества, на языке эпохи Шекспира выражались иначе, хотя бы уже потому, что общество его времени еще было сословным. Но общественные теории средних веков и эпохи Возрождения в чуждых нам терминах говорили о вещах, которые без труда переводятся на наш язык.

Одним из таких понятий тех времен была «природа». В «Короле Лире» слово «природа» и производные от него встречаются свыше сорока раз.

В нашем словоупотреблении «природа», как правило, обозначает нечто противостоящее обществу, и этим наша речь как бы закрепляет то отдаление человека от природы, которое произошло в ходе развития классового общества. Люди эпохи Шекспира (в частности, сам Шекспир) были неизмеримо ближе к природе, и этим словом они охватывали всю жизнь, включая и общественные отношения. Поэтому, когда персонажи Шекспира говорят «природа», они отнюдь не всегда подразумевают под этим поля, леса, реки, моря, горы; природа для них — весь мир и в первую очередь самое интересное для них существо этого мира — человек во всех многообразных проявлениях и отношениях, составляющих его жизнь.

Но уже в эпоху Возрождения, и в частности в произведениях Шекспира, обнаруживаются два различных понимания природы. Как мы увидим далее, образование двух концепций природы отражало в сфере идеологических понятий конфликт двух социальных укладов и соответствующих им норм морали и поведения.

Традиционным был взгляд на природу как на благотворительную силу жизни. Принадлежность к царству природы означала для человека неразрывную связь со всем строем жизни, включая природу в собственном смысле слова и «природное» общество. Каждому существу было предназначено свое место в природе. Средневековая идеология особенно настаивала именно на предопределенности места для каждого в схеме мироздания. Гуманисты, и в частности материалист Ф. Бэкон восприняв эту традиционную концепцию, подчеркивали в ней прежде всего благодать природы и всеобщую связь вещей. И, конечно, понимали они природу совершенно иначе, чем догматики-схоласты.

Общественные взаимоотношения тоже входили в эту систему всеобщих связей. Существовали связи семейные, сословные, государственные. Подчинение детей родителям, подданных — государю, забота родителя о детях и государя о подданных были формами естественной связи между людьми. В этом видели всеобщий закон природы, обеспечивающий гармонические взаимоотношения во всех человеческих коллективах от семьи до государства.

Такое понимание природы составляет один из центральных мотивов, проходящих через всю трагедию Шекспира. Такова та идеологическая форма, в которую облечено ее социально-философское содержание.

В «Короле Лире» мы с самого начала видим, что законы природы нарушены. Ключ к

тому, что происходит в трагедии, дан в следующих словах Глостера: «...Эти недавние затмения, солнечное и лунное! Они не предвещают ничего хорошего. Что бы ни говорили об этом ученые, природа чувствует на себе их последствия. Любовь остывает, слабеет дружба, везде братоубийственная рознь. В городах мятежи, в деревнях раздоры, во дворцах измены, и рушится семейная связь между родителями и детьми. Либо это случай, как со мною, когда сын восстает на отца. Либо как с королем. Это другой пример. Тут отец идет против родного детища. Наше лучшее время миновало. Ожесточение, предательство, гибельные беспорядки будут сопровождать нас до могилы» (I,2).

«Природа» тяжело страдает, и мы видим подтверждение этого в картине полного распада всех естественных и общественных связей между людьми. Король Лир изгоняет дочь, Глостер — сына; Гонерилья и Регана восстают против отца, Эдгар обрекает своего отца на страшную казнь; сестры Гонерилья и Регана готовы каждая изменить своему мужу, и в порыве ревнивого соперничества в борьбе за любовь Эдмонда Гонерилья отравляет Регану; подданные воюют против короля, Корделия идет войной против своей родины.

В «Отелло» мы видели трагедию хаоса в душе одного человека, в «Короле Лире» — трагедия хаоса, охватившего целое общество. Человеческая природа взбунтовалась против самой себя, и мудро ли, что взбунтовалась природа, окружающая человека? Трагедия поэтому не может быть сведена к теме неблагодарности детей, хотя это и занимает значительное место в сюжете. Речь идет о большем — о том, что распались все устои, делавшие жизнь упорядоченной. В «Короле Лире» с самого начала можно видеть, как рушится всякий порядок. Может показаться, что виной этому безумное своеволие Лира. Но это не совсем так. Своеволье, которое мы наблюдаем в поведении Лира, свойственно всем действующим лицам трагедии.

Существует мнение, будто в «Короле Лире» представлено общество, живущее по патриархальным законам, которые только начинают рушиться. На самом деле уже в начале перед нами мир, в котором сохранились только внешние признаки патриархальности. Никто из действующих лиц уже не живет по законам патриархального строя. Никого из них не интересует общее, ни у кого нет заботы о государстве, каждый думает только о себе. Это ясно видно на примере старших дочерей Лира, Гонерилье и Регане, готовых на любой обман, лишь бы получить свою долю королевских земель и власти. Эгоизм, сочетающийся с жестоким коварством, сразу же обнаруживает и незаконный сын Глостера — Эдмонд. Но не только эти люди, одержимые хищническими стремлениями, лишены патриархальных добродетелей покорности и повиновения. Благородный граф Кент обнаруживает неменьшую независимость, когда смело упрекает короля за неразумный гнев против Корделии. И сама Корделия своенравна и упряма, что проявляется в ее нежелании унижить свое личное достоинство не только лестью, но и вообще публичным признанием в чувствах, которые она считает глубоко интимными. Она не хочет участвовать в ритуале лести, затеянном королем Лиром, даже если ей это будет стоить не только наследства, но и любви Лира.

Коротко говоря, все действующие лица трагедии — индивиды с ясным сознанием личных интересов и целей. Это относится не только к главным персонажам, но и к таким третьестепенным фигурам, как, например, дворецкий Гонерильи Освальд и слуги Корнуэла и Реганы. Освальд, наблюдая царящий вокруг хаос, рассчитывает, что и сам он сможет возвыситься. Что же касается слуг Корнуэла и Реганы, то их независимость от господ проявляется в том, что, возмущенные их жестокостью по отношению к Глостеру, они открыто заявляют об этом, а один из слуг даже вступает в борьбу с Корнуэлом и наносит ему смертельную рану.

Хотя все персонажи «Короля Лира» обладают феодальными титулами и званиями, тем не менее общество, изображаемое в трагедии, не является средневековым. За феодальным обликом скрывается индивидуалистическое нутро. При этом, как и в других произведениях Шекспира, новое самосознание личности имеет у действующих лиц трагедии два ясно

выраженных направления. Одну группу персонажей составляют те, в ком индивидуализм сочетается с хищническим эгоизмом. В первую очередь это Гонерилья, Регана, Корнуэлл и Эдмонд. Эдмонд выступает как выразитель жизненной философии, которой руководствуются все люди такого склада.

Эдмонд сродни всем другим представителям хищнического дуализма, изображенным Шекспиром. Он человек такого же характера, как Ричард III и Яго. Все они явные злодеи. Роднит их то, что каждый обделен природой или обществом. Эдмонд — незаконный сын, и, следовательно, ему не приходится рассчитывать на то, что жизненные блага и почетное положение в обществе достанутся ему по наследству, как его брату Эдгару, законному сыну Глостера. Его возмущает эта несправедливость. Он восстает против обычаев потому, что они не обеспечивают ему того места в жизни, какого он хотел бы достигнуть.

Выше было сказано, что понятие природы для Шекспира и многих его современников было связано с представлением об устойчивом миропорядке, и природа считалась воплощением естественных законов объединяющих людей. Наряду с этим у Шекспира встречается и другое понимание природы, означающее нечто противоположное. Такой взгляд на природу, например, у Яго, который понимал под этим словом желания и аппетиты человека. Эдмонд всецело единомышленник Яго. Свою речь, выражающую его взгляд на жизнь, он начинает знаменательными словами:

"Природа, ты моя богиня! В жизни
Я лишь тебе послушен. Я отверг
Проклятье предрассудков и правами
Не поступлюсь, пусть младше я, чем брат" (I,2)

Упорядоченная природа, стройный миропорядок, покоящийся на естественных связях, то есть все то, что так дорого Глостеру, отвергается Эдмондом. Для него это (перевожу дословно) «чума обычая». Для Эдмонда в этой системе природы не приготовлено места, он в ней пасынок, а не сын, в полном смысле слова «незаконнорожденный».

Природа, которой он поклоняется, другая, она — источник силы, энергии, страстей, не поддающихся повиновению той, иной «природе». Он не намерен отказываться от жизненных благ во имя подчинения существующим в обществе законам. Обычай лишает его, как незаконнорожденного, многих прав, но это несправедливо, ибо природа дала ему не меньше, а даже больше желаний — и энергии, чтобы удовлетворить их, — чем тем, кто от рождения имеет права на все (I, 2).

Яго считал человека «садом», в котором каждый сам выращивает свой характер и делает соответственно выбор жизненного пути. Точно так же думает и Эдмонд. Он смеется над теми, кто, подобно его отцу, верит в средневековое учение о влиянии небесных светил на характер и судьбы людей. «Когда мы сами порти́м и коверкаем себе жизнь, обожравшись благополучием, — говорит Эдмонд, — мы приписываем наши несчастья солнцу, луне и звездам. Можно, правда, подумать, будто мы дураки по произволению небес, мошенники, воры и предатели — вследствие атмосферического воздействия, пьяницы, лгуны и развратники — под непреодолимым давлением планет. В оправдание всего плохого у нас имеются сверхъестественные объяснения. Великолепная увертка человеческой распущенности — всякую вину свою сваливать на звезды... Какой вздор! Я то, что я есть, и был бы тем же самым, если бы самая целомудренная звезда мерцала над моей колыбелью» (I, 2).

Не звезды предначертали Эдмонду быть злодеем. Он родился в мире, где для него не было уготовано места, и намерен сам завоевать его для себя любыми средствами, не считаясь с принятыми в обществе законами. Психология Эдмонда и его философия жизни — порождение новых общественных условий, развившихся в результате буржуазного прогресса. Это уже становится нормой жизненного поведения. Но над умами людей тяготеют старые понятия. Поставленные рядом, речи Глостера и Эдмонда (их

противопоставил так сам Шекспир, см. I, 2) выражают мировоззрение двух разных социальных укладов, двух разных Эпох. Для Глостера природа — это, как мы знаем, извечный мировой порядок, где каждому определено свое место. Слова о нарушении законов природы, приведенные выше, характеризуют Глостера как выразителя традиционного мировоззрения. В противоположность ему в понимании Эдмонда природа означает право человека на восстание против существующего порядка вещей. Глостеру кажется, что на его стороне вечный закон и что всякие нарушения его есть следствия индивидуального произвола, но он заблуждается. Здесь, как в капле воды, отражен всемирно-исторический процесс смены двух общественных формаций, о котором писал К. Маркс, объясняя социальную сущность трагического: «Трагической была история старого порядка, пока он был существующей испокон веку властью мира, свобода же, напротив, была идеей, осенявшей отдельных лиц, — другими словами, пока старый порядок сам верил, и должен был верить, в свою правомерность». Глостер воплощает этот старый порядок, верящий в свою правомерность, тогда как Эдмонд — человек, которого уже осенила идея свободы от старых патриархальных связей. Он настолько далеко заходит в своем отрицании их, что не только становится врагом короля и нарушает долг подданного, но борется против брата и предает отца, разрывая таким образом самую священную кровную связь родства.

То, что происходит в семье Глостера, повторяется и в семье Лира. Правда, ни Лир, ни его дочери Гонерилья и Регана не выражают столь непосредственно тех жизненных понятий, которые мы слышим из уст Глостера и Эдмонда. Глостер и Эдмонд выражают и практику и теорию двух противоположных укладов, Лир и его дочери — только практику, но и отношения между Лиром и его дочерьми имеют в своей основе тот же конфликт двух жизненных укладов, как он отражается в психологии и повседневном поведении людей. Впрочем, и Лир появится потом перед нами в роли философа, но об этом речь будет дальше.

Новый миропорядок, — а мы знаем, что это был в конечном счете миропорядок буржуазный, — разрушал даже самую прочную из всех человеческих связей — кровную, родственную, семейную связь. И мы видим это на семьях Лира и Глостера. Главной разрушительной силой является стремление к обладанию теми имущественными правами, которые дают человеку независимость, а в иных случаях и власть над другими.

Гонерилья, Регана и Эдмонд были лишены возможности обрести самостоятельность до тех пор, пока они зависели от Лира и Глостера. Для них важно было любой ценой получить в руки то, на чем зиждилась королевская и отцовская власть их родителей. Все трое прибегают для этого к обману. Интересно то, что все они играют на самом дорогом для Лира и Глостера — на преданности и чувстве долга, хотя сами не ставят их ни в грош. Когда же они получают в свои руки земли, титулы и даже короны, они стряхивают долг повиновения родителям как обветшавшее платье. Трагедия Глостера состоит в том, что он становится жертвой бездушного индивидуализма, разрушающего его семью. Трагедия Лира состоит в этом лишь отчасти. Но прежде чем мы перейдем к главному герою трагедии, нам нужно сказать о второй группе персонажей.

Все действующие лица трагедии — люди с ясным сознанием своей личности. Но не все они себялюбцы. Корделия, Эдгар, Кент, шут короля Лира составляют лагерь тех, кто обладает не низменной эгоистическим, а благородным пониманием прав человека. Для них существуют понятия верности, преданности, и в своем поведении они самоотвержены. Они тоже следуют «природе», но у них благородные понятия о природе и достоинстве человека. Показательно, что все они становятся в этом обществе отверженными. Корделию Лир проклял, Кента он изгнал; Эдгара предал проклятию Глостер, введенный в заблуждение Эдмондом. Что касается шута, то он в этом обществе отверженный и бесправный уже по самому своему положению. Но именно эти люди, изгнанные и презираемые, как мы убеждаемся, оказываются единственными, кто сохранил естественные чувства привязанности, любви и долга. Кент, переодевшись и изменив внешность, сопровождает

Король Лир

Уильям Шекспир

Лира в его в изгнании, как и шут, который не покидает своего господина в крайней беде. Корделия, узнав о несчастье Лира, забывает нанесенную ей обиду и возвращается, чтобы восстановить отца в его королевских правах. Эдгар, встретив своего ослепшего отца, думает только о том, чтобы облегчить его судьбу. При всем том, хотя каждый из них проявляет самоотверженность, все они лишены духа патриархального повиновения и рабской покорности. Не инстинкт подчинения, а свободный выбор объекта служения определяет их поведение. Они служат Лиру не как подданные, а как друзья, сохраняя духовную независимость, включая и шута, наиболее резкого из них и до беспощадности прямого в выражении своих мнений.

Если Эдмонд наиболее полно воплощает в себе духовный мир и нравственные принципы лагеря хищников-индивидуалистов, то его брат Эдгар оказывается в положении наиболее отверженного.

В нашем восприятии Эдгар, преобразившийся в Тома из Бедлама, — странная и непонятная фигура. В эпоху Шекспира так называли самых несчастных и обездоленных людей, лишенных даже первейшего признака человечности — рассудка. Таких умалишенных помещали в Бедлам. Но этот дом призрения не обеспечивал их. Голодные и в рубищах, бродили они по дорогам, прося подаяния. То была самая низшая степень падения, ибо эти несчастные ничем не могли помочь себе и не сознавали своего ужасного положения. Образ Тома из Бедлама имеет поэтому в трагедии одновременно конкретное и символическое значение.

В ходе действия трагедии обнаруживаются не только различия в нравственных стремлениях ее участников, разделяющих их на два лагеря. Мы видим также, как образуются два полярных мира. На одной стороне мир богатства и власти. Здесь идет вечная грызня, и каждый в этом мире готов перегрызть глотку другому. Таков мир, который построили для себя Гонерилья, Регана, Корнуэл, Эдмонд. Мы уже не раз встречали у Шекспира картину этого мира в его драмах.

Другой мир — это мир всех отверженных. В нем оказываются, сначала Кент и Корделия, затем Эдгар, король Лир, шут и, наконец, Глостер. Из них Корделия, ставшая супругой французского короля, является изгнанницей только по названию и несет бремя одних лишь моральных страданий. Остальные же брошены на дно жизни в самом буквальном смысле слова. Они обездолены, выброшены из прежнего, привычного для них образа жизни, лишены крова, источников средств существования и оставлены на произвол судьбы. Но личные бедствия не ожесточают их сердца, а, наоборот, обостряют сочувствие к страданиям других у тех, кому доброта и раньше была свойственна, а у тех, кто прежде был равнодушен к судьбам остальных, рождают чувство братства со всеми обездоленными.

Картина этих двух миров отражает состояние общества времен Шекспира. На одном полюсе те, кто выиграл в бессовестной погоне за богатством и властью, на другом те, кто проиграл в этой игре, потому что был честен и эта честность делала его беззащитным против коварства хищных стяжателей. Но честные люди не остались покорными своей злосчастной судьбе. Прежде всего никто из них не признал превосходства мира баловней фортуны. Они полны ненависти и презрения к тем, — кто так скуп в своем богатстве и так жесток в своем властном всеисилии. Мы ощущаем это презрение в гордом поведении Кента и в язвительном сарказме шута. Кент даже пускает в ход силу, но что может поделать он один со своим честным негодованием в этом мире бесчестия и несправедливости? Единственное, чего он добивается, — это то, что его сажают в колодки. Глостеру достается больше: за сочувствие Лиру его подвергают страшной пытке и вырывают у него глаза. Корделия, заступившаяся за отца, теряет жизнь.

Мир сильных и богатых мстит тем, кто восстает против него, но поборников справедливости это не останавливает. Пусть зло сильнее их, они все равно будут бороться против него, и даже не потому, что заранее рассчитывают на победу, а просто потому, что

жить, покоряясь злу, они не могут. Если в конце трагедии злодеи получают воздаяние, то не столько потому, что их одолевают честные люди, сколько потому, что их губит внутренняя вражда. Так же как они беспощадны по отношению к другим, беспощадны они и в соперничестве друг с другом.

Два персонажа в трагедии, из которых один принадлежит к миру власти, а другой к миру отверженных, сначала стоят несколько в стороне от борьбы, а затем под конец становятся самыми активными, и на их долю выпадает честь восстановления порядка и справедливости.

Один из них — Альбани. Обстоятельства складываются так, что он не сразу определяет свое место в борьбе двух лагерей. Он не знает всех гнусных планов и проделок своей жены Гонерильи, и лишь в конце перед ним раскрывается, что он был орудием в ее руках. Когда он узнает подлинный характер своей жены и всю массу злодейств, невольным пособником которых он был, Альбани решительно порывает с этим миром и становится тем человеком, который восстанавливает порядок в государстве.

Второй — Эдгар. Оклеветанный братом, он скрывался и бездействовал, пока несправедливость касалась лишь его, но когда он увидел, как поступили с Лиром и его отцом, Эдгар проникся решимостью бороться. Случай сталкивает его с Освальдом, и он убивает надменного придворного. Письмо, найденное им на теле убитого, раскрывает сговор Гонерильи и Эдмонда против Альбани. Этот документ открывает глаза Альбани, и он узнает, что чуть не стал жертвой коварства своей изменницы-жены. Но главная цель Эдгара — отомстить брату, который погубил отца и хотел погубить его. Он вызывает Эдмонда на поединок и сражается против него с опущенным забралом. В этом есть нечто символическое, как и в том, что Гамлет уничтожил своих противников их же собственным оружием. Ведь Эдмонд тоже боролся против Эдгара маскируясь, но то была бесчестная маскировка, ибо, строя козни против брата Эдмонд выдавал себя за его друга и защитника. Хотя Эдгар и сражается с закрытым лицом, но он борется с братом в честном поединке и побеждает его.

3

Итак, в трагедии противопоставлены друг другу два мира. Они ведут борьбу между собой. Какое же место занимает в этой борьбе Лир, тот кто положил начало ей и вокруг которого она все время ведется?

Уже было сказано, что в какой-то мере судьба Лира предопределяется борьбой двух миров — старого патриархального уклада, к которому он отчасти принадлежит, и того нового строя жизни, который породил индивидуализм всего молодого поколения. Однако необходимо со всей решительностью подчеркнуть, что связь Лира с патриархальным укладом еще отнюдь не определяет ни его духовного облика, ни сущности переживаемой им трагедии. В нем, как и в некоторых других трагических героях Шекспира, черты старого переплетаются с психологией, рожденной новым временем. При этом как в том, что Лир унаследовал от традиционного жизненного уклада, так и в новообретенном отношении к людям и вещам есть и хорошие и дурные черты.

Вначале преобладает дурное. Мы видим перед собой Лира-деспота. С одной стороны, его деспотизм имеет своим источником феодальную прерогативу монарха. Но в своем самодержавии, доходящем до самодурства, Лир опирается не только на безличную силу своей королевской прерогативы, дающей ему право вершить судьбы всех подданных. Человек незаурядный, окруженный всеобщим преклонением, он возомнил, что его королевское достоинство покоится на личном превосходстве над другими. Как и все окружающие его. Лир обладает высокоразвитым сознанием своей личности, и это является в нем чертой новой психологии. Однако сознание личного достоинства приобретает у Лира односторонний, эгоистический характер. Оно заключается в непомерно высокой оценке

своей личности, доходящей до крайнем степени самообожания. Все восхваляют его величие, и он проникается убеждением, велик он не только как король, но и как человек. Это отлично определил Н. А. Добролюбов, который писал, что Лир является «жертвой уродливого развития» общества, основанного на неравенстве и привилегиях. Роковая ошибка Лира, проявившаяся в отказе от власти и в разделе королевства, — отнюдь не каприз феодала, и Добролюбов выразил самое существо дела, объяснив завязку трагедии следующим образом: Лир отказывается от власти, "полный гордого сознания, что он *сам, сам по себе велик*, а не по власти, которую держит в своих руках"³⁸.

Лир возомнил, что его человеческое величие превосходит его королевское величие. «В Лире действительно сильная натура, — писал Добролюбов, — и общее раболепство пред ним только развивает ее односторонним образом — не на великие дела любви и общей пользы, а единственно на удовлетворение собственных, личных прихотей. Это совершенно понятно в человеке, который привык считать себя источником всякой радости и горя, началом и концом всякой жизни в его царстве. Тут, при внешнем просторе действий, при легкости исполнения всех желаний, не в чем высказываться его душевной силе. Но вот его самообожание выходит из всяких пределов здравого смысла: он переносит прямо на свою личность весь тот блеск, все то уважение, которым пользовался за свой сан, он решается сбросить с себя власть, уверенный, что и после того люди не перестанут трепетать его. Это безумное убеждение заставляет его отдать свое царство дочерям и чрез то, из своего варварски-бессмысленного положения, перейти в простое звание обыкновенного человека и испытать все горести, соединенные с человеческою жизнью»³⁹.

Во всей мировой критике мы не найдем более верного определения исходного момента трагедии короля Лира. То, что другим критикам казалось нелепостью, прихотью, глупым капризом, Добролюбов объяснил с изумительной психологической точностью и подлинной глубиной проникновения в социальную сущность трагедии Лира.

На протяжении всех последующих событий Лир продолжает цепляться за свой феодальный сан. В нем крепко укоренилось сознание того, что он король. Привычка повелевать другими не оставляет его даже тогда, когда он отвергнут всеми и, бездомный, бродит по степи. Мы видим, как он появляется, причудливо убранный полевыми цветами, и в бреду кричит: «Нет, они не могут запретить мне чеканить деньги. Это мое право. Я ведь король».

"Король, и до конца ногтей — король!

Взгляну в упор, и подданный трепещет" (IV, 6).

Его безумие именно в том, что он продолжает считать себя королем, человеком, стоящим выше всех остальных, а просветление проявится в том, что он поймет безумие этого и почувствует себя просто человеком, которому не нужны ни власть, ни почет, ни всеобщее преклонение.

Путь к этому просветлению ума сопряжен для Лира с глубочайшими страданиями. Сначала мы видим его гордое самомнение. Он требует от своих дочерей, чтобы они состязались в выражении лстивого обожания его. Тщетно упрекают Лира в том, что он глуп и верит речам старших дочерей. Тщетно думают, будто он слеп, не понимая того, что они лгут. Он действительно убежден в том, что достоин той крайней степени обожания, которую выражают Гонерилья и Регана. То, что говорят они, соответствует его самооценке. Молчание Корделии и ее нежелание присоединиться к этому хору похвал потому так раздражает Лира, что он убежден в своем царственно-человеческом величии. При этом он мерит своих дочерей не столько их отношением к нему, сколько своим отношением к ним. Любя Корделию больше других, он считает, что, даря ей свои чувства, тем самым обязывает ее к самому высокому восхвалению его персоны. Во всех других людях Лир ценит не их подлинные чувства, а отражение в их чувствах самого себя и своего отношения к ним. Такова та крайняя степень эгоцентризма и себялюбия, до которой он дошел. В этом обнаруживается уродливое

развитие индивидуальности в мире, основанном на социальном неравенстве. Парадоксальность, противоестественный характер такого развития личности проявляется в том, что человек, действительно обладающий достоинствами, принижает их и становится мельче, как мелок здесь Лир потому, что, поставив свою личность в центр мира, он самого себя сделал единственным мерилем всех человеческих ценностей. Даже наказание, которому он подвергает строптивого Кента и непокорную Корделию, по-своему отражает самообожание Лира. Изгоняя их, он с поистине царственной наивностью думает, будто самой большой карой является отлучение от его персоны, как если бы он один только и давал свет и теплоту в жизни.

Лир убежден, что власть будет принадлежать ему и тогда, когда он откажется от ее внешних признаков. Он даже думает, что царственность его личности предстанет еще яснее и нагляднее тогда, когда он откажется от материальной основы своей власти, от владения землями. В этом обнаруживаются одновременно и наивная переоценка своего значения и благородный идеализм Лира. На эту вторую сторону его заблуждения необходимо обратить особое внимание, ибо в ней раскрываются лучшие черты Лира, а это и подведет нас к тому, что составляет центральную социально-философскую тему трагедии — к вопросу о ценности человека.

Из всеобщего поклонения, каким его окружили, Лир сделал вывод, что значение индивида определяется не его общественным положением, а личными достоинствами. Это он и хочет доказать, отдавая реальные основы своей власти, ибо убежден, что даже и без всех ее атрибутов сохранит любовь и уважение окружающих. Это уже не самодурство феодала, а наивный, но благородный в своей основе идеализм, приписывающий личным достоинствам человека значение, какого они реально в классовом обществе иметь не могут. Мы можем назвать это гордостью в самом ее чистом виде, ибо Лир гордится не своим королевским званием, а человеческим величием, которое он, впрочем, переоценивает непомерно.

Реальность пробивает постепенно броню гордыни Лира. При этом прежде всего обнаруживается, что его гордость сочетается с мелким тщеславием. Свою значимость Лир измеряет количеством людей, прислуживающих ему. Отказавшись от власти, он оставляет себе многочисленную свиту. Сто человек должны прислуживать ему одному, ловить каждое его слово, исполнять любую прихоть, развлекать, своим шумом возвещать о его прибытии. Он отказался от власти, но по-прежнему хочет, чтобы все повиновались ему и чтобы внешние признаки величия — придворная пышность сопровождала каждый его шаг.

Поэтому он так болезненно реагирует на то, что дочери требуют сокращения его свиты. Ему она нужна для парада как обрамление его величия, а они видят в его свите феодальную дружину, достаточно мощную, чтобы заставить выполнить любую волю Лира. Гонерилья и Регана желают лишить Лира той последней реальной силы, которую он еще себе оставил в виде этого небольшого войска.

Лир отчаянно цепляется за последний остаток власти. Он уязвлен вдвойне: он страдает от ущемления своего тщеславия, но в еще большей степени его потрясла неблагодарность дочерей; он отдал им все, а они теперь хотят лишить его единственного, что он себе оставил. В отчаянии он мечется от одной дочери к другой. Хотя их неблагодарность глубоко потрясает его, главное, что мучит его, это не столько то, каковы оказались они, сколько собственное бессилие. Впервые в жизни Лир почувствовал, что его воля натолкнулась на сопротивление, которого он не только не может сломить (сломить он не мог уже сопротивления Кента и Корделии), но и не в состоянии покарать. Первое ощущение падения возникает у Лира именно как сознание своего бессилия.

Но мы были бы несправедливы к Лиру, если бы видели в нем только его уязвленное самолюбие и тщеславие. Раздав королевство дочерям, отрекшись от власти, Лир, как мы знаем, хотел доказать себе и другим, что он «сам по себе велик». При этом он не считал, что

отказ от власти означает отречение от всех благ. Наоборот, он считал, что его человеческое величие требует не меньше жизненных благ, чем те, которые полагаются для полноты королевского величия.

Лир горячо отстаивает право иметь свиту, ибо ему для ощущения своего величия необходимо иметь около себя людей, вся жизнь которых состоит в том, чтобы служить ему. Спор об этом постепенно перерастает для Лира в проблему философского значения: что нужно человеку, чтобы чувствовать себя человеком? В ответ на слова Реганы, что ему не нужно ни одного слуги, Лир высказывает мысли, свидетельствующие о том, что для него это не мелкий вопрос:

"Не ссылайся
На то, что нужно. Нищие, и те
В нужде имеют что-нибудь в избытке.
Сведи к потребностям всю жизнь,
И человек сравняется с животным.
Ты женщина. Зачем же ты в шелках?
Ведь цель одежды — только чтоб не зябнуть.
А эта ткань не греет, так тонка" (II, 4).

Самого Лира до сих пор пышность согревала. Человечность он мерил именно избытком над тем, «что нужно». И чем выше человек, тем больше у него всего того, что не является необходимым. В борьбе с дочерьми Лир отстаивает свое право на это не необходимое, потому что ему все еще кажется, что оно первейший признак человеческой значимости и величия. Иначе говоря, Лир все еще находится во власти убеждения, что мера достоинства человека определяется обладанием материальными благами. Впервые он сознает перемену в своем положении, когда воочию видит, что, раздав свои владения, он потерял реальную власть и все, связанное с ней. Так начинают рушиться все основы, на которых была построена его предшествующая жизнь.

Всю жизнь Лир созидал свое всемогущество. Ему казалось, что он достиг его вершины. На самом же деле он ринулся в пропасть. Сам того не предполагая, он одним жестом разрушил все, что строил. Он хотел быть тем человеком, который обладает самой большой властью — властью личного превосходства, а оказалось, что это самое дорогое для него — жалкая иллюзия. Дочери заставили его понять это. Из уст Лира вырываются страшные проклятия, и нет такого несчастья, которого он не призывал бы на головы предавших его детей. Он грозит им страшной мстью, но его гнев бессилен. Мир больше не повинуется ему. Ему отказали в повиновении те, кто по всем законам жизни — по закону природы, семьи, общества, государства — более всего обязаны подчиняться, собственные дети, его плоть и кровь, его подданные, вассалы, те, кого он сам наделил властью. Все устои, на которых держалась жизнь Лира, рухнули, и рассудок старого короля не выдержал этого. Когда Лир увидел, каков мир на самом деле, он сошел с ума.

4

Обезумевший Лир уходит ночью в степь. Он уходит не только от дочерей. Он покидает мир, в котором хотел господствовать и быть выше всех. Он уходит от людей, от общества и идет в мир природы, как уходили туда герои комедий Шекспира, когда человеческая злоба и жестокость лишали их принадлежащего им по праву места в жизни. Но героев комедий природа встречала ласковой тенью лесов, нежным журчанием чистых потоков, давала покой и утешение.

Лир уходит в голую степь. Ему негде здесь укрыться. Над его седидами нет крова. Природа встречает его не ласковой тишью, а грохотом стихий, небеса разверзлись, грохочет гром, сверкают молнии, но, как ни страшна эта буря в природе, она не столь ужасна, как

буря, происходящая в душе Лира. Он не боится бури, в природе она не может причинить ему зла большего, чем то, которое причинили ему собственные дочери.

Бесчеловечная сущность эгоизма раскрывается Лиру сначала в неблагодарности дочерей, которые обязаны ему всем и тем не менее отвергли его. Против них обращен его гнев, и безумный Лир судит своих дочерей. Ему недостаточно осудить их. Он хочет знать причину человеческой жестокости: «Исследуйте, что у нее в области сердца, почему оно каменное» (III, 6).

Есть глубокий символический смысл в том, что этих жестокосердных людей, господствующих в мире власти и богатства, Лир предает суду отверженных — изгнанника Кента, Тома из Бедлама и шута. Он сам теперь из мира всемогущества перешел в мир бессильных и бесправных.

Безумие Лира является подлинным, а не мнимым, как у Гамлета. Но все, что он говорит и делает в состоянии умопомрачения, отнюдь не бессмысленно. О нем с полным правом можно сказать то, что Полоний говорит о Гамлете: «Хоть это и безумие, но в нем есть последовательность» («Гамлет», II, 2). То же самое Эдгар говорит о безумном бреде Лира: «Какая смесь! Бессмыслица и смысл — все вместе» (IV, 6). Мысль Лира все время вращается в кругу вопросов, связанных с его прежним положением и нынешним. В своем безумии он переосмысливает весь предшествующий жизненный опыт. Правильней было бы назвать его безумие бурным и мучительным душевным потрясением, вследствие которого Лир совершенно по-новому оценивает жизнь.

Первая примета происшедшего в нем душевного переворота заключается в том, что он начинает думать о других. Буря нещадно хлещет его, но Лир — впервые в жизни! — думает не о тех страданиях, которые она причиняет ему, а о других отверженных:

"Бездомные, нагие горемыки,
Где вы сейчас? Чем отразите вы
Удары этой лютой непогоды —
В лохмотьях, с непокрытой головой
И тощим брюхом? Как я мало думал
Об этом прежде!" (III, 4).

«Как я мало думал об этом прежде!» Прежний Лир никогда бы так не сказал, ибо он думал только о себе. Преображенный Лир, которого мы видим теперь, начинает сознавать, что кроме человеческого величия существует человеческие невзгоды и нищета. Никакое подлинное величие не имеет права не считаться со страданиями тех, кто не устроен и не обеспечен. Лир восклицает:

"Вот тебе урок,
Богач надменный! Стань на место бедных,
Почувствуй то, что чувствуют они,
И дай им часть от своего избытка
В знак высшей справедливости небес" (III, 4).

Таков урок, который Лир преподает не кому-нибудь другому, а самому себе. Теперь, когда он познал несчастье и страдание, в нем родилось чувство, которого не было раньше. Он чувствует чужое страдание.

В степи во время бури Лир встречает Эдгара, скрывающегося под видом Тома из Бедлама. В этом несчастном, обездоленном существе он видит человека. Раньше, как мы знаем, меру человеческого величия он определял «избытком» и думал, что если ограничить человека лишь тем, что нужно, то он сравняется с животным. Но вот перед ним Том из Бедлама, у которого нет даже самого необходимого. Показывая на него, он восклицает: «Неужели вот это, собственно, и есть человек? Присмотритесь к нему. На нем все свое, ничего чужого. Ни шелка от шелковичного червя, ни воловьей кожи, ни овечьей шерсти, ни душистой струи от мускусной кошки! Все мы с вами поддельные, а он — настоящий.

Неприкрашенный человек — и есть именно это бедное, голое двуногое животное, и больше ничего. Долой, долой с себя все лишнее! Ну-ка, отстегни мне вот тут» (III, 4). Лир срывает с себя одежду. Он, который раньше думал, что невозможно жить без свиты в сто человек, теперь понял, что является всего лишь бедным, голым двуногим животным.

Это сбрасывание одежды имеет глубокий смысл. Лир срывает с себя все то чуждое и наносное, внешнее и излишнее, что мешало ему быть тем, что он есть на самом деле. Он не хочет оставаться «поддельным», каким был раньше.

Безумный Лир понимает жизнь лучше, чем тот Лир, который мнил себя великим мудрецом. Он сознает, что жил, опутанный ложью, которой охотно верил, ибо она была ему приятна: «Они ласкали меня, как собачку, и ввали, что я умен не по годам. Они на все мне отвечали „да“ и „нет“. Все время „да“ и „нет“ — это тоже мало радости. А вот когда меня промочило до костей, когда у меня от холода не попадал зуб на зуб, когда гром не смолкал, сколько я его ни упрашивал, тогда я увидел их истинную сущность, тогда я их раскусил. Это отъявленные обманщицы. Послушать их, так я — все что угодно. Но это ложь. Я не заговорен от лихорадки» (IV, 6).

Лир переживает второе рождение. Роды всегда связаны с муками, и Лир говорит об этом Глостеру:

"...В слезах явились мы на свет;
И в первый миг едва вдохнули воздух,
Мы стали жаловаться и кричать" (IV, 6).

Второе рождение Лира происходит в страшных муках. Он страдает и оттого, что рухнули все ложные представления, которыми он прежде жил, но еще больше оттого, что жизнь, которую он видит вокруг, бессмысленна и жестока.

Этот обновленный душой Лир не мирится с несправедливостью, царящей в мире. Он, который раньше сам был главным столпом несправедливости, теперь осуждает ее. Он одержим манией судить — и не только своих дочерей, но всех, кто жесток по отношению к другим.

Одно из самых проникновенных мест трагедии — эпизод встречи безумного Лира и ослепленного Глостера. Лир теперь видит, что повсюду царит несправедливость, корень которой — в неравенстве. Власть, которой он раньше так кичился, была подкреплением несправедливости. «Видел ты, — спрашивает Лир Глостера, — как цепной пес лает на нищего?.. А бродяга от него удирает. Заметь, это символ власти. Она требует повиновения. Пес этот изображает должностное лицо на служебном посту» (IV, 6).

Власть, право распоряжаться жизнью людей всегда казались Лиру высшим благом. Ничто не давало ему такого ощущения собственного величия, как то, что он мог людей миловать и карать. Теперь он видит власть в ином свете. Она — зло, калечащее души тех, кто ею обладает, и источник бедствий для тех, кто от нее зависит. Еще одна иллюзия, крах которой переживает Лир, заключается в том, будто носители власти справедливы уже по одному тому, что обладают ею. Теперь он понимает, что обладающие властью сами преступны и в помыслах и в делах. Те, кто держит в руках жизнь и смерть других людей, ничуть не лучше тех, кого они карают как преступников, у них нет морального права судить других. «Видишь, — говорит Лир Глостеру, — как судья издевается над жалким воришкой? Сейчас я покажу тебе фокус.. Я все перемещаю. Раз, два, три! Угадай теперь, где вор, где судья» (IV, 6). Беда в том, что тот самый «излишек», который придает людям обличье благопристойности, на самом деле прикрывает их порочную сущность; власть и богатство делают таких людей безнаказанными, тогда как бедняки беззащитны.

"Сквозь рубища грешок ничтожный виден,
Но бархат мантий прикрывает все.
Позолоти порок — о позолоту
Судья копые ломает, но одень

Его в лохмотья — камышом проколешь" (IV, 6).

Постигнув несправедливость, царящую в мире, Лир становится защитником обездоленных, тех, кто является жертвами власти и жестокого, несправедливого закона. Всех, кого мир богатства и власти осуждает, Лир оправдывает: «Виновных нет, поверь, виновных нет» (IV, 6). Но есть люди, которые видят свое назначение в том, чтобы поддерживать и оправдывать несправедливый строй жизни. Против них обращена гневная ирония Лира, когда он говорит слепому Глостеру:

"Купи себе стеклянные глаза
И делай вид, как негодяй политик,
Что видишь то, чего не видишь ты" (IV, 6).

Эти речи Лира принадлежат к числу наиболее ярких обличений, посредством которых Шекспир выразил глубочайший протест против социальной несправедливости, от которой страдает народ.

Трагедия короля Лира началась как трагедия исключительной личности. Мы видели Лира, возвышающегося над всеми людьми и уверенного в том, что ему предназначено властвовать над остальными. Именно его, человека, вознесенного столь высоко, судьба бросила на самое дно жизни, и тогда несчастье этой исключительной личности слилось с бедами и страданиями тысяч и тысяч обездоленных. Судьба человеческая и судьба народная слились. Лир предстает теперь перед нами уже не как личность, полная гордыни, не как король, а как страждущий человек, и его муки — это муки всех, кто, подобно ему, лишен первейших условий нормального существования, страдает от жестокой несправедливости власти и неравенства состояний. Пусть Лир сам обрек себя на такую судьбу. Но он понял, что другие обречены на нее по воле тех, кто, как он, обладал властью и, счастливый своим могуществом, не хотел замечать чужих страданий.

Теперь мы видим вместе с Лиром, в чем корень зла и бедствий жизни. Он в самих людях, в созданном ими строе жизни, где каждый стремится возвыситься над остальными и ради своего благополучия обрекает на несчастье всех, даже самых близких по крови людей.

В мире богатства и власти нет человечности. Ее не осталось там после того, как из него изгнали Кента, Корделию, Эдгара, Глостера. Если сочувствие страданиям и сохранилось еще, то лишь в мире обездоленных.

"Я — бедный человек,
Ударами судьбы и личным горем
Наученный сочувствовать другим" (IV, 6).

Эти слова произносит Эдгар. Он тоже прошел нелегкий путь познания жизни. Начал он, как все, кому богатство дает возможность безудержных наслаждений. Вероятно, он преувеличивает, когда признается, что раньше был «гордецом и ветреником. Завивался. Носил перчатки на шляпе. Угождал своей даме сердца. Повесничал с ней. Что ни слово, давал клятвы. Нарушал их среди бела дня. Засыпал с мыслями об удовольствиях и просыпался, чтобы их себе доставить. Пил и играл в кости. По части женского пола был хуже турецкого султана» (III, 4). Таким, по его словам, он был до того, как над ним грянула беда. Если он и преувеличивает свои грехи, то лишь в степени, но не в существе, ибо всеми этими самообвинениями Эдгар хочет сказать, что и он, как другие из мира богатых, жил, угождая своим самым низменным потребностям.

Но все изменилось, когда, спасая жизнь, он стал существовать как нищий. Можно только догадываться о том, что он пережил с наступлением этой перемены. Как это случилось и с Лиром, несчастье, обрушившееся на него, заставило Эдгара переосмыслить свою прежнюю жизнь, и он оценил ее по-новому.

Приведенными здесь словами Эдгар, встретив Лира во время бури в степи, отвечает, притворяясь безумным, на вопрос, кем он был раньше. Но кроме признания в пороках — сладострастии и чревоугодии он говорит о себе нечто и более важное: «Сердцем был лжив,

легок на слово, жесток на руку, ленив, как свинья, хитер, как лисица, ненасытен, как волк, бешен, как пес, жаден, как лев» (III, 4). Повторяю, было бы наивно думать, будто это и в самом деле соответствует характеру и прежнему поведению Эдгара. Он хочет сказать лишь то, что он был богатым придворным, принадлежавшим к самой верхушке общества, и характеризует он не себя, а среду, к которой принадлежал. Никогда мы не поверим, что он был хитер, как лисица, ненасытен, как волк, но это с полным правом можно сказать о его брате Эдмонде, также как и о дочерях Лира — Гонерилье и Регане, о Корнуэле.

Мы видим, таким образом, что ситуации трагедии и сопровождающие их комментарии персонажей содержат не только резкое противопоставление мира богатства и власти, с одной стороны, и мира народной нужды, с другой: центральные эпизоды трагедии, ее кульминационные пункты, те, в которых страдания несправедливо обиженных достигают высшей силы, содержат и безоговорочно резкое осуждение хозяев жизни. Яснее всего это сказывается в том, что никто из пострадавших не желает вернуться в тот мир обеспеченности, из которого его изгнали. Это опять-таки выражает Эдгар: «Отверженным быть лучше, чем блистать...» (IV, 1).

Трагическая ирония Шекспира неисчерпаема. Именно тогда, когда Эдгар, как ему кажется, нашел утешение даже в своей горестной судьбе, жизнь готовит ему новое испытание: он встречает своего ослепленного отца. Глостер — еще один персонаж трагедии, испытавший падение с больших социальных высот. Он тоже проходит крестный путь познания жизни через страдания.

Вначале мы видим его еще не утратившим памяти о наслаждениях молодости. Он с легкомысленной шутливостью рассказывает Кенту, что ему и его жене доставило «большое удовольствие» «изготавливать» Эдгара (I, 1). Погрешил он и легковерием, когда послушался навета Эдмонда против Эдгара. Несчастье Лира было первым ударом, заставившим его по-новому взглянуть на происходящее вокруг. Он предупредил приближенных Лира о том, что обезумевшего короля надо отправить в Дувр. За это он поплатился. Собственный сын предал его, тот, кого он больше всего любил и ради которого изгнал другого сына. Корнуэл и Регана, которым он верно служил после отречения Лира, выкололи ему глаза и вытолкнули слепым на большую дорогу.

Прекрасно сказал Гегель: Лир в своем безумии стал все понимать, а слепой Глостер — прозрел. Да, теперь и он прозрел. Но как раз по-разному реагируют на мир после своего прозрения Лир, Эдгар и Глостер! Лир судит тех, кто был несправедлив, хочет идти на них войной. Эдгар — на время, только на время! — превратился в озлобленного и меланхолического «философа» счастливой бедности. Глостер проникся отчаянием и утратил веру в смысл жизни. Люди кажутся ему жалкими червями. Глостеру же принадлежит и самое эпиграмматически острое суждение о своем времени. Когда он, слепой, встречает Эдгара, который продолжает выдавать себя за сумасшедшего нищего, Глостер берет его себе поводырем. Он сам указывает на символический смысл этого: «В наш век слепцам безумцы вожак» (IV, 1).

Глостер, так же как и Лир, изведав страдание, проникается сочувствием к беднякам. Он тоже говорит о том «избытке», которым богатые должны поделиться с нуждающимися (IV, 1).

Глубоко знаменательно то, что страдания приводят Лира и Глостера к одинаковому выводу о необходимости милосердия по отношению к обездоленным.

5

В то время как одни возвышаются, другие падают и все участники драмы живут полным накалом страстей и мук, один из свидетелей развертывающейся трагедии смеется. Так ему положено, ибо он шут и все происходящее дает ему повод для острот, прибауток и

песенок. Мы встречали много шутов у Шекспира, но такого видим в первый раз. Все другие были безразличны к тому, что происходило вокруг. Их господам приходилось иной раз туго, а они и в ус не дули, и их шутки сглаживали мрачные стороны происходящего, внося равновесие в общую картину и напоминали о том, что жизнь состоит не только из печали, но также имеет и свои радости.

Шут короля Лира самый щедрый из всех шекспировских шутов. Он превосходит остальных обилием своих шуток. В первой половине трагедии они сопутствуют всему, что происходит с королем. Шут играет роль комического хора в трагедии. Точнее — хора язвительно-насмешливого и саркастического.

У шутов была давняя привилегия: они имели право говорить истину в лицо самым могущественным владыкам. Именно эту роль и выполняет шут в трагедии. Еще до того, как Лир осознал, что он совершил ошибку, шут говорит ему об этом (I, 4).

Одним из следствий уродливого развития личности Лира было то, что он перестал сознавать истинное положение вещей. Лесть и всеобщее поклонение привели к тому, что Лир признавал за истину лишь то, что ему было приятно. Таково одно из извращений природы, жертвой которого стал Лир, когда еще был всемогущим. Преувеличенное представление о своем всемогуществе заставляло его принимать желаемое за действительное. В этом состоянии он и принял свое роковое решение, которое проистекало не из каприза, а из ложных представлений о жизни и утраты понятий о тех реальных силах, которые в ней определяют судьбу человека.

Среди тех, кто пытался образумить Лира, шуту принадлежит особенно значительная роль. Правда, мы не слышим его голоса тогда, когда происходит испытание любви дочерей и раздел королевства. Но с того момента, когда Лир перестал быть королем и вместе с тем еще не понимает, что его положение радикально изменилось, шут первый, кто стремится заставить его понять это.

Высокие понятия, выходящие за круг обыденных практических представлений о жизни, шуту недоступны. Но зато правду действительности во всей ее суровости шут знает, как никто. В этом смысле его понятия и представления о жизни находятся в соответствии с тем, как ее воспринимают люди, которым жизнь всегда предстает прежде всего в ее неприятных сторонах. Сознание шута — сознание человека, за спиной которого стоит многовековой опыт простого народа, его самых необеспеченных слоев, тех, кто горбом своим познал истину, составляющую сущность господствующего миропорядка. Кто-кто, а простые люди первыми познали то, что потом обобщили философы и социальные мыслители. Задолго до них они постигли несколько простых истин, и первой из них было то, что место человека в жизни определяется обладанием собственностью. Они-то знали, какую власть дает людям богатство. Лир этого не знал. Он наивно полагал, что место человека в жизни определяется его личными достоинствами.

Шут все время твердит Лиру одно и то же: он нарушил существующий в мире порядок вещей и захотел жить не так, как все живут — отказался от реальной власти, но продолжал повелевать, раздал имущество, но хотел жить, как богатый.

Его шутки злы не потому, что он зол, а потому, что злой является жизнь. Беспощадность ее законов он и выражает, говоря Лиру суровую правду в лицо. Шут обладает добрым сердцем — добрым по отношению к тем, кто страдает. Он любит Лира и, может быть, не осознает, но инстинктивно чувствует благородство духа, присущее королю. И в том, что шут следует за Лиром, когда тот лишился всего, проявляется благородство человека из народа, чье отношение к людям определяется не их общественным положением, а человеческими качествами.

Шут сам принадлежит к наиболее обездоленной и бесправной части общества. Единственное его богатство — ум. Но и его он отдает на службу другим. Он живет не для себя, но видит и отлично понимает, как живут другие. Его шутки выражают мысль народа,

умудренного горьким опытом вековой социальной несправедливости. Лир захотел на старости лет жить по другим законам, но шут знает, что это невозможно.

Смысл сатирического «пророчества», которое он изрекает в степи, состоит в том, что отношения, основанные на человечности, невозможны в обществе, где господствуют обман, стяжательство и угнетение («Когда попов пахать заставят...» и т. д.; III, 2).

Порядок вещей, существующий в мире, извращен. Однако этот противоестественный строй жизни всеми принят как нормальный. Шут понимает это задолго до того, как Лир пришел к познанию истины. Можно сказать, что шут родился с таким пониманием жизни. Лиру нужно было второй раз родиться, чтобы понять то же самое.

Роль шута в трагедии заключается в том, что он своими горькими шутками как бичом подхлестывает сознание Лира. Он ускоряет прозрение старого короля, а потом вдруг навсегда исчезает (III, 6).

Таинственное исчезновение шута из числа действующих лиц принадлежит к числу тех неразрешимых загадок, которые имеются в произведениях Шекспира. Что с ним стало после того, как он помог перенести Лира на ферму около замка Глостера, где старый король заснул, мы не знаем. Бесполезно гадать и искать внешние сюжетные обоснования для исчезновения шута. Его судьба определяется не закономерностями обыденной действительности, а законами поэзии. Он пришел в трагедию (I, 4), когда был нужен для того, чтобы Лир, отдавший королевство, поскорее понял трагические последствия своего рокового поступка. Он уходит из нее (III, 6), когда Лир этого понимания достиг. Все, что он мог сказать, теперь знает и Лир. При этом Лир понимает все еще глубже шута, потому что, хотя горестные замечания последнего есть результат многовековой привычки, у Лира восприятие пороков жизни обострено той страшной трагедией падения, через которую он прошел. Противоречия жизни являются для шута неизбежными и неотвратимыми. Его сознание поэтому не поднимается выше горьких сарказмов. Для Лира эти же противоречия обнажаются как величайшая трагедия жизни. Его видение зла является более глубоким и более сильным. Если шут в судьбе Лира увидел лишь еще одно подтверждение своего скептического взгляда на жизнь, то в Лире пережитое счастье вызвало возмущение трагическим несовершенством бытия.

6

Мы оставили Лира в состоянии необыкновенного безумия, которое вопреки обычному течению вещей, проявилось не в помрачении, а в прояснении разума. Но Лир все же безумен. Его мозг затуманен скорбью, как небо тучами. Только изредка в этом мраке безумия сверкают молнии разума и жгучие мысли озаряют своими вспышками поле жизненных бедствий. В свете их мы видим страшный лик истины и перед нами со всей нестерпимостью раскрывается несправедливость, царящая в мире. Гнев и страдания Лира выражают не только его боль, но и боль всего страждущего человечества. Он заблуждался, когда думал, что все благие силы жизни воплощены в величии его личности. Его истинное величие проявилось в том, что он смог подняться над собственным горем и испытать в своей душе горе всех несправедливо обиженных. Этот Лир поистине велик. Он обнаруживает качества, которых у него было, когда он находился на вершине могущества. После трагедии, пережитой им, как пишет Добролюбов, "раскрываются все лучшие стороны его души; тут-то мы видим, что он доступен и великодушию, и нежности, и состраданию о несчастных, и самой гуманной справедливости. Сила его характера выражается не только в проклятиях дочерям, но и в сознании своей вины пред Корделией, и в сожалении о своем крутом нраве, и в раскаянии, что он так мало думал о несчастных бедняках, так мало любил истинную честность... Смотря на него, мы сначала чувствуем ненависть к этому беспутному деспоту; но, следя за развитием драмы, все более примиряемся с ним как с человеком и оканчиваем тем, что

исполняемся негодованием и жгучею злобой уже *не к нему*, а *за него* и за целый мир — к тому дикому, нечеловеческому положению, которое может доводить до такого беспутства даже людей подобных Лиру"40.

Лир, который вначале был крайним воплощением деспотизма, превратился затем в жертву деспотизма. Видя его нечеловеческие страдания, мы проникаемся ненавистью к строю жизни, обрекающему людей на такие бедствия. Мы хотим, чтобы нашлась в мире сила, которая положила бы конец мукам Лира и всех, кто страдает, как он. Такая сила есть — это Корделия.

Не помня обиды, движимая одним лишь желанием спасти отца и восстановить его в правах, спешит Корделия из Франции. Она является во главе войска. Перед нами уже не одинокая беззащитная девушка. Теперь мы видим Корделию-воительницу.

Корделия — один из самых прекрасных образов, созданных Шекспиром. В ней сочетаются женственность, красота, душевная сила и стойкость, непреклонная воля и способность бороться за то, во что она верит. Как и другие женщины-героини Шекспира, Корделия — свободная личность. В ней нет ни грама тупой и бессловесной покорности. Она живое воплощение гуманистического идеала человечности. Она не поступилась истиной даже тогда, когда ее собственное благополучие зависело от того, насколько она сумеет подольститься к отцу, дошедшему до крайнего неразумия в своем самообожании. Как светлый образ чистой человечности предстает она перед нами в начале трагедии, затем Корделия надолго исчезает из действия. Она первая жертва несправедливости, деспотизма, предстающая перед нами в трагедии. В несправедливости, которую совершил по отношению к ней Лир, символически воплощается сущность всей несправедливости вообще. Она символ страдания за истину. И Лир знает, что его самая великая вина — вина перед Корделией.

И вот Корделия является, чтобы спасти отца, пострадавшего от несправедливости. То, что она выше личных обид, делает ее облик еще более прекрасным. Врач Корделии берется излечить Лира. Он погружает его в глубокий сон. Пока Лир спит, играет музыка, которая своей гармонией восстанавливает расстроенную гармонию его духа. Когда Лир пробуждается, его безумие прошло. Но с ним произошла новая перемена. Он уже опять не голое двуногое существо, не бесприютный, который мечется без крова по степи. На нем богатые королевские одежды, его окружает множество людей, и опять, как некогда, все они ловят его взгляды, чтобы угадать его желания и тотчас же выполнить их. Он не может понять — то ли это сон, то ли он попал в рай, ибо не в состоянии больше поверить, что может быть светлое в жизни без мук и страданий: «Не надо вынимать меня из гроба...» (IV, 7).

Из всего, что он видит вокруг себя, больше всего поражает его Корделия, которую он принимает за «райский дух». Ему кажется невозможным, чтобы она простила его и вернулась к нему. Но это так! И тогда гордый Лир, тот Лир, которому казалось, что весь мир должен распластаться у его ног, опускается на колени перед дочерью. Он сознает свою вину перед ней и не может понять, почему она плачет.

Корделия, простившая отца и пришедшая ему на помощь, выражает дорогой для гуманиста Шекспира принцип милосердия. Но это не христианское милосердие, как уверяют некоторые из новейших толкователей трагедии, ибо Корделия не из тех, кто отвечает на зло безропотной покорностью. Она явилась, чтобы с оружием в руках восстановить справедливость, попранную ее старшими сестрами. Не христианская покорность злу, а воинствующий гуманизм воплощен в Корделии.

Однако — и в этом один из самых трагических мотивов пьесы — Корделии не суждено победить. Ее войско оказывается разбитым. Но мужество не покидает ее. Когда Лира и ее берут в плен, она со стоическим мужеством говорит отцу:

"Нет, мы не первые в людском роду,
Кто жаждал блага и попал в беду.
Из-за тебя, отец, я духом пала,

Сама бы я снесла удар, пожалуй" (V, 3),

Она даже способна шутить и с явной иронией спрашивает Лира: «Не повидать ли нам моих сестер?» При этом она имеет в виду, что можно было бы попросить у них снисхождения. Она это спрашивает не потому, что верит в их доброту, — их обращение с Лиром не оставляет у нее никаких сомнений относительно их способности к милосердию, — она проверяет Лира: осталась ли у него еще способность сопротивляться миру несправедливости и зла. Да, у Лира она осталась. Он отвечает четырехкратным: «Нет, нет, нет, нет!»

Корделия еще не знает, каким теперь стал ее отец. Этот новый Лир, прошедший через горнило страданий, познал, *что* самое главное для человека. Оно не в том «избытке», без которого он раньше не мыслил своей жизни. Самое главное для человека — не власть над другими людьми, не богатство, дающее возможность удовлетворять любые прихоти и капризы чувственности, главное — в душевном покое и не в мнимой, выражающейся громкими словами любви, а в чувстве неразрывной близости людей, стоящих выше всех мелочных тщеславных интересов. Лира не страшит темница, если в ней он будет с Корделией. Она, ее любовь, ее чистота, ее милосердие, ее безграничная человечность — вот что ему нужно, вот в чем высшее счастье жизни. И этим убеждением проникнуты слова, с которыми он обращается к Корделии:

"Пускай нас отведут скорей в темницу.

Там мы, как птицы в клетке, будем петь..." (V, 3).

Когда-то Лир отрекся от власти, на самом деле не думая отречься от нее. Он долго возмущался и тяжело переживал то, что власть над другими ему более недоступна. Он не сразу мог привыкнуть к своему новому положению. Но теперь тот мир стал для него навсегда чужим. Он в него не вернется, его душа полна презрения к власти имущим, к их бесчеловечным распрям. Пусть они думают, что, взяв Лира и Корделию в плен, одержали над ними победу. Он счастлив с ней и без трона и без власти (V, 3). Корделия плачет, слушая его речи, но то не слезы горя и бессилия, а слезы умиления при виде преображенного Лира. Впрочем, он, кажется, не понимает причины ее слез. Ему кажется что это проявление ее слабости, и он утешает ее.

Ужасны были те испытания, через которые прошел Лир, дорогой ценой купил он стоическое спокойствие по отношению к бедам, обрушившимся на него. Ему кажется, что не осталось ничего, что могло бы теперь разрушить ту новую гармонию духа, которую он обрел, когда к нему вернулась Корделия. Но Лира ждет еще одно, самое страшное, самое трагическое испытание, потому что прежние испытания расшатывали его заблуждения, а то испытание, которое придет будет ударом по истине, обретенной им ценой стольких мук.

Здесь в судьбу Лира и Корделии вмешивается, злой дух трагедии Эдмонд. Он знает, что, даже пленные, они опасны, и решает уничтожить их. Он отдает распоряжение покончить с ними в тюрьме. Потом, когда брат побеждает в поединке и Эдмонд сознает, что его жизнь уходит, в последний миг, «своей природе вопреки», он хочет сделать добро и спасти Корделию и Лира, которых перед этим приказал умертвить. Но его раскаяние приходит слишком поздно: Корделию успели повесить. Ее вынимают из петли, и перед нами появляется Лир, который несет на руках мертвую Корделию. Мы помним, как гремел его гневный голос, когда он думал, что с потерей королевства потерял все. Потом он узнал, что в тот раз он не потерял ничего. Потерял он теперь, когда погибла Корделия. Снова горе и безумие охватывают его:

"Вопите, войте, войте! Вы из камня!

Мне ваши бы глаза и языки —

Твердь рухнула б!.. Она ушла навеки..." (V, 3).

Зачем нужна жизнь, если такое прекрасное существо, как Корделия, мертва:

"Мою

Бедняжку удавили! Нет, не дышит!
Коню, собаке, крысе можно жить,
Но не тебе! Тебя навек не стало..." (V, 3).

Чаша страданий Лира переполнилась. Прийти ценой стольких испытаний к познанию того, что человеку нужно, и затем потерять обретенное — выше этого мучения не бывает. Это самая страшная из трагедий. До последнего дыхания Лиру все же кажется, что, может быть, Корделия не умерла, он еще надеется на то, что в ней сохранилась жизнь. Потрясенный, смотрит он на ее губы — не вырвется ли из них вздох. Но губы Корделии не шевелятся. Он так смотрит на них, потому что из этих уст он впервые в жизни услышал правду, которой не хотел верить в своем высокомерном заблуждении, и теперь он еще раз ждет, чтобы уста истины ответили ему. Но они немые. Жизнь ушла из них. И с этим уходит жизнь из многострадального Лира.

Эдгар думает, что Лир лишился чувств, и пытается привести его в себя, но Кент останавливает его:

"Не мучь. Оставь
В покое дух его. Пусть он отходит.
Кем надо быть, чтоб вздергивать опять
Его на дыбу жизни для мучений?" (V, 3).

Трагедия закончена. Кровавому хаосу пришел конец. В нем было много жертв. Погибли все, кто, презрев человечность в погоне за мнимыми жизненными благами, причиняли страдания и истребляли стоявших на их пути. Пали Корнуэл, Гонерилья, Регана, Эдмонд, но погибли также Глостер, Корделия и Лир. Это та высшая мера справедливости, которая доступна трагедии. Погибают невинные и виновные. Но уравнивает ли гибель тысяч Гонерилий и Реган гибель одной Корделии? И зачем человеку страдать так много и так сильно, как страдал Лир, если в конце концов он все равно теряет все лучшее, ради чего стоило терпеть пытку жизни?

Таковы те трагические вопросы, которыми завершается драма. Ответа на них она не дает. Но Шекспир, познавший и раскрывший нам самые большие глубины страданий, не хочет расстаться с нами, оставив нас без проблеска надежды. Последние слова трагедии проникнуты глубокой скорбью, но в них звучит и мужество:

"Какой тоской душа ни сражена,
Быть стойким заставляют времена.
Все вынес старый, тверд и несгибаем.
Мы, юные, того не испытает".

Опять не христианским долготерпением, а стоическим мужеством веет на нас. Мы приобщились к духу трагедии. Иным кажется, что для моральной полноценности Шекспиру необходимо еще приписать здесь убеждение, что жизнь не бессмысленна, как не бессмысленны и страдания. Поэтому ищут вины не только у Лира, но даже у Корделии. На Лире безусловно вина есть, но не перекрывается ли его вина мерой страданий, выпавших на его долю? Во всяком случае, Корделия умирает безвинной, и ничто в мире не оправдывает ее гибели.

Трагедии создаются не для утешения. Они возникают из сознания глубочайших противоречий жизни. Не примирить с ними, а осознать их хочет художник. И нас он ставит перед ними со всей беспощадностью, обнажая правду о страшных сторонах жизни. Нужно обладать великим мужеством, чтобы посмотреть этой правде в лицо так, как смотрел Шекспир. Не примирить с трагизмом жизни хотел он, а вызвать возмущение злом и несправедливостью, обрекающими людей на страдания.

А. Аникст

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «КОРОЛЯ ЛИРА»

1

Грубый скиф или дикарь, который пожирал свое потомство... — Геродот рассказывает об обычае древних скифов съедать своих престарелых родителей и дедов, но не детей.

2

Не суйся меж драконом и яростью его — в смысле: и предметом его ярости.

3

...даю вам разделить мою корону. — В тексте — *coronet*, уменьшительное от *crown* — корона. Критики обратили внимание на то, что Лир отдает дочерям лишь «малую», то есть герцогскую корону, и предположили, что «большую» корону, как эмблему суверенной власти, он решил сохранить для себя. Была высказана остроумная догадка, что эту малую корону Лир первоначально намеревался отдать Корделии, чтобы выделить ее среди сестер, и что в этом заключался его «тайный замысел».

4

Том из Бедлама. — После закрытия монастырей в Англии (XVI в.) в бывшем Вифлеемском (Bethleem, сокращ. Bedlam) монастыре в Лондоне был устроен сумасшедший дом. Хронических больных переставали «лечить» (то есть сажать на цепь, лить воду на голову и проч.) и отпускали на все четыре стороны, разрешая им бродить по всей стране, выпрашивая милостыню. Народ прозвал их Toms of Bedlam.

5

Если бы я взял монополию на глупость... — При Иакове I раздача торговых монополий частным компаниям и отдельным лицам (особенно из числа придворных) достигла размеров, которые вызвали всеобщее недовольство и неоднократные протесты со стороны парламента.

6

В том мало смеху... — Высказывалось предположение, что эти строки, представляющие собой прямое обращение шута к публике, были первоначально импровизацией актера, исполнявшего эту роль, и лишь позже были включены в текст пьесы.

7

...разошлем по всей стране его изображение. — Во времена Шекспира такой способ

поимки преступников уже применялся.

8

Мальчик мой. — В подлиннике Глостер называет Эдмонда *loyal and natural*, то есть своим верным и «естественным» сыном. Второй эпитет содержит два смысла: «натуральный» (в противоположность «законному» сыну Эдгару) и «любящий», «сердечный» (в противоположность «бессердечному» Эдгару).

9

...крестник моего отца... — Один из типичных анахронизмов Шекспира.

10

Если б ты попался мне в Липсберийском загоне... — Так как местности под названием Липсбери не существует, то полагают, что это либо искажение названия Финсбери, загон которого был весьма известен, либо просто шуточный образ: Lipsbury может быть переведен как «город губ» (*lip* — губа); в таком случае «Липсберийский загон» означает «рот». Кент хочет сказать: «Попадись ты мне на зубок».

11

...портной смастерил тебя. — То есть «ты обязан сходством с человеком только платьем, сшитому портным».

12

...ижица, лишняя буква в азбуке! — В подлиннике — *Z (zed)*, которое считалось грамматиками того времени «лишней» буквой, поскольку передаваемый ею звук может быть изображен с помощью буквы *S*.

13

Попался б ты мне, гусь... — Сравнение с гусем подсказано смехом (гоготанием) Освальда.

14

...столько огорчений от дочерей, что в год не сочтешь. — В подлиннике каламбур: *dolour* (скорбь, печаль) и *dollar* (доллар).

15

Надо отдать тебя в ученье к муравью. — Эта тирада шута — ответ на первый вопрос Кента. Иронический смысл ее: «если ты не знаешь, почему при короле нет свиты, то ты не знаешь и следующих простых истин». Пример муравья показывает, что состоявшие при Лире слуги знали, когда можно было от него поживиться; в пору его благополучия, а не в пору зимних невзгод.

16

...святая вода светского общенья в сухом доме... — В подлиннике — *court holy-water* — священная вода, которой кропили при дворе. Выражение это стало proverbiallyным (в смысле «придворная лесть»).

17

У кого ума крупница... — Этот куплет — вариант песенки, которую Фесте завершает «Двенадцатую ночь»; рефрен «И дождь, и град...» — в оригинале тот же.

18

Мерлин — в легендах о короле Артуре волшебник и прорицатель, живший, по преданию, в конце V и начале VI в. н. э. Лир, согласно Холиишеду, жил в IX в. до н. э.

19

В терновнике северный ветер свистит... — Думают, что эта строка — неточная цитата из какой-то старинной баллады.

20

Черт подкладывал Тому ножи под подушку... — Прodelки беса, подсовывающего орудия самоубийства и т. п., упоминаются в книге Харснета «Обличение отменных папистских плутней», где приводятся показания человека, которого священники уверяли, будто он одержим бесом.

21

Бес Флибертиджиббет — один из бесов, упоминаемых у Харснета.

22

Витольд. — Святой, который считался защитником от кошмаров («Мар»), насылаемых

нечистой силой, которая заклиналась его именем.

23

Но лишь мышей и крыс... — по-видимому, отрывок из песни.

24

Смолкин, Модо и Мего. — Называемые Эдгаром имена бесов, иногда с незначительными звуковыми изменениями, встречаются у Харснета, но не являются его изобретением. Некоторые из них могли быть известны Шекспиру из фольклора и из современной ему демонологии.

25

Наехал на черную башню Роланд... — Отрывок из старинной баллады, содержание которой, по-видимому, одна из ранних версии сказки о Джеке, сокрушителе великанов.

26

Фратеретто — одно из имен бесов.

27

Нерон промышляет рыбачеством. — Предполагают, что это упоминание Нерона подсказано Шекспиру Рабле (английский перевод «Гаргантюа» появился в 1592 г.); см. «Гаргантюа», книга II, гл. 30, где Эпистемон рассказывает о времяпрепровождении в царстве мрака великих грешников мира сего. Но у Рабле Нерон играет на флейте, а на удочку ловит (и не рыб, а лягушек) император Траян.

28

Плыви ко мне, Бесси, через ручей. — Эдгар начинает, а шут подхватывает отрывок из старинной английской баллады.

29

Не спи, настух... — тоже отрывок из баллады..

30

Мрр, мрр! Это кошка — серая. — Неясно, новое ли это название беса или принятое в

английском языке подражание мурлыкающему коту (русское «мурр»).

31

Держи! — Имеется в виду Гонерилья, которая, по предположению Лира, убежала, пока он обращался к Регане («А вот другая»), ибо как явствует из дальнейшего, Регану он продолжает видеть перед собою.

32

...стал сухим твой рог... — Юродивые, бродя по дорогам, носили с собой рог, в который они трубили, возвещая о своем прибытии. Будучи закупорен, этот рог служил им сосудом, который наполнялся милостыней. Возможно, что эта фраза Эдгара имеет иносказательный смысл, а именно — что он не может больше выдержать принятой на себя роли.

33

Вы скажете, что это персидский наряд. — То есть одеяние, отличающееся восточной роскошью.

34

А я лягу спать в полдень. — Эти слова шута, будучи естественным ответом на замечание Лира: «Ужинать мы будем утром», представляет собой жестокую в данной ситуации шутку — картину ночного кутежа. Однако некоторые комментаторы находят в реплике шута еще другой, скрытый смысл. Дело в том, что это последние его слова; даже в окончании этой сцены он безмолвствует и после обращенных к нему слов Глостера: «Не стой без дела» — помогает унести Лира и больше на сцене не появляется. Отсюда возможность понять его слова как извещение о предстоящем исчезновении его — не из жизни (как без всякого основания думают некоторые критики, стремящиеся его «похоронить»), а из пьесы, где с возвращением к Лиру разума гротескно обличительные функции шута на самом деле прекращаются.

35

Какая шляпа славная! — Этот возглас, прерывающий «проповедь» Лира и уводящий его мысли в другую сторону, комментаторы обычно объясняют тем, что Лир, став в позу проповедника, держит перед собой шляпу. Но возможно и другое объяснение: в своем бредовом состоянии Лир внезапно замечает войлочную шляпу Эдгара и продолжает говорить, указывая на нее.

36

Проходи, господин хороший... — И здесь, и в двух следующих репликах Эдгар, прикидываясь простым крестьянином, в подлиннике говорит на соммерсетском диалекте.

37

Какой тоской душа ни сражена... — Во всех кварто последняя реплика пьесы вложена в уста герцога Альбанского, но мы, следуя фолио, приписываем ее Эдгару в соответствии с одной из ведущих мыслей пьесы — что будущее принадлежит молодому поколению, и поэтому последнее слово произносит его представитель.

38

Н.А. Добролюбов, Собр. соч. в трех томах, т.2, М., 1952, стр. 197.

39

Н.А. Добролюбов, Собр. соч. в трех томах, т.2, М., 1952, стр. 198.

40

Н.А. Добролюбов, Собр. соч. в трех томах, т.2, М., 1952, стр. 198.

А. Смирнов